МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

№ 2 – 1922

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. СОЙКИНА и И. Ф. АФАНАСЬЕВА.
МОСКВА. ТВЕРСКАЯ. 38.

Annotation

«Мир приключений» (журнал) — российский и советский иллюстрированный журнал (сборник) повестей и рассказов, который выпускал в 1910–1918 и 1922–1930 издатель П. П. Сойкин (первоначально — как приложение к журналу «Природа и люди»). С 1912 по 1926 годы (включительно) в журнале нумеровались не страницы, а столбцы — по два на страницу, даже если фактически на странице всего один столбец. Журнал издавался в годы грандиозной перестройки правил русского языка. Зачастую в книге встречается различное написание одних и тех же слов. Тогда так писали. В связи с чем орфография оригинала максимально сохранена, за исключением явных опечаток.

- МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
  -
  - СОДЕРЖАНИЕ № 2 — 1922 г
  - ГРАММОФОН ВЕКОВ
  - ЗАГАДКА МОСТА
  - ДВЕ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ
  - СВИНЬИ ЕСТЬ СВИНЬИ
  - МИР ИСПАРЯЮЩЕЙСЯ КАПЛИ
  - МОЕ ПОГРЕБЕНИЕ
  - ЧЕТВЕРО СПРАВЕДЛИВЫХ
  - ОПЫТ ДОКТОРА ДЕЖЕНЭ
  - НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ
  - РЕДКАЯ КНИГА
  - КОНКУРС № 2
  -

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ
1922

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СБОРНИК РАССКАЗОВ

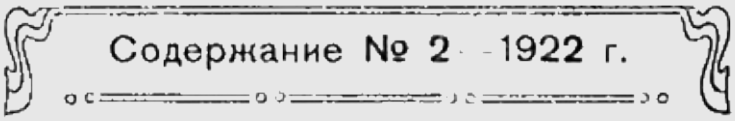
Книга 2-я

*

Московское Издательство О. Л. Свинина и И. Ф. Афанасьева.
МОСКВА. ТВЕРСКАЯ, 38.

Гдавлит № 2522. Москва.
Напеч. 15.000 экз.
1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х.. Москва. Пятницкая, 71.

СОДЕРЖАНИЕ № 2 — 1922 г

Граммофон веков. *Еф. Зозули*

Загадка моста. *А. Конан-Дойля*

Две минуты молчания. *Р. Пертви*

Свиньи есть свиньи. *Э. Бутлера*

Мир испаряющейся капли. *Дж. Барра*

Мое погребение. *Г. Эверса*

ЧЕТВЕРО СПРАВЕДЛИВЫХ — серил очерков *Э. Уоллеса*.
1. Человек, который жил в Клэлгеме

Опыт доктора Деженэ. *Бресселя*

Необычайное приключение мистера Вильфреда Брабазона *А. Гетчинсона*.

Редкая книга. *А. Розенбаха*

Задача-мозаика. На обложке

ГРАММОФОН ВЕКОВ

I

Кукс, наконец, добился цели.

ЕДВА-ЛИ возможно обстоятельно описать вид изобретателя Кукса и обстановку его рабочего кабинета, когда в это счастливое для него утро к нему пришел его старый друг Тилибом.

— Что с гобой? — развел руками Тилибом. — Кукс, посмотри на свои вывороченные ноздри, на поседевшую голову, на красные глаза и дрожащие руки! Взгляни на себя в зеркало. Что с тобой?

— Я счастлив, — закрыв глаза, утонул в улыбке Кукс. — В первый раз в жизни счастлив. Правда, я не спал шестнадцать ночей и совершенно обалдел, но, все-таки, счастлив. Ты говоришь, что у меня вывернутые ноздри — пожалуй, это возможно, так как восемь ночей подряд я нюхал изобретенный мною состав, но, все-таки, сегодня я счастлив.

Желчный Тилибом, лукаво усмехаясь, спросил:

— Не закончил-ли ты свой замечательный «Граммофон веков»?

— Ты угадал, Тилибом, — мягко и беззлобно, как всегда, ответил на колкость ученый. — Ты угадал, мой друг. Ты, конечно, не поверишь, но сегодня я, все-таки, победитель! Да, «Граммофон веков» закончен! Совершенно закончен!

Тилибом не только не поверил, он искренне пожалел своего друга. Ему слишком надоела сорокалетняя история этого горемычного изобретения.

Сорок лет Кукс работал над утверждением теории, что звуки человеческого голоса и. вообще, всякие звуки запечатлеваются в виде особых невидимых бугорков на всех неодушевленных предметах, вблизи которых они издаются. Бугорки эти, по теории Кукса, сохраняются веками, и новые отпечатки звуков ложатся на старые слоями, как наслаивается пыль, песок и многие вещества в природе. В доказательство основательности своей теории, Кукс обещал изобрести аппарат, который бы расшифровывал наслоения звуков. И этот аппарат — в соединении с усовершенствованным, усложненным граммофоном, должен был восстановить слова давно-умерших людей, миллиарды слов ушедших поколений…

Задача, поставленная себе Куксом, была столь грандиозна и дерзка, что два короля (Кукс начал работу за десять лет до полного и всеобщего социалистического переворота в Европе) давали ему субсидию, а третьим королем, более нетерпеливым, он был посажен в тюрьму, _и только по настоянию королевы, отличавшейся добротой, переведен в сумасшедший дом.

Кукс-же, все-таки, не смущался и, освободившись от субсидий, тюрьмы и сумасшедшего дома, продолжал работать над изобретением и, как сможет убедиться читатель, добился таки своей цели.

«Граммофон веков» был закончен. Кукс не лгал.

II.

Изумительное изобретение.

Но старому лицу Кукса, изрытому годами, трудом, муками и гением, продолжала блуждать усталая и счастливая улыбка.

Тилибом стоял неподвижно и чувствовал, что его недоверие тает, как мороженное под весенним солнцем. В усталой улыбке Кукса было то, что убедительнее фактов и, во всяком случае слов.

— Покажи — же мне аппарат, Кукс, — сдался, наконец, Тилибом.

Но было поздно: Кукс уснул.

Счастливый изобретатель спал тридцать пять часов и проснулся от собственного крика — ему снилось, что кто-то ломает и топчет ногами его чудесное изобретение.

Он вскочил с глубокого кресла, в котором спал, протер глаза и оглянулся: в кабинете никого не было, и аппарат, над созданием которого

он потратил почти всю жизнь, стоял с невинным, затаенным и равнодушным видом всякой машины.

Кукс вызвал по телефону Тилибома, и друзья приступили к осмотру и пробе чудесного аппарата.

Кукс необычайно оживился, бегал вокруг «Граммофона веков» и обращался к каждому винтику, как к живому существу:

— Ты успокоился, наконец. — погрозил он пальцем какому-то рычажку, похожему на полуоткрытый рот идиота. — Побежден, брат, а-га! Шестнадцать лет не покорялся, а теперь я тебя завоевал, хе-хе… Теперь ты на своем месте… Да. товарищ, терпение и труд все перетрут.

На вид «Граммофон веков» был неприятен — он напоминал гигантского паука, перевитого змеями-трубами. Из боков его, как мертвые рыбьи морды, неподвижно торчали широкие клещевидные рычаги. Всюду жесткой небритой щетиной волосатилась черная проволока, а к белой маленькой головке-верхушке машины с одним синим стеклышком-глазом

была пристегнута большая и кривая раковина, похожая на ухо.

— Как тебе нравится? — потирал от удовольствия руки Кукс.

— Ничего, занятная штука, — неопределенно ответил Тилибом.

III.

«Граммофон веков» на работе.

Щупальцы, рычаги и трубы аппарата были приспособлены для укладки в ящик-футляр. В ящике «Граммофон веков» имел вид аппарата и был весьма удобен для переноски.

— Где начнем? — спросил Кукс.

— Где хочешь. Но испробовать надо основательно. Спешить некуда, денег за это не дадут, патент тоже не нужен. Нужно только представить Академии, а для этого не мешает хорошенько испытать его…

Шутки Тилибома не отличались оригинальностью — денег давно уже не было в употреблении, патентов тоже и даже остроты на эту тему никого не смешили.

— Да и хорошо, что нет денег, — вздохнул Кукс. — Во всяком случае лучше, чем получать субсидии от королей и богачей, будь они прокляты, и бывать за это на их празднествах и именинах, толкаться в свите дураков и ничтожеств, поздравлять, улыбаться, унижаться, льстить. Ах, на что ушла моя молодость?.. На какую чепуху!

— Ну, нечего, нечего, старик. Ближе к делу. Начнем.

— В кабинете я уже все выслушал. Вплоть до того, что говорили каменщики, когда складывали стены на постройке.

— А что они говорили?

— Судя по темам их бесед, дом этот строился лет за десять до торжества социализма. Прежде всего они, конечно, сквернословили. Затем двое ссорились из-за партийных разногласий. Потом подрались. Две пощечины звонко восприняты и отчетливо повторяются машиной. Затем постройка, очевидно, долго оставалась недостроенной и служила бойницей, баррикадой или чем-то в этом роде. Машина оглушительно стреляет, кричит, стонет и плачет на разные лады. Я думаю, что лет пять постройка пустовала — вероятно, в период революции, гражданских войн и упадка производства — потом ее достроили. С песнями достроили, со смехом, с бодрыми звуками охотного, радостного труда… Я слушал

звуковую биографию постройки, эту симфонию строющегося дома с огромным интересом… Ну, идем, нам предстоит еще многое интересное…

— Если ты говоришь правду, то поставь аппарат сюда, в твою столовую, я хочу немедленно убедиться. Это слишком уже сказочно, — засуетился Тилибом. — Кабинет ты выслушал, а теперь послушаем столовую.

— Хорошо.

Кукс перенес аппарат, повозился над ним, отошел, сел и пригласил сесть Тилибома.

«Граммофон веков» задрожал, зашипел и начал…

Будничные слова, разговоры, восклицания, звуки шагов, хлопанье дверей, смех, плач…

Вдруг такой громкий детский плач…

— Это моя Надя плачет… — тихо сказал Кукс. — Она оплакивает смерть Мани, моей жены… А, вот, голос покойницы… Узнаешь?..

Талибом, бледный и взволнованный чудом, встал и слушал с раскрытым ртом. Из раковины машины ровно вылетали слова и фразы:

— Здравствуйте. Садитесь, пожалуйста. Здесь душно? — Я открою окно.

— Мой муж так занят.—

— Всегда, всегда занят.—

— Надя. Надя. Оденься теплей. Тысячи обыденных слов, фраз.

Но оба слушали, затаив дыхание.

И вдруг — крепкий, молодой голос молодого Тилибома:

— Мария Андреевна, Маня, Манечка, я люблю вас! Так люблю! Я не могу видеть этого старого дурака, вашего мужа, этого сумасшедшего!.. Как мне жаль вас… Майя, я люблю… тебя!..

Тилибом закрыл руками лицо. Кукс смотрел на пол. Машина продолжала вить нескончаемую ленту из слов, фраз, — четких, беспощадных, страшных и невинных. Разных.

В живой стенографии былого было, между прочим, и такое место:

— Кто тут был? Опять этот каналья Тилибом? Как надоела мне его бездарная рожа! Как надоела!

Это говорил Кукс, сравнительно недавно…

Пять часов пролетели незаметно… Друзья устали. Они выслушали многое нелестное о себе, сказанное в разное время устами обоих. Тилибом не раз пытался соблазнить жену друга, но оказалось, что ее соблазняли другие друзья…

По все это затмили слова и обстоятельства людей, раньше живших в

доме. И на фоне звуков жизни, горя, радости, смеха и отчаяния — маленькими и неважными казались личные обиды или измены.

— Руку! — добродушно улыбнулся Кукс, подойдя к Тилибому. — Видишь, мы стоим друг друга. Но забудем об этом. Все это минувшее. Двадцать лет живем в царстве социализма, а все еще продолжаем быть маленькими, подленькими… По наши дети уже — иные… Твой сын, Тилибом, уже не таков.

— Да, Кукс, мой сын иной, а следующее поколение будет прекрасно. Уже сейчас, всего за двадцать лет, успел наметиться облик будущего человека. Нам, Кукс, будет казаться он несколько странным, но это неизбежно. Будущий человек будет наивнее нас, здоровее, крепче, чище, а, главное, счастливее, Кукс, счастливее.

— Это не все и не совсем так, — добавил Кукс. — Новый человек будет умнее нас, несмотря на наивность. Да, друг, просто умнее. Напрасно думаешь, что ты умен с твоим великолепным цинизмом. Цинизм — это величайшая неразборчивость, смешанная с глубочайшим равнодушием, а, между тем, то и другое происходит только ст бессилия, только от слабости. Новому человеку не для чего быть циником. Он будет умным, великодушным и гордым, потому что будет прежде всего сильным. Посмотри, какие сейчас попадаются Лица у молодежи, какие чистые глаза, какие цельные натуры сквозят в них какие отчетливые черты и четкие души!

— Да, да, — радовался Тилибом, что неприятный разговор принял столь неожиданный поворот. — Новый человек будет прекрасен. II даже мы, старые псы, от одной близости, этого нового человека, стали лучше и умнее… Если-бы твой проклятый «Граммофон веков» разоблачил нас лет двадцать тому назад — разве мы были бы так спокойны?…

Друзья стояли и смотрели на пол, и глубокие черные морщины бороздили их усталые лица. В этих морщинах шел невидимый и великий процесс. Новая мысль, новая жизнь вспахивала старое и искала почвы для новых ростков…

— Кто знает, — задумчиво вздохнул Тилибом, — может быть, для победы над слабостями человека, которые нам казались непобедимыми, вовсе не нужны сотни лет…

— Конечно, гораздо меньше, — согласился Кукс.

IV.

Люди стремились стать хорошими,

но жизнь уже была прекрасна.

В 1954 году, в десятый год всеевропейского социализма, был проведен закон, по которому не должно было быть ни одной квартиры, ни одного дома, ни одной комнаты без солнца. Тысячи старых сырых темных домов были разрушены. К наиболее-же крепким приделаны стеклянные крыши и потолки, а в совершенно бессолнечные квартиры и комнаты солнце привлекалось особыми перекидными зеркалами.

И солнце в этом году сняло, как никогда, и, как никогда, освещало и радовало. Город, утопающий в зелени и зеркалах, с. аэроплана казался морем света и радости, а внизу давал то же ощущение в еще более ярких живительных оттенках.

Восход солнца встречали музыкальные гудки и оркестры. В некоторых районах города в фабричных трубах сохранились аппараты, впервые введенные еще в 1920 году голодным, героическим Петербургом. В каждой трубе аппарат издавал отдельные мощные ноты, а все трубы вместе оглушительно пели «Интернационал» и другие песни. Сейчас эти старые аппараты звучали только в некоторых районах. Они имели особых любителей — старых революционеров и социалистов.

Новое поколение завело — по тому же принципу — оркестры. В каждом доме — жилом или рабочем — была впаяна мощная звуковая гамма, правильно сочетавшаяся с нотами других домов.

И яркая мощная музыка встречала восход солнца, будила трудящихся, провожала их на работу, на обед и домой.

Заводы и фабрики представляли собою уютные гнезда удобств, располагающих к труду и созиданию.

Город управлялся советами, при чем, так как советов было много, то участие в них не освобождало от трудовых повинностей. Порядок в городе охраняли по очереди жители районов. Постоянная милиция была упразднена, но потребность в ней все-же сказалась, и ее заменили всеобщим дежурством по районам. Преступность сократилась до неслыханных в истории человечества размеров: в крупных городах за год убивали не больше десятка людей, при чем убийства происходили большей частью только на романической и патологической почве. С каждым годом таких убийств становилось меньше. Суд почти не функционировал. Нечто похожее на суд, но в более мягкой форме, представляли собой

организованные с 1931 года «Камеры Способностей и Призваний», в которых ежедневно судили людей за вялую, непроизводительную работу, доискивались причин ненормального отношения к труду и старались открыть в обвиняемых настоящее их призвание и дать работу по способностям.

Для наиболее равнодушных имелись специальные «Мастерские Опытов», в которых ученики пробовали себя на различных поприщах. Вопрос о способностях и призваниях был одним из труднейших вопросов социалистического быта. Еще в 1919 году в молодой неокрепшей Социалистической Республике России служащих социалистических учреждений опрашивали — к чему они склонны и чем бы хотели заняться. Вопрос этот оказался более сложным, чем можно было предположить, и он не нашел полного разрешения за первые двадцать лет существования социалистического общества. Довольно значительным группам трудно было найти себя.

Но как помогло им в этом отношении Общество!

Одна из следующих глав даст читателю представление о «Камерах Способностей», так как ученый Кукс, прославившийся необычайной любовью к своему делу, был в числе людей, помогавших широко прививать это необходимое для творчества и созидания свойство.

V.

Кукс не расстается с «граммофоном веков»,

и изобретение становится известным в городе раньше,

чем в академии.

Кукс сросся с аппаратом. Он не мог расстаться с ним, а Тилибом не отставал.

— Смотри, какая улица, какая прелесть! — восторгался Кукс.

В самом деле, радостно, легко, прекрасно было на улицах, как, впрочем, и в домах в светлую эпоху второй половины двадцатого века.

По широким тротуарам двигалась масса людей. Эпоха выработала новый тип человека: горожанин этой эпохи был крепок, сухощав, строен,

легок. Формы платья отличались простотой. Совершенно не видно было мудреных визиток и фраков, которые носили в начале бурного столетия, и которые делали мужчин похожими на птиц, а женщин, одетых в разноцветные тряпки, на кукол. Любое сердце, любая душа, любые глаза радовались, глядя на новых мужчин и женщин, на свободные формы костюмов, на радостные лица, чистые глаза, белые счастливые зубы девушек.

Улицу вдруг залило что-то светлое, яркое, многоголосое, свежее, буйное и прекрасное.

Это были дети… Их было несколько тысяч. Полуголые, смуглые, счастливые, с песнями и смехом они шли за город, на прогулку и занятия. На обвитых зеленью и цветами фургонах ехали маленькие, слабые или уставшие. Бодрым, буйным и радостным ветром повеяло от быстрого шествия детей. По дороге шествие разрасталось, так как к детям, жившим отдельно в огромных? «Дворцах Детей», присоединялись и ночевавшие у своих родителей.

Кукс и Тилибом многое множество раз видели утренние шествия детей, но всякий раз испытывали чувство восторга. Так старый лесной житель, давно привыкший к свежему воздуху, все-же с наслаждением вдыхает его полной грудью и находит слова для выражения восторга…

— Хорошо! Как хорошо! — вырывалось поочередно то у Тилибома, то у Кукса.

— А все-таки, что было раньше на этой улице? — спросил сам себя, поглядывая на «Граммофон веков», Кукс. — Было ли всегда так?

— Давай, послушаем.

Кукс вынул из ящика аппарат, поставил и завел.

Прохожие сначала мало обращали внимания на двух стариков и кричащую машину. Думали, что демонстрируется чья-то странная печь пли пьеса. Они не знали происхождения звуков, вылетавших из странной раковины, похожей на ухо.

Несколько подростков окружили аппарат, но мало понимали из того, что слышали.

«Граммофон веков» опять нанизывал на тихий заунывный визг валика тысячи и десятки тысяч слов и звуков…

Все это было такое обычное, такое повседневное для старой ушедшей жизни…

Кого-то били. Кричали. Ловили вора. Арестовывали. Крики и брань сменялись возгласами извозчиков и прохожих. Жалкие песни и мольбы нищих часто прерывали обычные звуки уличной жизни. В третий час

работы аппарата старики услышали крики убиваемых, насилуемых. Это был какой-то погром…

Постепенно, все-таки, аппарат собрал толпу любопытных.

— Какая это пьеса? — спрашивали у Кукса.

Кукс горько усмехнулся.

— Это не пьеса, граждане. Это жизнь. Сама жизнь этой улицы. Ее биография. Через несколько дней Академия Наук примет «Граммофон веков», по его образцу будут сделаны копии, и вы узнаете историю каждого камня, каждой глыбы земли. Граждане, камни — это немые свидетели страшной истории человечества. Но они немы только до поры, до времени. Вам известно выражение, что камни вопиют. Вот они возопили. Слушайте, сколько горя, сколько отчаяния, сколько человеческих слез и человеческой крови знает каждый камень старого мира, и послушайте, как они говорят — камни — когда наука дает им возможность рассказать все, что знают.

Люди смотрели на Кукса и слабо понимали его речь. Он говорил долго,

искренно и горячо, но его, все-таки, не понимали.

Дикие крики рвались из рупора машины, стоны, горькие унижения нищих, столь обычные в свое время, окрики полицейских, унылый гомон подневольно работающих измученных, издерганных людей…

Но люди слушали живые жуткие звуки ушедшей жизни и — воспринимали их, точно в кошмаре.

Старые понимали, но уходили, а молодые только глядели удивленно, с гримасами боли и отвращения.

VI.

В «Камере Способностей и Призваний».

Тилибом сдался окончательно.

— Ты великий человек, Кукс, — сказал он. — Я покорен твоим изобретением. Но, знаешь, история человечества страшна. В книгах и даже картинах это производит не такое ужасное впечатление, как в живых звуках. Вчера, когда тебя не было дома, я разрешил себе воспользоваться аппаратом и послушал мою квартиру… У меня на лестнице лежит большой, старый, щербатый камень… Будь он проклят, но даю слово, — что он был плахой, или же я заболел галлюцинациями. Крики! Понимаешь, сплошь крики и стоны замученных, зарубленных, зарезанных… Затем я гулял по саду с аппаратом. И там то-же самое… Всюду плач, крики, пощечины, издевательства, насилия… И только иногда все это сменяется однообразными словами любви. Редкие, однообразные слова любви и избиения — вот главная ось истории людей. Когда об этом читаешь— это одно, но, когда слышишь живые голоса, стоны, крики и мольбы — это ужасно, непостижимо, страшно! Ты великий человек, Кукс, если ты смог заставить говорить неодушевленные предметы.

Кукс поблагодарил за комплимент и сказал:

— Все это хорошо, я только не знаю, какое применение найдет «Граммофон веков». Видишь, люди не понимают его. В социалистических школах учат больше строительству будущего, чем знакомят с делами прошлого. Очевидно, им некогда особенно ревностно интересоваться старым. Мой аппарат, надо полагать, станет только пособием для историков, а о широком применении придется забыть.

— Да это и понятно, Кукс. Интерес к больному и скверному прошлому

вызывается больным и скверным настоящим, а если настоящее радостно и прекрасно…

— Завтра я сдам аппарат в Академию. А сегодня я еще проделаю опыт в «Камере Способностей». У меня там занятия сегодня. Хочешь, поедем со мной.

— Поедем.

«Камера Способностей и Призваний» представляла собой обыкновенный зал, занятый столиками и стульями. Сюда приходили трудящиеся, недовольные своим трудом, чувствующие равнодушие к своему делу. Они просили особых специалистов помочь х им разобраться в причинах, посоветовать, в крайнем случае, взяться за другое дело и за какое именно. «Камера» была преддверием многих корпусов, объединенных общим названием «Мастерской Опытов».

«Мастерская Опытов» представляла собою изумительное зрелище. Здесь велась разнообразнейшая работа. Результаты бывали норою чудесны: в плохом слесаре обнаруживался талант актера, в актере — призвание к консервированию сельдей, а в педагоге — влечение к пчеловодству.

Работа «Камер» и «Мастерской Опытов» с каждым годом постепенно уменьшалась, т. к. работу ее предупреждали усовершенствованные школы, помогавшие ученикам во-время разобраться в своих способностях и остановиться на определенной специальности.

Куксу выпало на долю беседовать с высоким, хмурым молодым человеком с широко-развитой нижней челюстью и глубоко-сидящими узкими глазами. Молодой человек был очень силен. О необыкновенной силе его говорили длинные узловатые руки с тяжелыми выступами мышц.

— Садитесь. Чем вы занимаетесь? — спросил Кукс.

— Я — каменщик. — Разбиваю в щебень камни.

— Давно занимаетесь этим?

— Четыре года, т.-е. со времени окончания образования.

— Почему вы тяготитесь своим делом?

— Я грущу во время работы, и это уменьшает производительность моего труда.

— Раньше работа интересовала вас?

— Интересовала.

— Что вы испытывали тогда во время работы?

— Я сначала не мог разбивать крепких камней и старался научиться этому. Когда я научился, мне это доставляло удовольствие. Приятно было видеть, как большой камень от двух-трех ударов моего молота разлетается вдребезги. Затем приятное чувство притупилось. Приходилось развлекать

себя как-нибудь во время работы. Мне начинало казаться, что у камней есть лица. Если лицо мне правилось, я откладывал камень, если нет — разбивал его. Однажды большущий камень мне показался похожим на морду отвратительного пса, и я разбил его в бешенстве. Вообще, я чувствую, что подобная работа возбуждает во мне скверные инстинкты… Самое приятное в моей работе, это когда мне в камне чудится интересное лицо, и я в нем стараюсь высечь черты, нос, глаза… Но тогда моя работа непроизводительна, и я отстаю от товарищей…

— Вы должны заняться скульптурным искусством. Эго ясно. Занявшись этим, вы будете чувствовать себя на своем месте.

Каменщик восторженно поблагодарил Кукса и отправился в «Мастерскую Опытов» поступать на скульптурное отделение.

— Вот, во что превратился «суд» в социалистическом обществе, — улыбнулся Кукс Тилибому. А интересно, что скажут эти молодчики, когда узнают, как следует, про суд прежний. Тут недалеко есть ветхое старое здание, в котором когда-то был суд. Сейчас в этом здании какой-то музей, и никто не помешает нам выслушать воспоминания его стен, потолков и половиц.

Кукс пригласил с собой нескольких посетителей «Камеры» и отправился с ними в музей.

«Граммофон веков» заработал более удачно, чем когда-либо.

Кукс и Тилибом сидели, точно в оцепенении.

Одна яркая страшная картина суда сменялась другой. Грозные речи прокуроров, показания свидетелей, реплики судей, вопли обвиняемых и осужденных — все это было захватывающе-жутко.

Как минута, пролетело несколько часов.

Когда Кукс и Тилибом очнулись, они обменялись растерянными взглядами: никого из молодежи не было. Им, очевидно, было скучно, и они ушли, занятые собой, своей работой, определением своих способностей, своей здоровой и яркой жаждой творчества…

VII.

Вечер.

Торжественно садилось огромное красное солнце.

Трудящиеся давно вернулись из фабрик, мастерских и всяких

учреждений. Улицы поливались водой. Над крышами приятными волнами струилась механическая музыка домов.

На высоком здании «Вечерней Кино-Газеты» дежурные готовились отпечатать на темном небе важнейшие сведения за день. Они ждали захода солнца.

Молодежь разбрелась по садам и паркам. Веселый смех заполнял аллеи. Передвижные летучие театры забавляли и развлекали гуляющих. В некоторых местах к артистам присоединялись прохожие, образовывалась толпа, которая разыгрывала тут-же стихийно-составленную пьесу. Восторги участников и зрителей сливались в общем ликовании.

Когда небо потемнело, на нем появилось множество сведений за день: отчет производства, который интересовал всех, потому что производимое принадлежало всем; усовершенствования, примененные за день в различных областях труда; виды и указания на завтрашний день и новости, полученные из другие городов и стран.

Желающие могли в сотнях кинематографов наблюдать картины труда за истеките сутки, жизнь всего города, учреждений и пр.

Кто хотел, шел смотреть жизнь школ и детских колоний, кто— заводов, кто — театров. А были и такие, которых интересовала снятая в течение дня и показанная на экране только жизнь улиц за день.

Играли симфонические оркестры, пели хоры.

Были и «Кварталы Тишины», куда могли уходить желающие полного покоя.

Кукс и Тилибом сидели в саду на крыше огромного дома Кукса. Старики молча читали вечернюю небесную газету и обсуждали, как и все жители города, прочитанное.

— А о моем изобретении пока ни слова, хе, хе… — усмехнулся Кукс.

— На днях прочтем, — утешил друга Тилибом. — Скоро и прочтем, и во всех кинематографах замаячит твоя физиономия.

VIII.

Скандал в академии наук.

«Граммофон веков» был, наконец, испытан, и наступило время сдать его в Академию Наук.

Не без волнения сделал это Кукс. В Академии быт собран цвет

человеческого гения и знаний. По случаю исследования нового изобретения. были приглашены представители всех крупных Академий Наук Европы, которые через два дня прибыли на аэропланах.

Целую неделю испытывали «Граммофон веков».

Испытание изумительного аппарата вызвало, к сожалению, два несчастья. Один из ученых, создатель «Новой этики», присутствовал при том, как аппарат работал в саду под старым дубом.

Оказалось, что когда-то под этим дубом расстреливали человека и, поистине, ужасна была мольба обреченного:

— Стреляйте, только не в лицо.

Эта просьба кем-то неизвестно когда убиваемого человека произвела столь удручающее впечатление, что чуткий создатель «Новой этики» начал биться головой о землю и, как выяснило дальнейшее его поведение, сошел с ума.

Второе несчастье было не менее трагично.

Когда аппарат в другом саду начал с беспощадной яркостью воспроизводить сцену истязания мужика помещиком и сад огласился жуткими воплями истязуемого, присутствовавший среди ученых старый революционер вдруг бросился к аппарату, повалил его и начал топтать и ломать ногами.

В общем шуме даже не слышно было, что при этом выкрикивал возмущенный революционер.

Кукс лежал в глубоком обмороке.

Когда он очнулся и несколько успокоился, его пригласили на собрание ученых.

Усталый, разбитый, пошел он в зал, ожидая выражения сочувствия и думая о том, можно ли исправить аппарат.

Но, к изумлению своему, Кукс выражения сочувствия ни от кого не получил, и никто даже не протестовал против порчи аппарата.

— Ваше изобретение, гражданин, — сказали ему, — велико, но, к сожалению, оно совершенно бесполезно. Пусть будет на веки проклят старый мир! Нам не нужны его стоны, нам не нужны его ужасы. Мы не хотим слушать его жутких голосов. Будь он проклят навеки. Кукс, посмотрите в окно! Сегодня праздник. Смотрите на наших людей, слушайте их голоса — здоровые, счастливые, — слушайте, скажите, не кощунство-ли слушать одновременно этот ужас, каким вопиет ваша дьявольская машина?! Вы гениальны, Кукс, но, во имя новой радостной жизни, пожертвуйте своим гением! Не мучайте нас! Мы не хотим знать и слушать о старом мире, от которого ушли навсегда!

Кукс хотел возразить, что он не согласен, что он видит даже сейчас многие несовершенства, которые можно было-бы устранить именно действием его машины, по он устал, возражал слабо, и его не слушали.

IX.

Печальная судьба «Граммофона веков».

Кукс взял изувеченный аппарат и побрел домой. Дома, ждал его Тилибом.

Кукс рассказал ему о пережитом. Тилибом выслушал и произнес:

— А ведь они правы, Кукс, Знаешь, с тех пор, как я ознакомился с работой «Граммофона веков» я потерял покой. Я грущу. Я‘часто плачу. Я начал сомневаться в тебе, в твоей дружбе. Я тебе не рассказывал, по я завел аппарат в моей квартире и услышал немало гадостей, которые ты изволил говорить у меня дома в моем отсутствии.

— А, скажи, пожалуйста, разве ты не пытался соблазнить мою покойную жену Маню?

— Да, да. Мы стоим, конечно, друг друга. Старый мир с его лицемерием, ложью, предательством и гнусностью еще не окончательно вытравился из наших душ, но не надо освежать его в пашей памяти.

Кукс молчал.

— И помимо личной мерзости, — продолжал Тилибом, — в ушах моих постоянно звучат стоны, крики, проклятия и ругань, которыми был переполнен старый мир и о которых вопиет при помощи твоей адской машины каждый камень, каждый клок штукатурки, каждый неодушевленный предмет. О, я счастлив, что «Граммофона веков» уже нет! Я прямо счастлив!

Кукс молчал.

Когда Тилибом ушел, он лег на диван в кабинете и предался размышлениям.

Изувеченный «Граммофон веков» лежал на полу. По инерции в нем двигались какие-то валики и сами собой вылетали нахватанные в разное время слова и фразы.

Старый мир дышал в машине последним дыханием, выругивался и высказывался унылыми обыденными словами своей жестокости, тоски, банальности и скуки.

— В морду! — глухо вырывалось из машины.

— Молчать!

— А, здравствуйте, сколько зим, сколько лет!..

— Не приставайте. Нет мелочи. Бог даст.

— Ай, ай, тятенька, не бей, больше не буду!

— Сволочь… Мерзавец. Меррз…

— Работай, скотина.

— Молчать!

— Застрелю, как собаку.

— Я вас люблю, Линочка… Я вас обожаю…

— Человек, получи на чай.

И так далее, и так далее.

Бессвязные слова и фразы, но одинаково жуткие, на всех языках вылетали из испорченной машины, и Кукс вдруг вскочил и начал добивать машину топтать и ее ногами, как тот революционер в Академии.

Затем остановился, поскреб лысое темя и тихо произнес:

— Да. Пусть сгинет старое. Не надо. Не надо.

Ефим Зозуля

ЗАГАДКА МОСТА

Новый рассказ А. Конан-Дойля

БЫЛО ветренное октябрьское утро и одеваясь, я видел, как последние листья, крутясь, летели с печальных деревьев, окаймлявших дворик перед нашим домом. Я ожидал найти своего друга в унылом настроении, ибо, как и все великие артисты, он легко поддавался влиянию погоды и всего окружающего. К своему удивлению, я увидел, что он почти окончил свой завтрак, и был весел той немного ядовитою веселостью, которая была так характерна для пего в минуты хорошего настроения.

— Новое приключение, Холмс? — спросил я.

— Простота дедективного метода весьма соблазнительна, Ватсон, — ответил он. — Она помотает вам проникать в мои тайны. Ну, да, новый случай, приключение, если хотите. После целого месяца обыденности и скуки, колесо, кажется, опять завертелось.

— Могу узнать, в чем дело?

— Мало интересного, но мы можем побеседовать о нем лишь после того, как вы покончите с парой крутых яиц, первым дебютом нашего нового повара.

Через четверть часа Билли убрал со стола посуду, и мы остались одни. Холме вытащил из кармана письмо.

— Вам приходилось слышать о Нейль Джибсон, короле золота? —

спросил он.

— Американский сенатор?

— Да, он был сенатором от какого-то восточного штата, но больше он известен как владелец величайших в мире золотых копей.

— Кажется, я его знаю. Если не ошибаюсь, он недавно поселился в Англии. Во всяком случае, это имя мне знакомо.

— Да, да… Он купил замечательную усадьбу в Гэмпшире, лет пять тому назад… Может быть, вы слышали также о трагической смерти его жены?

— Конечно. Теперь я припоминаю. Вот почему мне и знакомо это имя:.. Но я совершенно не знаю подробностей.

Холмс взял газету, лежавшую на стуле.

— Никогда не думал, что мне придется столкнуться с этим случаем и воспользоваться своими вырезками. Дело в том, что этот случай, несмотря на некоторую сенсационность. теперь не представляет особого интереса. Даже интересная фигура обвиняемой все таки не может опровергнуть очевидности. Таково мнение полиции и коронного суда. Теперь дело находится в судебной палате Винчестера. Это безнадежное дело, Ватсон: я могу установить факты, но не изменить их. Пока не появятся новые и неожиданные факты, могущие иначе осветить все дело, я не знаю, на что надеется мой клиент.

— Ваш клиент?

— Ах, да, я и забыл сказать вам… Я заразился от вас, Ватсон, скверной привычкой рассказывать историю с конца. Вот, прочтите-ка сначала…

Письмо, которое ом мне протягивал, было написано смелым твердым почерком:

«Клоридж — Отель.

3 октября. Дорогой м-р Шерлок Холмс!

Яне могу видеть равнодушно, как лучшая из созданных богом женщин близка к смерти — и не пытаться сделать все, чтобы спасти ее. Я не могу объяснить всего, даже попробовать объяснить, — но для меня совершенно несомненно, что мисс Дунбар невинна. Вы знаете обстоятельства дела, — кто их не знает? Из-за деревенской сплетни никто не осмелился встать на ее защиту! И эта гнусная несправедливость доводит меня до сумасшествия. Эта женщина неспособна убить муху…

Я буду у вас в 11, чтобы узнать нет-ли луча света во тьме этой несправедливости. Может-быть у меня есть ключ к разгадке, но я не умею

его использовать.

Во всяком случае все, что я знаю, все, что имею в своем распоряжении — все к вашим услугам, чтобы спасти ее. И если у вас так много силы, как мне говорили, то соберите ее всю для разрешения этой задачи.

Ваш Нейль Джибсон».

— Ну, вот. — сказал Холмс, выколачивая пепел из трубки и снова набивая ее. — Этого-то джентльмена я жду. Что касается обстоятельств дела, то едва ли у вас хватит терпения прочесть все эти газеты и потому я расскажу вам сущность его, если вы обещаете мне внимательно следить за ходом рассказа. Этот Джибсон — величайшая финансовая сила в мире; это, как мне кажется, жестокий и сильный человек. О его жене, жертве этой трагедии, я знаю только, что она свои молодые годы, весьма неудачные для псе, провела в Бразилии. Третье лицо — гувернантка и воспитательница двух их детей. Таковы три персонажа драмы, а сцена — старый огромный дом в исторической английской усадьбе. Теперь о самой драме. Миссис Джибсон была найдена лежащей на земле приблизительно в полумиле от дома, поздно ночью, одетая в вечерний костюм, с шалью на плечах и револьверной пулей в мозгу. Никакого оружия около нее не найдено, и таким образом не было никакой прямой улики против убийцы. *Оружия около нее не было*, заметьте это, Ватсон! Вероятно, убийство произошло поздно вечером, а тело было найдено сторожем в 11 часов: тогда же его осмотрели полиция и доктор, и потом тело перенесли в дом. Не слишком ли кратко я рассказываю; можете-ли вы следить за ходом дела?

— Все очень ясно. Но почему подозрение пало на гувернантку?

— Во-первых, имеются прямые улики: револьвер без одного патрона, калибра совершенно соответствующего ране в черепе убитой, был найден на дне ее гардероба.

Он прищурился и отчеканил: *«На-дне-ее-гардероба…»*

Потом он погрузился в раздумье… Было ясно, что в голове его протекал какой-то сложный мыслительный процесс, и я не смел, конечно, прервать его размышлений. Потом он внезапно оживился.

— Да, Ватсон, револьвер был найден. Хорошенькая улика, неправда-ли? Так думал и следователь. Потом у умершей была найдена записка от гувернантки с назначением свидания в этом самом месте. Каково? Это тоже, улика. Сенатор Джибсон — занимательная фигура. В случае смерти его жены, кто выиграет, если не молодая лэди, всегда получавшая от своего хозяина знаки искреннего расположения? Любовь, счастье, все жизненные блага для нее зависели от жизни одной пожилой женщины, жены

Джибсона. Ужасно, Ватсон, ужасно!

— Да, в самом деле…

— И к тому же она не могла совершенно доказать свое алиби. Наоборот, она сама подтвердила, что была в этот час у Тор-Бридж, — это место, где произошла трагедия. Она даже не могла отрицать этого: ее видели проходящие крестьяне.

— Ну, мне кажется, для нее все кончено.

— Дальше, Ватсон, дальше! Тор-Бридж— большой каменный мост с массивной каменной баллюстрадой, перекинут через самую узкую часть длинного глубокого пруда, заросшую тростником и папоротником, пруда Тар, как его называют. И при входе на мост лежала убитая женщина. Таковы голые факты. Но, если не ошибаюсь, пришел наш клиент и несколько раньше назначенного часа.

Билли пошел открывать дверь, но имя человека, о котором он доложил, не было нам знакомо. Мистер Марлоу Бэтс… Мы не слыхали о таком. Эго был высокий нервный человек с испуганными глазами, очень возбужденный — человек, для которого я. как врач, сейчас же поставил диагноз: субъект, близкий к нервному расстройству.

— Вы очень взволнованы, м-р Бэтс, — сказал Холмс, — Сядьте, пожалуйста. Я боюсь, что могу уделить вам очень мало времени: в одиннадцать я жду посетителя.

— Я знаю, — заговорил тот прерывающимся голосом, как человек, у которого не хватает дыхания от возбуждения, — придет м-р Джибсон. М-р Джибсон мой хозяин. Я управляющий его имением. Он негодяй, м-р Холмс, чудовищный негодяй!

— Сильно сказано, м-р Бэтс.

— Я не могу выбирать выражений, м-р Холмс, я должен спешить. Совершенно невозможно, чтобы он встретил меня здесь. Он сейчас должен придти. Но я никак не мог поспеть раньше. Только сегодня утром мистер Фергюссон, его секретарь, сообщил мне о его визите к вам.

— Так вы его управляющий?..

— Я его предупредил. Через несколько времени я уйду из этого рабства… Он тяжелый человек, м-р Холмс, очень неприятный для окружающих. Вся его рекламная благотворительность — только ширма для его пороков и преступлений. И главная жертва — его жена. Он зверски обращался с нею, да, сэр, именно зверски. Как произошла сама трагедия, я не знаю, но я знаю, что он превратил ее жизнь в сплошной ряд мучений! Она была дитя тропиков, уроженка Бразилии, это вы, конечно, знаете?

— Да, мне это говорили.

— Южанка по рождению и по натуре. Дитя солнца и страсти. Она любила его так, как только могут любить женщины юга, но когда ее красота увяла, — а мне говорили, что она прежде была замечательно красива, — тогда ничто не могло уже сдержать его. Мы все ее любили, боялись за ее судьбу и ненавидели его за дикие выходки. Но он умеет притворяться благородным, сэр. Вот все, что я хочу сказать. Не верьте ему, м-р Холмс, не, доверяйте своему первому впечатлению, не судите по внешности!.. Он скрытный человек и… опасный… Теперь я пойду… Пет, нет, не провожайте меня. Он может сейчас придти…

И наш странный посетитель буквально выбежит из комнаты. Мы молчали.

— Так, так — сказал Холмс. — у мистера Джибсона весьма преданные служащие. Но предупреждение пришло кстати. Нам остается только ждать самого Джибсона.

Вскоре на лестнице послышались тяжелые шаги, и известный миллионер вошел в комнату. Взглянув на него, я не только понял и оправдал ужас и ненависть его управляющего, но и те обвинения в алчности и жестокости, которые предъявляли ему его конкуренты в делах. Если бы я был скульптором и хотел вылепить фигуру современного дельца *со стальными нервами и бронированной* совестью, лучшей модели, чем Джибсон, я не нашел бы. В этом большом, сухом, крепком теле, казалось, жила душа хищника.

Лицо, точно высеченное из гранита с жесткими складками в уголках губ. Сколько людей проклинало их, эти презрительно-жесткие складки!.. Холодные серые глаза бросали острый взгляд из-под нависших бровей и пристально всматривались в меня и Холмса.

Джибсон учтиво поклонился, когда Холмс, назвал меня, взял стул, предложенный ему, сел и, положив нога на ногу, с видом некоторого превосходства продолжал смотреть на Холмса.

— Раньше всего, м-р Холмс, — сказал он, — позвольте вам заявить, что денежный вопрос для меня не играет никакой роли в этом деле. Вы можете тратить доллары без счету, лишь бы были какие-нибудь результаты. Эта женщина — невинна, ее надо оправдать, и вы должны сделать все для этого. Назовите вашу цифру!

— Мои профессиональные обязанности расцениваются по тарифу, —

сухо ответил Холмс, — я никогда не меняю этих цен, но иногда совершенно отказываюсь от дела.

— Ну, если доллары не представляют для вас интереса, подумайте о славе. Если вы сделаете, то, что я прошу, все газеты Европы и Америки устроют славный бум в вашу честь, ручаюсь вам. О вас заговорят на двух материках.

— Благодарю вас, м-р Джибсон, но мне думается, что я не нуждаюсь в буме. Я даже иногда предпочитаю работать анонимно, и меня больше всего, как это для вас ни удивительно, прельщает сама задача. Но мы только теряем время. Изложите ваше дело…

— Мне кажется, что все обстоятельства дела известны вам из газет. Не знаю, смогу ли я добавить еще что-нибудь, что могло-бы вам помочь. Но если все-же есть что-либо неясное для вас, — я пришел, чтобы дать вам нужные сведения.

— Есть одни только пункт.

— Именно?

— Какие отношения существуют между вами и мисс Дунбар?

Король золота вздрогнул и полупривстал со стула. Но затем он овладел собою.

— Я думаю, что это вне ваших задач, м-р Холмс, или может быть ваш долг задавать мне такие вопросы?

— Думайте, что вам угодно.

— Уверяю вас, что наши отношения — обычные отношения хозяина и служащей, с которой я никогда не говорил. и которую даже никогда не замечал, разве только, когда она бывала с детьми.

Холмс поднялся.

— Я очень занятой человек, м-р Джибсон, и не имею времени на бесполезные разговоры. До свиданья, сэр.

Джибсон вскочил.

— Какого черта вы хотите этим сказать? Вы отказываетесь от моего дела? Выгоняете метя?

— Если вам угодно, отказываюсь, выгоняю. Мне казалось, что мои слова имели точный смысл.

— Точный смысл, но каков их скрытый смысл? Хотите ли вы набить цену или боитесь взяться за дело? Я имею право требовать от вас точного ответа.

— Может-быть, вы и правы. Я вам отвечу. Ваше дело достаточно выяснено, и право не стоит браться за него, если получаешь ложные сведения.

— Вы хотите сказать, что я лгу?

— Видите ли, я старался сказать это, как можно вежливее, по если вам больше нравится такая постановка вопроса, извольте, я согласен с вашим определением.

Я быстро вскочил на ноги, так как выражение лица миллионера и сжатые кулаки не оставляли сомнений относительно его намерений… Холмс усмехнулся и протянул руку за трубкой.

Выражение лица миллионера и сжатые кулаки не оставляли сомнений относительно его намерений.

— Не шумите, м-р Джибсон. Я нахожу, что после завтрака вредно всякое волнение. Я думаю, что небольшая прогулка на свежем воздухе и несколько минут хладнокровных размышлений принесут вам несомненную пользу.

Громадным усилием воли король золота взял себя в руки. Я не мог не поразиться его силе воли, когда увидел, как он мгновенно принял прежний угрюмо-спокойный вид.

— Как угодно. Я не могу заставить вас взять мое дело помимо вашего желания. Но не думаю, чтобы вы могли поздравить себя с хорошим делом, м-р Холмс: я сламывал людей и посильнее вас. Никто еще безнаказанно не становился мне поперек дороги.

— Я это слышал от многих, — засмеялся Холмс, — однако жив до сих пор, как видите. Однако, до свидания, м-р — Джибсон. Мне кажется, что вы куда-то торопитесь.

Джибсон, уходя, громко хлопнул дверью, а Холмс закурил, уселся в кресло и, полузакрыв глаза, уставился в потолок.

— Что скажете, Ватсон? — спросил он наконец.

— Мне кажется, Холмс, что этот человек действительно способен на все, чтобы устранить с своей дороги всякого, кто мешает ему. И когда я подумаю, если верить рассказу Бетса, что именно его жена встала ему поперек дороги, то мне кажется…

— Конечно. И мне тоже.

— Но каковы их отношения с гувернанткой и как вам удалось раскрыть это?

— Чепуха, Ватсон, чепуха! Сущие пустяки! Лишь только я сравнил страстный, порывистый, совершенно не деловой тон письма с его спокойными манерами и большой выдержкой, для меня стало ясно, что его отношения к мисс Дунбар несколько более горячие, чем к просто невинной жертве судебной ошибки. Понимаете, Ватсон, мы обязательно должны установить, каковы были настоящие отношения между этими тремя людьми, чтобы добиться правды. Вы видели, как стойко выдержал он мою атаку с фронта. Затем я внушил ему, что я совершенно уверен в том. что на самом деле лишь подозреваю.

— Может-быть, он вернется?

— Я уверен в этом. Он должен вернуться. Он не может оставить этого дела. Вы слышите звонок? Это его шаги. Ну-с, мистер Джибсон, я только что говорил д-ру Ватсону, что вы вернетесь.

Король золота вошел с менее независимым видом, чем в первый раз. Было ясно, что голос рассудка одержал верх над уязвленной гордостью, и он увидел, что должен покориться, если желает довести дело до конца.

— Я обдумал ваши слова, мистер Холмс, и думаю, что несколько поторопился со своими выводами. Вы правы, желая знать все, что вам кажется нужным знать. Но уверяю вас, что мои отношения к мисс Дунбар совершенно не касаются настоящего дела.

— Мне это виднее, м-р Джибсон.

— Но вы, как врач, желаете сперва знать все симптомы, чтобы поставить диагноз.

— Совершенно верно, но как может доктор ставить диагноз, если пациент не говорит ему правды.

— Но заметьте, м-р Холмс, что большинство мужчин старалось бы

обойти молчанием вопрос об их отношениях к женщине, если, конечно, эти отношения вполне серьезны. Ведь у всех людей в душе имеется маленький интимный уголок, куда не должны проникать непрошенные гости. А вы хотите знать именно эти маленькие тайны. Но если вами руководит только желание спасти мисс Дунбар, извольте, я открываю тайники своего сердца: пользуйтесь имя как найдете нужным. Что вы хотите знать?

— Правду.

Король золота помолчал минуту, точно собираясь с мыслями. Его мрачное, испещренное глубокими морщинами лицо, стало еще мрачнее, неприятнее.

— Могу рассказать вам все в нескольких словах, м-р Холмс. Я встретился с моей будущей женой, когда искал золото в Бразилии… Мария Пинто, дочь чиновника из Манаос, была очень красива. В то время я был молодым и увлекающимся, но даже теперь, холодно и критически оглядываясь на свое прошлое я должен сказать, что она была исключительно красива. Это была богато одаренная натура, страстная, добрая, неуравновешенная и слишком сильно отличалась от американских женщин, которых я знал до сих пор. Короче, я полюбил ее и женился. И только, когда моя любовь остыла, — а она длилась долгие годы, — я увидел, что теперь она не представляла из себя ничего особенного, стала женщиной как все. С этим открытием кончилась моя любовь. Если бы она тоже охладела ко мне, нам обоим было бы легче. Но кто знает сердце женщины? Я делал все, чтобы оттолкнуть ее от себя, но чем хуже я с ней обращался, чем больше старался убить ее любовь к себе, чтобы уравновесить наши отношения, тем тяжелее становилась наша жизнь. Ее любовь не остывала. В этих лесах Англии, она любила меня так же горячо, как двадцать лет назад на берегах Амазонки. И что бы я ни делал, она оставалась такой же нежной и преданной, как раньше… В это время явилась на сцену мисс Грас Дунбар. Она откликнулась на наше объявление и поселилась в нашем доме в качестве гувернантки моих детей. Вы наверное видели ее портрет в газетах. Все газеты кричали о том, что она очень красива. Я не хочу выдавать себя за более нравственного человека, чем все окружающие меня. Но, судите сами, можно ли, живя под одним кровом с такой женщиной, ежедневно встречаясь с ней, не полюбить ее? Вы меня осуждаете, м-р Холмс?

— Я не могу осуждать вас, если дело не шло дальше чувств, но несомненно вы не нравы, если ваши чувства вылились в реальную форму по отношению к молодой девушке, находившейся до некоторой степени под вашим покровительством.

— Может-быть, вы и правы, — ответил миллионер, и в его глазах блеснул странный огонек — я вовсе не хочу казаться лучше, чем на самом деле. Всю жизнь я упорно стремился к тому, чего хотел, и всегда достигал этого; но тогда я понял, что самое сильное мое желание — добиться любви этой женщины. Я ей сказал об этом.

— Вы ей сказали? — возмущенно воскликнул Холмс.

— Я сказал ей. что просил бы ее руки и женился бы на ней, если-б это было в моих силах. Я говорил, что мои деньги и все мое влияние я готов употребить на то, чтобы сделать ее счастливой и независимой.

— Очень великодушно с вашей стороны, — насмешливо сказал Холмс.

— Послушайте, м-р Холмс, я пришел по делу, а не для того, чтобы выслушивать ваши насмешки.

— Имейте в виду, сэр, что и я говорю с вами только в интересах мисс Дунбар. И я не знаю, что еще неприятнее для нее, предъявленное ей обвинение или ваше великодушное предложение. Вы богатые люди думаете, что все оскорбления можно загладить подачками.

К моему удивлению, Джибсон принял это сравнительно спокойно.

— Именно потому то я так и забочусь о ней. Слава Богу, мне не удалось осуществить своих намерений. Она отказала мне и пожелала немедленно покинуть мой дом.

— Почему же она не сделала этого?

— Раньше всего — от ее заработка зависело благополучие ее семьи и не так то легко пожертвовать счастьем своих близких. И когда я поклялся ей, что никогда больше не буду говорить об этом, она согласилась остаться. Но была и другая причина: она знала, как велико ее влияние надо мной; она — единственный человек в мире, который вообще мог влиять на меня. И она хотела использовать это влияние для хороших, добрых дел.

— Каким образом?

— Она была в курсе моих дел. У меня большие дела, м-р Холмс, и в них заинтересовано много маленьких людей. Я могу выигрывать и проигрывать, но они проигрывают всегда. Это не только отдельные лица, — целые общества, города и даже народы зависят от меня. Финансовые операции — трудная игра, в которой выигрывают только сильные. Я занимался всем, что могло приносить доход. Мне везло. Всюду меня сопровождала удача и мне некогда было жалеть тех, кто в зависимости от моей удачи терпел убыток; но она, Грас, смотрела на это иначе. Она говорила, что один человек не смеет строить своего счастья на несчастьи десятков тысяч людей, остающихся без средств к существованию. Она старалась убедить меня, что доллары не являются

единственной ценностью на свете. Она видела, что я прислушиваюсь к ее словам и вскоре убедилась в том. что может принести счастье многим людям, влияя на меня и мои операции. Поэтому-то она осталась, и наша жизнь пошла своим чередом… И тут произошло то, что известно всем.

— Не можете-ли вы подробнее осветить обстоятельства драмы?

Король золота замолчал. Опустив голову на руки, он напряженно думал.

— Это темная история, — сказал он. — Я не могу отрицать, что все против нее. Но женщина живет совершенно иной жизнью, чем мы. Ее поступки не всегда доступны исследованиям мужской логики. Сначала я тоже, как и все, думал, что виновата мисс Дунбар, но потом мне пришло в голову еще одно объяснение. Я передаю вам только свои соображения, м-р Холмс, и вовсе не настаиваю на их правильности. Моя жена была ревнива; это не была обычная, матерьяльная ревность, а скорее чисто духовная; завистливое чувство по отношению к молодой англичанке, которая завладела моим вниманием и привязанностью до такой степени, какой никогда не могла достигнуть моя жена. Правда, это было благотворное влияние, но жена не понимала этого. Она была оскорблена и возненавидела мисс Дунбар, как может ненавидеть только южанка. Женщина с Амазонки заговорила в ней. Может-быть, она даже составила план убийства мисс Дунбар или только хотела пригрозить ей револьвером и заставить ее уйти от нас. Могла даже произойти небольшая схватка, во время которой произошел случайный выстрел, при чем пуля попала именно в жену, державшую оружие.

— Я уже думал об этом, — сказал Холмс.

— В самом деле, это единственная возможность, чтобы утверждать, что мисс Дунбар— не убийца.

— Но она отрицает это.

— Хорошо. Дальше. Понятно, что женщина, очутившаяся в таких обстоятельствах, схватывает оружие и бежит домой; она прячет его среди платьев, едва ли соображая, что делает, и, когда, наконец, оружие найдено, она пытается отговориться полным незнанием, хотя все улики против нее, и ее уверения тщетны. Кто может возразить против такого предположения?

— Сама мисс Дунбар.

Холмс посмотрел на часы.

— Я думаю, что мы выхлопочем необходимое разрешение сегодня утром и поедем. в Винчестер вечерним поездом. Может-быть, поговорив непосредственно с мисс Дунбар, я смогу оказать ей и вам больше пользы, хотя не обещаю, что мои выводы будут непременно такими, как хотелось

бы вам.

Мы не сумели достать разрешение так скоро, как хотели, и поэтому вместо Винчестера отправились прямо в Тор-Бридж, Гемпширское имение мистера Нейль Джибсона. Он не поехал с нами, но у нас был адрес сержанта местной полиции Ковентри, который осматривал тело убитой. Сержант, высокий, сильный мужчина, отличался несколько странной манерой говорить. Он производил впечатление человека, который знает больше, чем хочет сказать; но забавно то, что вещи, сообщаемые им самым таинственным топотом, не имели ровно никакой ценности. Если бы не эта слабость, его вполне можно было бы назвать честным, верным служакой, который откровенно сознается, что не может сам разрешить загадку и с благодарностью принимает пашу помощь.

— Во всяком случае, м-р Холмс, мне приятнее работать с вами, чем с кем-нибудь из Скотланд-Ярда, — говорил он. — Как только в дело вмешивается Скотланд-Ярд, он моментально оттирает местную полицию на задний план, и все начинают ее бранить за беспомощность. А вы хорошо работаете, я слышал, и гораздо честнее их.

— Я не люблю, чтобы мое имя фигурировало в отчетах, — сказал Холмс, к величайшей радости нашего собеседника, — и очень просил бы вас не упоминать о моем участии в этом деле.

— Вы очень любезны, м-р Холмс. Я знаю, что и на скромность вашего друга, д-ра Ватсон, можно положиться, а теперь, пока мы еще не дошли до места преступления, я хотел бы предложить вам один вопрос. Я никому об этом не говорил, кроме вас, — Он осторожно оглянулся во все стороны. — Как вы думаете, не замешан-ли в этом деле сам Нейль Джибсон?

— Я уже думал об этом.

— Вы еще не видели мисс Дунбар? Это женщина — прекрасная во всех отношениях. Может быть ему хотелось устранить со своей дороги жену. Вы ведь знаете, что эти американцы чуть-что хватаются за пистолет. А вы знаете ведь это его пистолет мы нашли в гардеробе.

— Это точно установлено?

— Да. Это один из парных, которые у него были.

— Один из пары? А где же другой?

— Видите-ли, у него было множество оружия всяких систем, и среди него я не нашел парного пистолета, хотя ящик был сделан для пары.

— Значит, вы узнали бы другой, если б вам его показали?

— Конечно. Но его нигде не нашли. Если хотите, снова обыщем дом.

— Потом, потом, а пока пойдем обследуем место трагедии.

Вскоре мы подошли к Тор-Бридж. Старый каменный мост с массивным парапетом был перекинут через быструю глубокую речку, переходящую ниже в целую сеть мелких озер. Наш проводник остановился у входа на мост.

— Здесь лежало тело миссис Джибсон, вот и камень, который я положил, чтобы запомнить это место.

Здесь лежало тело миссис Джибсон…

— Значит, вы были здесь еще до того, как тело унесли?

— Да, за мной тотчас же послали.

— Кто?

— Сам м-р Джибсон. В тот момент, когда была поднята тревога, он послал за мной и за врачем, а сам вместе со слугами отправился сюда и не

велел трогать тело до моего прибытия.

— Хорошо. Я узнал из газет, что выстрел, повидимому, был сделан на близком расстоянии.

— Да сэр; кожа была опалена.

— Около правого виска?

— Немного дальше виска.

— Как лежало тело?

— На спине, сэр. Никаких следов борьбы. Никаких повреждений, ни оружия. Только записка мисс Дунбар была крепко зажата в левой руке убитой.

— Зажата, вы говорите?

— Да, сэр, мы едва могли разжать пальцы.

— Это очень важно. Это исключает возможность того, что записка была вложена после смерти, чтобы направить розыски по ложному пути. Так. Записка, насколько мне помнится, состояла из нескольких слов: «Буду у Тор-Бридж в 9 часов, — Г. Дунбар». Так, кажется?

— Совершенно верно, сэр.

— Мисс Дунбар подтвердила, что это она писала?

— Да, сэр.

— Какие она дала объяснения по этому поводу?

— Она ничего не сказала нам. Наверное, скажет суду.

— Задача становится все более интересной. Особенно меня смущает это письмо. Это самое темное место во всем деле.

— Осмелюсь заметить, сэр что, но-моему, это самое ясное место во всем деле.

Холмс покачал головой.

— Предположив, что это письмо было действительно написано мисс Дунбар, ясно, что оно было получено за час или два до смерти. Зачем же тогда эта лэди два часа держала его в руке? Зачем она так тщательно берегла эту записку. В ней не говорилось ничего, кроме места и времени. Не находите ли вы все это довольно странным?

— Если вы это находите странным, я ничего не могу возразить.

— Позвольте мне несколько минут посидеть одному и обдумать все это.

Холмс уселся на парапет, и я видел, как его проницательные серые глаза пытливо осматривали мост. Вдруг он спрыгнул, перебежал к перилам на другой стороне моста, вынул лупу из кармана и стал внимательно рассматривать камень.

— Интересно, — произнес он.

— Да, сэр, я уже видел эту царапину на камне. Вероятно, кто-нибудь, проходя, ударил палкой по камню и отшиб кусочек.

Каменные перила были темно-серого цвета, но в одном месте была свежая впадинка величиной в полпальца. Было ясно, что кусочек камня отлетел от сильного удара.

— Нужно быть очень сильным человеком, чтобы нанести такой удар. — задумчиво сказал Холмс.

И он начал наносить сильные удары своей палкой по камню, но его удары знаков не оставляли.

Он начал наносить сильные удары своей палкой по камню…

— Да это был сильный удар и притом в довольно странном месте. Удар был нанесен не с верху, а снизу: вы видите, что отметка на нижнем краю перил.

— Но отсюда футов 15 до места, где лежало тело.

— Совершенно верно, 15 футов. Очень возможно, что это не имеет

никакого отношения к делу, но. во всяком случае, это интересно. Ну, больше нам, кажется здесь нечего делать. Не было-ли каких-нибудь следов отпечатков ног?

— Здесь почва, как камень, сэр. Никаких следов не было.

— Тогда: мы можем итти. Идите к м-ру Джибсону и поищите парный пистолет, о котором мы говорили. А мы поедем в Винчестер. Мне нужно увидиться с мисс Дунбар прежде, чем мы пойдем дальше.

М-р Нейль Джибсон еще не возвращался из города, и мы застали только м-ра Бэтса, окруженного кучей оружия, собранного его хозяином за свою жизнь, полную приключений.

— У м-ра Джибсона много врагов; это понятно всякому, кто знает его — взволнованно говорил Бэтс. — Он спит всегда с заряженным револьвером под подушкой. Порой на пего находят порывы бешенства, и тогда мы все стараемся по попадаться ему на глаза. Я думаю, что бедной миссис Джибсон часто приходилось испытывать на себе, что такое ярость Джибсона.

— Вы не слышали, чтобы он ее когда-нибудь ударил, или что-либо в этом роде?

— Ист, сэр, — отвечал тот, — Но он всегда в эти минуты говорил ей самые оскорбительные слова, даже не стесняясь слуг.

— Наш миллионер, невидимому, не блещет достоинствами в частной жизни. — сказал Холмс, когда мы с ним шли на станцию. — Итак, Ватсон, у нас теперь появились свежие факты и имеется некоторый материал для выводов. Несмотря на всю ненависть, которую питает Бэтс к своему хозяину, он подтвердил, что в тот момент, когда началась тревога, м-р Джибсон был у себя в библиотеке. В половине девятого окончился обед, и до этого времени все шло нормально. Правда, тревога началась значительно позднее, по сама драма произошла именно в 9 часов, — время, упомянутое в записке. Несомненно также, что м-р Джибсон вернувшись в 5 часов из города, больше не выходил из дома. С другой стороны, насколько я помню, мисс Дунбар подтвердила, что назначила свидание в 9 часов на мосту. Больше ни о чем она не хотела говорить, даже адвокату, который должен ее защищать на суде. Я должен о многом с ней поговорить и не успокоюсь, пока не увижу ее. Признаюсь, все обстоятельства говорят действительно против нее, кроме одного пункта.

— Какого. Холмс?

— Находки пистолета в ее гардеробе.

— Но как же так? Ведь это главная улика.

— Не совсем так, Ватсон. Когда я впервые узнал из газет об этом деле, именно это обстоятельство показалось мне очень странным. И теперь я все больше убеждаюсь. что именно с этого пункта следует начинать расследование в защиту мисс Дунбар. Нужно смотреть на дело глубже и подозревать обман даже в одном желании обмануть.

— Я вас не понимаю. Холмс.

— Так вот, Ватсон, вообразите себя на минуту женщиной, которая самым хладнокровным образом решила устранить свою соперницу. Вы выработали подробный план действий. Вы написали письмо. Ваша жертва явилась в назначенное время. Вы запаслись оружием. Преступление совершено. Все произошло, как вы и предполагали; дело было сделано чисто. Теперь скажите, исполнив так ловко свое преступление, можете ли вы так рискнуть и быть настолько уверены в безнаказанности, что не бросите оружия куда-нибудь, а, придя домой, положите его к себе в гардероб между платьев? Можете ли вы сомневаться в том, что ваш гардероб обыщут, конечно, раньше всего и найдут оружие. Так тонко обдумать и великолепно выполнить преступление, а потом совершить такую вопиющую глупость — какая нелепость!

— Но в момент сильного волнения…

— Нет, нет, Ватсон, — это невозможно. Если преступление выполнено так хладнокровно, то несомненно обдуманы и способы отвлечь от себя подозрения. Я думаю, что тут явная ошибка.

— Но так много прямых улик.

— Что же, постараемся объяснить их иначе. Когда меняется взгляд на вещи, то многое из того, что говорило против вас, начинает говорить в вашу пользу. Например, этот револьвер… М-сс Дунбар говорит, что никогда не видала его. Но нашей новой теории она говорит правду, утверждая это. Следовательно, ей подбросили оружие. Кто это мог сделать? Тот, кто хотел навлечь на нее подозрения. Был-ли это сам преступник? Как видите, мы нашли правильный путь к разгадке.

Эту ночь мы принуждены были провести в Винчестере, так как наши пропуска не были еще готовы, но на следующее утро мы, вместе с м-ром

Джо Куммингс, адвокатом мисс Дунбар, были пропущены в камеру к молодой девушке. Многие уже говорили нам, что она очень красива, но действительность превзошла все ожидания. Нет ничего удивительного, что знаменитый делец был покорен ее красотой и позволил ей давать ему советы и руководить его операциями. При взгляде в эти красивые, ясные глаза, в которых была скрыта и привлекательность и сила, для всякого было очевидно, что такая женщина ни сама не совершит, ни натолкнет других на дурные поступки. Во всей ее осанке и манерах было врожденное благородство и сила, и порой, в минуты волнения, она напоминала обиженного ребенка.

Когда она узнала, сто мы, она улыбнулась, и бледные щеки ее слегка окрасились румянцем, точно, вместе с нами, луч света вошел в ее темницу.

— Не говорил-ли вам м-р Джибсон о том, что произошло между нами? — спросила она взволнованно.

— Да, — ответил Холмс, — и не будем больше касаться этого больного места. Видя вас, я верю м-ру Джибсону, что ваше влияние на него не могло бы быть дурным, — с внезапным порывом искренности сказал Холмс. — Но это только, — увы. — мое личное мнение. Мне тяжело вас огорчать, но м-р Куммингс подтвердит, что пока все против вас и нужно выяснить очень и очень многое, чтобы доказать ваше алиби; не могу скрыть, что вам грозит большая опасность, поэтому помогите мне найти истину.

— Я скажу все, что знаю. Спрашивайте.

— Каковы были ваши отношения с женой м-ра Джибсопа?

— Она ненавидела меня, м-р Холмс, так, как могут ненавидеть только рожденные под тропиками. Она была цельная натура и ничего не делала наполовину; безмерно любя мужа, она безмерно ненавидела меня. Несомненно то, что она не понимала наших истинных отношений. Она не понимала, что наша близость только духовная, что мое влияние на ее мужа приносило добрые плоды… Теперь я вижу, что я сделала ошибку, не оставив немедленно их дома, после первых его слов… Тогда, может-быть, не случилось бы несчастья.

— Не можете ли сказать нам, что случилось в тот вечер?

— Я могу говорить только то. что знаю, м-р Холмс. Но тут так много странных вещей, которых я не только не могу объяснить. но и вообще понять.

— Если вы поможете открыть некоторые новые факты, то, может-быть, мы сумеем найти объяснение.

— Что касается моего присутствия на мосту, оно объясняется просто.

Утром я получила записку от миссис Джибсон. Я нашла ее на столе в классной комнате, куда ее наверное положила сама м-сс Джибсон. В записке она меня умоляла увидеться с нею после обеда, чтобы сообщить мне нечто очень важное, и просила ответить ей запиской же, положив ее на диск солнечных часов в саду. Она пожелала, чтобы кто-нибудь знал об этом. Хотя я не понимала ее таинственности, но все же положила записку на часы. Содержание этой записки вы знаете. Ее записку я сожгла, как она и просила меня. Она очень боялась гнева своего мужа, который действительно обращался с ней очень сурово, от чего я удерживала его всеми силами, и поэтому она хотела, чтобы наше свидание осталось тайной.

— И вы знаете, что она получила вашу записку?

— Да, *я* была очень удивлена, узнав, что записка найдена у нее, зажатой в руке.

— Так. Дальше.

— Я пришла, как и обещала. Она ждала меня на мосту. До этой минуты я и не подозревала, что эта несчастная женщина так ненавидит меня. Она вела себя, как сумасшедшая, — между нами, я уверена, что она действительно сошла с ума от горя; — она осыпала меня самыми ужасными упреками, дикими угрозами. Было ужасно ее видеть. Я не могла ничего ответить. Я зажала уши и бросилась бежать, а она стояла у входа на мост и выкрикивала проклятия мне вслед.

Она осыпала меня самыми ужасными упреками…

Я зажала уши и бросилась бежать.

— Она стояла в том месте, где ее нашли потом?

— Нет, в нескольких ярдах от него.

— Установлено, что смерть ее произошла вскоре после вашего разговора; вы не слышали выстрела?

— Я была так взволнована всем виденным и слышанным, что пришла в себя лишь в тишине своей комнаты и, конечно, не могла ничего видеть или слышать.

— Вы говорите, что вернулись в свою комнату; скажите, выходили вы из нее до следующего утра?

— Да, как только я узнала о ее смерти, я побежала туда вместе со всеми.

— Вы видели м-ра Джибсона?

— Да, он возвратился с моста и посылал за доктором и полицией.

— Он был очень взволновав?

— М-р Джибсон, вообще, отличается большой силой воли и выдержкой и никогда не обнаруживает того, что у него на душе. Но я знаю его слишком хорошо и видела, что он глубоко потрясен всем случившимся.

— Так. А теперь мы подходим к самому важному вопросу. Видели ли вы когда-нибудь раньше тот револьвер, который нашли у вас в гардеробе?

— Никогда в жизни.

— Когда он был найден?

— На следующее утро при обыске.

— Между вашими платьями?

— Да, на дне гардероба между моими платьями.

— Вы ничего не можете сообщить, давно ли, по вашему мнению, он был положен туда?

— Утром *этого* дня его не было.

— Почему вы это знаете?

— Я в то утро доставала свои платья.

— Вполне достаточно. Ясно, что кто-то вошел в вашу комнату и положил его туда, чтобы навлечь на вас подозрение.

— Вполне возможно.

— Но когда это было сделано?

— Или во время обеда или в то время, как я занималась с детьми в классной комнате.

— Где вы и нашли записку?

— Да. Я занималась с детьми все утро.

— Благодарю вас, мисс Дунбар… Не можете ли сообщить еще что-нибудь?

— Кажется, больше ничего.

— Я нашел свежий след от сильного удара чем-то тяжелым на каменных перилах моста, как раз против тела… Что вы думаете по этому поводу?

— Простая случайность, совпадение…

— Во всяком случае, совпадение странное. Почему тогда этот значок появился именно здесь и именно во время трагедии?.. Кто нанес этот удар? И чем? Нужна была большая сила или тяжесть, чтобы…

Холмс внезапно умолк. Его худое бледное лицо внезапно озарилось тем выражением, которое мне, как хорошо знавшему Холмса, говорило, что наступила одна из тех минут, когда его долгая упорная работа мозга приводит к гениальным результатам.

Так ясно было, что ему пришла какая-то блестящая мысль, что мы все не смели прервать молчания и сидели, адвокат, заключенная и я. с любопытством наблюдая внешние проявления работы его гениального ума взблеске глаз и подергивании лица. Вдруг он вскочил, весь дрожа от сильного нервного подъема, с блестящими глазами…

— Едем, Ватсон, едем, — закричал он.

— В чем дело, м-р Холмс? — воскликнула мисс Дунбар…

— Ничего, не бойтесь теперь, мисс… Я вас извещу обо всем, м-р Куммингс. С помощью богини правосудия я дам вам случай прогреметь на всю Англию. Завтра утром, мисс Дунбар, надеюсь сообщить вам кой-какие новости, а пока удовольствуйтесь только моим словом, что завеса, скрывающая от пас правду, приподнимается, и я надеюсь, что свет истины вскоре разгонит тучи, нависшие над вами.

От Винчестера до Тор-Плэс недалеко, но это разстояние нам показалось безконечным. Я горел нетерпением узнать все, а Холмс волновался, и то погружался в глубокую задумчивость, то нервно барабанил по стеклу тонкими пальцами. Он, видимо, был тоже взволнован.

Оставалось каких-нибудь 10 минут езды, когда Холмс, повернулся ко мне (мы занимали двухместное купе), положил руку мне на колено и посмотрел мне в глаза. В его глазах светился веселый огонек, показатель хорошего настроения.

— Ватсон, — сказал он — мне помнится, что вы, уходя из дому, захватили с собою револьвер.

Я знал, что, когда Холмс сильно увлечен каким-нибудь делом, он всегда забывает дома свое оружие, так что часто мой револьвер бывал верным другом нам обоим; я ему напомнил об этом.

— Да, да, я иногда бываю немного рассеян и забываю об этих пустяках… Он у вас с собою?

Я вынул из заднего кармана свой маленький револьвер, с успехом умещающийся на ладони, но вполне надежный в случае опасности. Холмс открыл барабан, вынул все заряды и взвесил его на ладони.

— Тяжелый, очень тяжелый, — заметил оп, — Наверно очень оттягивает ваш карман, Ватсон…

— Зато довольно верно бьет…

— Знаете, Ватсон, я думаю что ваш револьвер будет иметь весьма близкое отношение к тайне, которую нам нужно разгадать.

— Вы шутите, Холмс…

— Нет. Ватсон, я чертовски серьезен. Нам предстоит только одно маленькое испытание Если оно увенчается успехом, все станет ясно. А испытание это зависит от поведения вашего пистолетика. Я выбрасываю один патрон; теперь вставляю обратно остальные пять и опускаю предохранитель… Так!

Я совершенно не понимал, что он хочет делать, а он не посвящал меня в свои планы.

Мы вышли на маленькой станции, наняли экипаж и, через четверть часа, подъехали к дому нашего приятеля-сержанта.

— Нашли что-нибудь, м-р Холмс? — взволновался он.

— Все зависит от поведения револьвера доктора Ватсона. — ответил Холмс, — ну-с, охранитель порядка, раздобудьте-ка ярдов двадцать бичевки.

В деревенской лавке мы нашли моток толстого шнура.

— Больше ничего и не надо. — казал Холмс, — теперь, если вам угодно, отправимся к мосту, и я думаю, что эта прогулка будет вообще последней по этому делу.

Солнце закатывалось и его последние красные лучи превращали однообразный гэмпширский пейзаж в чудесную осеннюю панораму.

Сержант шагал рядом с нами, недоверчиво посматривая на моего друга, явно сомневаясь в равновесии его умственных способностей. Когда мы дошли до моста, я заметил, что Холмс против обыкновения сильно нервничает.

— Да, да. Ватсон, — ответил он на мое замечание, — я чуть не пошел по ложному следу. У меня есть чутье на такие вещи, но иногда оно играет со мной скверные шутки. Но все таки, все таки… ну, ладно, Ватсон, давайте, попробуем…

Он крепко привязал один конец шпура к рукоятке револьвера… Затем, по указаниям полисмена, он точно установил место, где было найдено тело. Потом он спустился в заросли папоротника, раскинувшие свои лапы у моста, и нашел там увесистый камень. Он крепко привязал его к другому концу шнура и перекинул его через перила моста, так что камень натянул шнурок и закачался недалеко от поверхности реки. Потом он отошел сам на то место, где лежал труп, держа мой револьвер в руке. Веревка, привязанная к ручке револьвера с одной стороны и к камню с другой, туго натянулась.

— Ну-ка! — воскликнул он.

С этими словами он приставил револьвер к виску, спустил курок и в то же время выпустил оружие из рук… В ту же секунду веревка пришла в движение. Тяжелый камень быстро стал опускаться и мой револьвер, жалобно звякнув о камень перил, перелетел через них и шлепнулся в воду.

Холмс бросился к этому месту, опустился на колени, и громкий радостный крик показал нам, что наконец он нашел то, чего искал.

Холмс наконец нашел то, что искал.

— Видели-ли бы когда-нибудь более оригинальный опыт? — вскричал он. — Знайте, Ватсон, ваш револьвер разрешил задачу.

И он показал нам свеже-отбитый кусочек камня, точь-в точь, как первый на нижнем краю каменной баллюстрады…

— Мы переночуем здесь в гостиннице, — сказал он, поднимаясь, удивленному недоумевающему сержанту — А вы наверно сумеете достать багор подлиннее и выудить револьвер Ватсона. Кстати, в том-же месте вы найдете и другой револьвер тоже с веревкой и грузом, из которого застрелилась эта несчастная, желая взвалить вину на мисс Дунбар и разбить ее молодую жизнь. Дайте знать м-ру Джибсон, что я приду к нему утром поговорить, что мы можем предпринять для освобождения мисс Дул бар.

— Я боюсь, Ватсон. — говорил Холмс, когда мы, расположившись в деревенской гостиннице, закурили трубки, — что вы не особенно довольны такой неэффектной развязкой тайны Торбриджа, которую вы хотели бы

приобщить к своему архиву. Но я слишком лепив, чтобы, разобравшись в той массе реальных доказательств и побочных фактов, с которыми сталкиваюсь в каждом деле, еще приготовить эффектный конец… Для меня лично недостающий кусочек камня был вполне достаточным ключом к правильной догадке, и я жалею, что не мог догадаться раньше.

Должен признаться, что коварный план несчастной женщины был задуман хорошо и прекрасно выполнен, и было нелегко восстановить весь ход дела. Нам с вами еще никогда не приходилось сталкиваться с подобным случаем, когда слишком пылкая любовь доводит до самоубийства. То, что мисс Дунбар едва-ли можно было назвать ее соперницей, это не приходило ей в голову. Конечно, она обвиняла мисс Дунбар и в упреках мужа, и в его дурном обращении с ней, когда он старался оттолкнуть ее от себя. Ее первым желанием было уйти из жизни.

Вторым — сделать это так, чтобы подозрение в убийстве пало на мисс Дунбар: не знаю, что лучше — смерть или наказание за несовершенное преступление…

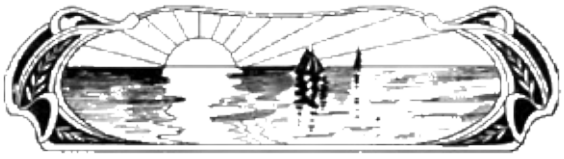
Теперь мы можем проследить все подробности ее тонко построенного плана. Весьма ловко она заставила мисс Дунбар написать ей записку с назначением свидания, чтобы казалось, что именно мисс Дунбар выбрала заранее место для преступления. Боясь, что это обстоятельство не будет замечено своевременно, она несколько переиграла, слишком крепко зажав в руке записку. И уже одно это обстоятельство возбудило мои подозрения.

Потом она взяла один из парных револьверов мужа, — в доме, как известно целый арсенал. — и никто этого не заметил. Второй она в то утро подбросила в гардероб мисс Дунбар, использовав один патрон, что она легко могла сделать накануне, гуляя в лесу, без опасения, что кто-нибудь услышит.

Затем она пошла к мосту, где и приготовила свое гениальное сооружение для исчезновения оружия после выстрела. Когда пришла мисс Дунбар, она постаралась излить, наконец, всю злобу и ненависть, накипевшую в ее исстрадавшейся душе, и, когда мисс Дунбар убежала, она осуществила свой ужасный замысел.

Теперь все звенья на местах и цепь событий полна. Газеты, конечно, будут кричать, почему не обыскали дно реки, но ведь об этом легко догадаться, когда все открылось, да и не так-то легко искать по всей реке наобум и даже не зная, что, собственно, нужно искать. Во всяком случае, Ватсон, я рад, что мы смогли помочь хорошей женщине и сильному человеку И если в будущем они соединятся, я уверен, что деловой мир будет доволен, что мистер Нейль Джибсон сам увидел горе и научился

состраданию.

ДВЕ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ

Рассказ Роланда Пертви

ИСТИННЫЕ причины смут и недоразумений вряд ли ясны нам. Обычно о них знают только философы, а простые смертные имеют дело только со следствиями. В нашей истории последствия для обеих сторон оказались самыми плачевными.

Бетти и Бойд Норман прошли через все стадии — от раздражения к досаде, от досады — к гневу, заканчивавшемуся примирением. Но настал такой момент, когда обе стороны отказались от примирения, и открытая вражда воцарилась в доме. Опытному наблюдателю хорошо знакомы эти симптомы — они нередко встречаются и у хороших и у плохих людей.

Бетти и Бойд Норман были оба прекрасными людьми, пока не поддались печальной привычке спорить и доказывать. Они повенчались в первые дни войны и любили друг друга до безумия. Война разлучила их, но Бойд время от времени получал отпуск, и эти краткие свидания проходили в состоянии блаженного забытья. Разлука скрашивалась бесчисленными письмами, посылаемыми при каждом удобном случае, в которых обсуждались животрепещущие вопросы об устройстве их квартиры и о

том, успеют ли народы заключить мир к тому времени, когда им понадобится детская. Одним словом, они могли во всех отношениях служить образцом для всех, кто заинтересован проблемой брака.

Вероятно, найдутся некоторые скептически настроенные люди, которые, сомнительно покачивая головами, скажут — «Браки, заключенные во время войны, всегда заканчиваются плохо». В данном случае это абсолютно неверно. Свадьба была прекрасная и война нисколько не повлияла ни в хорошую, ни в дурную сторону на их семейную жизнь. Это заявление можно подтвердить и тем, что впервые они поцеловались в 1913 году, а первая их ссора произошла после полудня 1920 года, в январе месяце. Она была вызвана неловкостью Бойда, который уронил свою ручку на ее прелестное серое платье, совершенно новое и в первый раз одетое Бетти. Вторая ошибка заключалась в том, что он отнесся к делу очень легкомысленно, а она слишком серьезно. Он высказал сожаление, почему они застраховали свое имущество от огня, а не от чернил, а она возмутилась его юмористическим отношением и полным отсутствием раскаяния. Раскаяние появилось, но слишком поздно, когда дверь за Бетти уже захлопнулась; следовало бы догнать ее, но Бойд этого не сделал. Позднее вечером, испытывая угрызения совести, Бойд вышел и купил букет цветов, надеясь, что он сыграет роль оливковой ветви. В результате он опоздал к обеду на десять минут и был встречен упреками Бетти. Бойд немедленно выбросил цветы в окно и отказался от супа. На вопрос, что с ним случилось, он отвечал, что, повидимому, все в порядке.

Не будем делать попытку проследить их постепенное падение. Они спускались по хорошо знакомой всем лестнице, построенной из нетерпимости, злобы, ревности и оскорблений, которая ведет в ту темную полосу отношений, где люди могут так легко потерять друг друга.

В одно прекрасное утро, одиннадцатого ноября 1920 года, между ними произошла ссора, с которой, собственно говоря, и начинается наш рассказ.

Это была самая скверная ссора, потому что оба сохраняли хладнокровие и присутствие духа и только говорили друг другу «приятные вещи» спокойно и обдуманно.

Бетти, как женщина, была находчивее, и ее слова задевали больнее.

Но Бойд решил выслушать все, так как он готовился сказать ужасную фразу и только ждал удобного случая.

Без десяти минут одиннадцать оба достигли высшей степени возбуждения. Хладнокровие и спокойствие духа были забыты. Хорошенькие щечки Бетти пылали, а руки Бойда начали неудержимо дрожать.

Снизу с улицы доносился шум экипажей, рев автомобилей, топот тысячи ног на мостовой, крики мальчишек, продающих газеты. Казалось, жизнь неслась быстро и с шумом к своему разрешению и концу.

— Я ненавижу тебя, ненавижу! — крикнула Бетти.

— Благодарю. Я это знал.

— Ты обращаешься со мной, как животное, как настоящее животное!

— Неужели?

— Да!

— Отлично, мы не будем спорить об этом.

— Как я хотела бы… Как я хотела бы никогда не встречаться с тобой…

— Если это твое желание, то вывод совершенно очевиден.

— Какой вывод?

— Это достаточно ясно. Не думаешь ли ты, что возможно продолжать подобное существование!?

— А ты думаешь, что я желаю его продолжать?

— Отлично. В таком случае нам не остается другого выхода, как…

Он остановился, чтобы перевести дыхание, и не спускал с нее глаз.

В этот момент часы на противоположной церкви начали бить одиннадцать. Мгновенно шум и движение на улице прекратились; казалось, чья-то тяжелая рука внезапно опустилась на мир.

Бойд подыскивал слово, когда наступило молчание. Он вспомнил о причине молчания— *нация думала о своих умерших.* Бетти смотрела на него, и тень недоумения появилась на ее раздраженном лице. Бойд предостерегающе приподнял руку — этого было достаточно, она вспомнила. Так смотрели они друг на друга, она — вся красная, он — очень бледный, ожидая минуты, когда прекратится молчание. У каждого на языке дрожали злые, ранящие слова. В их распоряжении было две минуты для того, чтобы лучше наметить цель.

Всем известен твердо установленный факт: если вы слишком долго целитесь в какой-нибудь предмет, вам начинает казаться, что конец вашего ружья описывает вращательные движения. Он чертит эллипсы, круги, отказываясь оставаться спокойным, останавливается на любой точке за исключением той, в которую вы целитесь. То же самое произошло и с нашими противниками. Пока длилось молчание, они потеряли направление. В мозгу сливались картины настоящего с воспоминаниями о прошлом.

Меньше, чем через полминуты гнев исчез в глазах Бойда. Вместо ярко-красного личика, повернутого к нему, он видит нежное бледное лицо с померанцевыми цветами в красивых волосах.

Она входит в храм, он идет ей навстречу, игнорируя грубое замечание своего шафера: — Не будьте же таким ослом, дорогой мой! Ступайте назад!

Когда же и быть человеку ослом, как не в день своей свадьбы!

Бетти смотрит на него остановившимися глазами, и в них светится радость, когда он подходит к ней. Ни один человек не может противиться этим глазам. Бойд удивляется, почему никто из находящихся в церкви мужчин не оспаривает у него его права обладать этим чудом привлекательности.

А после… Вспоминается все, что говорили они друг другу, сидя рядом в карете. Все женатые люди прошли через это, и, хотя бы они были от природы не красноречивы и даже косноязычны, достаточно им было бросить взгляд на палец левой руки, где блестит гладкое обручальное кольцо, чтобы сразу найти нужные, слова.

Они не принимали поздравлений, не делали визитов. Нельзя было терять драгоценные дни, когда в их распоряжении оставалось одна, только одна неделя для медового месяца. Но за эту неделю они получили все самое чистое и прекрасное, что только может дать жизнь.

Они сняли маленькое нарядное помещение в отеле. Бойд видит себя сидящим на кровати и нервно разглядывающим носки своих безупречных коричневых ботинок, в то время, как робкая нежная фигурка раскладывает какие-то воздушные предметы из кружев и лент в ящики комода. И хотя руки и ноги Бойда очень велики, все же он знает, что каким-то чудом нашел путь в волшебную страну фей. и сама царица фей принадлежит ему. ему одному. Это — поразительное открытие, и Бойд без конца целует ладони

рук своей феи.

— Не может быть на земле большего счастья — шепчет он.

И она дает единственный возможный ответ:

— Лучше этого ничего не может быть. Так феи заставляют людей говорить в первые дни их брачной жизни.

Быстро наступила разлука. Много слез проливалось в Англии Стэшен в 7 часов 40 минут вечера. Сначала улыбки одерживали верх над слезами, пока поезд не поглотил своих жертв. Плакали все, каждый по своему; одни скрывали свои слезы, другие шумно сморкались под самым носом кондукторов, захлопывавших дверцы вагонов и повторявших одну и ту же фразу — Занимайте свои места: провожающие, выходите из вагонов!

Но Бетти не ушла. Она вспрыгнула на подножку медленно двигавшегося поезда, обвила руки вокруг шеи Бойда и прижалась к нему. Носильщик снял ее только в конце платформы, иначе один Бог знает, что могло бы случиться. Перед этим Бетти поцеловала старого майора, занимавшего общее купэ с Бойдом, потому что он был один и никто его не провожал. И старик-майор сказал:

— Да благословит вас Бог, сэр, у вас славная жена.

До Фолькестона Бойд писал письмо, а, приехав на место, написал еще одно. Кроме того, он послал телеграмму такого необычайного содержания, что, случись это в мирное время, она перевернула бы вверх дном всю почтово-телеграфную контору.

От Булони до своей дивизии он ехал в поезде, переполненном офицерами и солдатами, возвращающимися из отпуска. В течение восьми часов Бойд и совершенно незнакомый ему офицер разбирали во всех подробностях вопрос о счастьи и различных его вариациях; разговор начался с обоюдно принятого утверждения — какое чудесное создание женщина.

Бойд перескочил в своих воспоминаниях почти через целый год; он увидел себя читающим письмо от Бетти. Она писала, что не боится ни капельки, а очень и очень рада. Прочтя письмо, Бойд немедленно отправился просить отпуска. Ему было отказано.

— В настоящее время это абсолютно невозможно — сказал полковник. — А кроме того, в подобных случаях присутствие мужчины бывает совершенно излишне.

На следующее утро они поднимались на вершину холма в то самое время, которое точно соответствовало другому событию, представлявшемуся воображению Бойда значительно более ужасным. В левой руке он сжимал маленький надушенный платочек, который Бетти

прислала ему несколько дней тому назад. Внезапно шестидюймовой снаряд разорвался вблизи и сорвал длинную полосу кожи с его руки. Маленький белый платок окрасился кровью, весь мир окутался сонной дымкой, шум и гул заполнил все. Когда он открыл глаза, деревья и телеграфные столбы мелькали в маленьком окне. Бойд с трудом сообразил, что едет в поезде.

В семь часов вечера Бойд был уже на Лондонском вокзале. Тяжело раненых уложили в кареты, а Бойд и остальные, державшиеся я ногах, были размещены дежурным офицером по кэбам.

Бойд очутился в кэбе, которым правил веселый мальчик е рукой на перевязи. Ему приказано было ехать в третий Лондонский госпиталь, но у Бойда были другие намерения. Он без труда сговорился с мальчиком и в семь часов вечера уже звонил у собственной двери, через двенадцать часов после сражения. Как видно и в наш положительный век случаются чудеса.

Он на цыпочках вошел в комнату жены в ту самую минуту, когда сердце ее готово было разорваться от горя. Сиделка еще в передней расказала ему самую короткую и самую печальную историю в мере — ребенок родился мертвым. Он положил голову на подушку к Бетти, и щеки их тесно прижались друг к другу — даже слезы не могли упасть между ними.

— Вся жизнь еще впереди, дорогая, — сказал он наконец — все будущее — наше, и сколько работы и счастья предстоит еще нам.

С этого мгновения воспоминания его стали перескакивать от прошлого к настоящему.

Он, кажется, сказал ей что-то о разделе имущества, — как это могло случиться? Он вспомнил великий день заключения мира, и благодарственные молитвы, которые шептал на берегу Ипра. Эти молитвы повторялись в обоих письмах, которыми они обменялись на следующий день. Как же могли люди, писавшие друг другу такие письма, дойти до вражды? Как могла мелочная злоба проникнуть в их жизнь?

Я не знаю, о чем думала Бетти Норман, пока длилось великое молчание 1920 года. Душа женщины — тайна, подобная бездонному озеру. Это было озеро черной замерзшей воды, когда началось молчание, и кто может сказать, когда растаял лед и начали биться волны у берегов, и когда лилии распустились на его поверхности?

Наш век — век электричества и радио, но феи все же сохранили свои уголки на ветвях деревьев; они могут заглянуть в окно летящего поезда и перерезать телефонный провод, соединяющий нас со специалистами по бракоразводным делам, питью тончайшей паутины.

А если вы дадите феям целых две минуты для работы, что-нибудь

непременно случится.

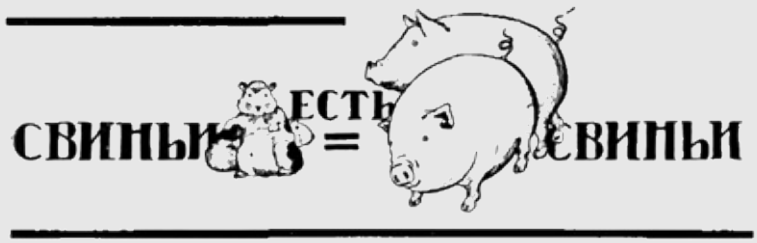
Один за другим загудели автомобили, внизу, на улице. Снова послышались крики разносчиков, топот тяжелых подков, шаги тысячи ног.

Молчание кончилось, и Англия снова закипела жизнью. Однако и в звуках и в движеньях чувствовалась какая-то разница, какая-то заглушенная йота: как будто весь мир шел на цыпочках, смягчая звук шагов, сквозь отблески высшего откровения, откровения смерти, ужасного, по славного прошлого.

— Я не могу говорить, — сказал Бойд — Я ничего не могу сказать.

— И не надо, — прошептала Бетти. — Только обними меня крепко-крепко.

СВИНЬИ ЕСТЬ СВИНЬИ

Рассказ Э. П. Бутлера

1.

МИК Фланнери, агент Междугородной Компании экспрессов в Весткоте, стоял за прилавком в своей конторе и негодующе ударял кулаками по прилавку.

По другую сторону прилавка стоял м-р Морхауз, злой, красный, весь дрожа от ярости.

Спор двух упрямых людей (а Фланнери и Морхауз были упрямы как дюжина верблюдов; Мик — потому, что он был ирландец, а Морхауз — из принципа) длился уже с полчаса и велся далеко не в парламентских тонах. А предмет спора мирно покоился на прилавке между обоими упрямцами. Это был самый обыкновенный ящик из под мыла, на котором вместо крышки была натянута проволока частыми рядами, образуя грубое, но довольно сносное подобие клетки. А в ней пара пятнистых гвинейских морских свинок меланхолично жевала листья салата.

— Делайте, что хотите, — кричал Фланнери. — платите и забирайте вашу посылку, или не платите и я уберу их обратно на полку. Правила есть правила, м-р Морхауз, и Мик Фланнери не для того тут поставлен, чтобы нарушать их… Да!

— Ах, вы, безнадежный идиот. — кричал м-р Морхауз. бешено суя в пос агенту тощую засаленную книжку, — да почитайте вы как следует ваши же собственные печатные правила: «Кролики домашние из

Франклина в Весткот в хорошем ящике — 25 сентов за штуку».

Он швырнул книжку на прилавок. — Какого же вам дьявола еще надо? Разве это не кролики? Разве они не домашние? Разве они не в хорошем ящике? Ну?

И, задыхаясь от возбуждения, он начал шагать по конторе; потом вдруг повернулся к Фланнери и произнес, стараясь говорить спокойно:

— Кролики! Понимаете, кро-ли-ки!.. Двад-цать пять сентов за шту-ку! Вот здесь пара: один, два! Дважды двадцать пять-пятьдесят… пять-де-сят! Понимаете? Вот эти самые 50 сентов.

Флэннери не спеша открыл книжку, порылся в ней и остановился на семьдесят четвертой странице.

— А я не возьму эти 50 сентов — лукаво произнес он, — Вот тут и правило вам прописано: «Если агент (то-есть я, стало-быть) находится в сомнении, которое из двух правил применить, он должен выбирать то, которое выгоднее Компании». Вот! И в этом случае, м-р Морхауз, я нахожусь в сомнении. Может быть эти животные — кролики, может быть и домашние, но это могут быть и свиньи; а в таком разе мои правила говорят вот что: «Свиньи из Франклина в Весткот — 30 сентов штука». И насколько я постигаю арифметику, дважды тридцать — шестьдесят, а не пятьдесят. Да!

— Глупости! — завопил м-р Морхауз. — дикая нелепость! Поймите вы, идиотский ирландец, что правило подразумевает обыкновенных свиней, домашних свиней, а не гвинейских свинок.

Но Фланнери был непоколебим.

— Свиньи есть свиньи, — твердо сказал он, — гвинейские ли, датские или ирландские — это все равно Междугородной Компании и Мику Фланнери. Относительно их национальности мне разбираться не надо: этого в правилах нет. По мне, что голландские, что русские свиньи — одно. Свиньи есть свиньи, и все тут. Мик Фланнери поставлен тут для охраны интересов Компании, а не для того, чтобы говорить со свиньями на сорока языках, чтобы узнать, где они родились и кто их родители. Да!

Свиньи есть свиньи, гвинейские ли, датские или ирландские — это все равно

М-р Морхауз запыхался от негодования.

— Ладно же, — крикнул он. — вы еще обо мне услышите! И ваше начальство тоже! Ведь что за наглость! — он обращался непосредственно к морским свинкам, — вы подумайте только: я же ему даю 50 сентов… А он не желает брать. Каково? Ну так-с; оставьте свинок у себя до тех пор, пока не будете согласны получить 50 сентов… но, клянусь Георгом, если с их головы падет хоть один волос, я вас привлеку к суду!

И он вышел, хлопнув дверью. Фланнери бережно поднял ящик с прилавка и поставил его в угол.

Он вовсе не испугался; наоборот, состояние, духа у пего было самое умиротворенное, как у исправного служаки, с честью исполняющего обязанности.

2

А м-р Морхауз вернулся домой в ярости. Его сынок, ждавший свинок, понял это отлично и не стал предлагать бесполезных вопросов. Он был умный мальчик и знал, что мальчики, попадающие отцам под сердитую руку, имеют основательные причины жалеть об этом; и он удрал в дальний

угол сада.

— Что такое свинки? — думал он — разве мягкие места мне не дороже свинок?

Пожалуй он был прав.

М-р Морхауз бурей ворвался в дом.

— Где чернила? — с порога закричал он жене…

Мистрис Морхауз виновато заморгала глазами. Она никогда не употребляла чернил. Она никогда не видела чернил, не трогала их, никогда не думала о чернилах… но она твердо знала, что из утверждения своей невинности ничего хорошего не выйдет.

— Я найду, Сэмми. — робко заметила она.

Перебрав и перепробовав пальцем дюжину темных жидкостей из кучи склянок в чулане, обжегши себе палец какой-то кислотой, она, наконец, остановила выбор на одном пузырьке. К ее счастью, там были именно чернила.

М-р Морхауз за один присест накатал письмо и встал из-за стола, торжествующе ухмыляясь.

— Попадет же этому чертову ирландцу! — воскликнул он — только бы они получили это письмо. То-то будет потеха!

3.

Через педелю м-ру Морхауз принесли с почты заказное письмо, длинный официальный пакет со штемпелем Междугородной Компании Экспрессов — в левом верхнем углу. Он поспешно разорвал конверт и вынул оттуда лист прекрасной пергаментной бумаги с водяными знаками. В углу опять инициалы Компании, № по журналу А 6574 и дата. Письмо было короткое.

> «Милостивый государь!
>
> Мы получили Вате уважаемое письмо, содержащее жалобу на известное Вам нарушение правил Компании в деле с гвинейскими свинками, отправленными из Франклина в Весткот. Ваше письмо было адресовано председателю Компании.
>
> Сообщаем Вем, что все претензии на высокие тарифы должны направляться в Отдел Жалоб.
>
> Имеем честь оставаться…
>
> и т. д. и пять подписей.»

М-р Морхауз немедленно сел писать в Отдел Жалоб. Меньше чем на шести больших страницах не сумел излиться его ядовитый сарказм, злые намеки и острые сравнения. Он перечитал, порадовался тому, что он такой умный, и написал на конверте:

В Отдел Жалоб.

4.

Через пару недель он получил свое письмо обратно в сопровождении ответа Отдела Жалоб.

Милостивый Государь!

Ваше уважаемое письмо от 16 сего месяца, адресованное в Отдел Жалоб, касающееся дела о гвинейских свинках Франклин-Весткот, получено нами.

Ми запросили од обстоятельствах дела агента и копия с его рапорта при сем прилагается для сведения. Он доносит нам, что вы отказались принять посылку и уплатить следуемую сумму.

В виду наличия последнего пункта, являющегося весьма важным в общей картине дела, рекомендуем Вам обратиться в Отдел Тарифов.

С совершенным почтением.

(шесть подписей)».

М-р Морхауз почувствовал некоторую усталость, однако сел писать в Тарифный Отдел. Он точно и ясно изложил все дело, привел самые серьезные аргументы в защиту своего мнения, что гвинейские свинки — не свиньи, подкрепив их выпиской трех страниц из «Популярной Энциклопедии, полезной для сельских жителей».

Со всей аккуратностью и медлительностью. свойственной блестяще организованному учреждению, письмо м-ра Морхауз было занумеровано, занесено на несколько карточек, проведено через ряд книг и отделов и тогда поступило на рассмотрение. Дубликаты, копия счета, копия первых писем, копия рапорта Фланнери и дюжина других необходимых справок были подколоты к этому-письму и, переходя со стола на стол, оно попало в папку секретаря «па доклад», а затем и к начальнику Тарифного Отдела.

V.

Глава Тарифного Отдела положил ноги на стол, зевнул и бегло просмотрел разбухшее дело о гвинейских свинках.

— Мисс Кэп! — крикнул он стенографистке, — пишите: «Агенту, Весткот И. И. — Прошу объяснить, почему согласно всех прилагаемых справок посылка с крысами не была выдана»…

Мисс; Кэн нацарапала в своем блок-ноте две страницы крючков и уголков и подняла глаза на патрона, застыв с карандашей в руке. Глава Тарифного Отдела еще раз просмотрел бумаги.

— Гм! Гвинейские свинки… свинки… Н-да… Может быть они уже подохли за эти два месяца… Мисс Кэн! Пишите: «Напишите, в каком состоянии посылка в настоящее время». Все.

Может быть они уже подохли за эти два месяца…

Он бросил пачку бумаг на стол стенографистки, снял ноги со своего

стола и отправился завтракать.

VI.

Мик Фланнери, получив письмо из Тарифного Отдела, покачал головой.

— «В каком состоянии посылка в настоящее время…» — повторил он задумчиво. — И что это им все нужно знать, этим клеркам, удивляюсь… В каком состоянии… Хвала святому Патрику, насколько я знаю, — в хорошем. По крайней мере, я ни разу не обращался к ветеринару. Может быть этим клеркам хочется, чтобы я позвал доктора и написал им, каков пульс у свиней?.. Смешно. Одно я знаю твердо: у них больше чем свиной аппетит; даже не по росту… Как они кушают? Ничего, слава Богу. Слопали пару голенищ, валявшихся в кладовой, и ящик свечей. Если бы наши бедные ирландские свиньи ели столько, сколько эти гвинейские — они были бы гордостью Ирландии.

Ворча, он отправился в кладовую и заглянул в ящик для перевозки машинных частей, где теперь сидели свинки: прежний был уже мал.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь! — считал он. Семь пятнистых и одна совершенно черная. Все чувствуют себя прекрасно и жрут как гиппопотамы— резюмировал он свои наблюдения и пошел писать ответ.

«Мистеру Морган,
начальнику Тарифного Отдела».

Почему я говорю, что гвинейские свиньи— свиньи, а не что-нибудь еще; и всегда они будут свиньями, пока вы мне не прикажете, чтобы, они не были свиньями; тогда я брошу им ни съедение нашу книжку правил. Свиньи есть свиньи и бросьте ваши шутки о домашних крысах. Какой дурак станет выписывать крыс, скажите пожалуйста; свиньи — дело другое. Так и плати за свиней, а не за крыс. Что касается их здоровья, благодарю вас, они находятся в вожделенном здравии, чего и вам лес лаю.

Мик Фланcри агент М. К. Э. — Весткот

Постскрипт. Их теперь восемь штук, прекрасная семейка; едят, как дай бог нам с вами.

Еще постскрипт. Я уже заплатил из своих два доллара за капусту, которую они обожают до смерти. Кому писать счет: вам

или кому еще?»

VII.

Морган, глава Тарифного Отдела, получив это курьезное письмо, засмеялся, потом перечитал его и стал задумчив.

— Чорт возьми! — сказал он — Фланнери прав: «свиньи есть свиньи». Но все же хотелось бы получить более авторитетное подтверждение. Мисс Кэп! Пишите:

> Агенту, Весткот И. И.
>
> Что касается посылки с гвинейскими свинками за номером А 6754, правило 83 «Главной Инструкции Агентам» ясно говорит, что агенты должны взыскивать с получателя всю стоимость прокорма и т. д. и т. д., всех затрат, производимых во время перевозки или хранения Предлагается вам получить причитающуюся вам сумму с получателя».

Фланнери получил это письмо на следующее утро и заворчал.

— «Предлагается получить»… Как эти клерки любят разговаривать. Мне предлагают получить два доллара двадцать пять сентов с Морхауза… Вот ловко-то будет… «Мистер Морхауз, с вас следует 2 доллара 25 сентов» — «Совершенно верно, мой дорогой друг Фланнери. Очарован вашим посещением… Получите ваши денежки»… Вот штука-то! Послушаем начальства.

Как эти клерки любят разговаривать

И он отправился. На звонок вышел сам Морхауз.

— Ха-ха! — засмеялся он, увидя Фланнери. — Согласились-таки? поняли какого дурака валяли? Я был уверен, что вы придете. Ну, тащите ящик.

— Никаких ящиков! — холодно ответил Фланнери. — А вот счет мистеру Джону С. Морхауз на 2 доллара 25 сентов за капусту, съеденную его гвинейскими свиньями. Угодно вам заплатить?

— Заплатить за капусту?… Вы хотите сказать, что пара крошечных свинок…

— Восемь… поправил Фланнери. Папа, мама и шестеро младенцев… Всего восемь, с вашего позволения.

Вместо ответа Морхауз свирепо захлопнул дверь перед носом Фланнери. Тот вопросительно посмотрел на дверь…

— Повидимому адресат не хочет платить за капусту, съеденную его посылкой. Насколько я знаю правила, это значит, что мне не с кого получать мои 2 доллара 25 сентов.

VIII.

М-р Морган, начальник Тарифного Отдела, сидел в кабинете председателя Междугородной Компании Экспрессов, обсуждая вопрос о гвинейских свинках, являются ли они свиньями или не свиньями.

Председатель смотрел на это дело просто.

— Каков тариф для свиней и кроликов? спросил он.

— Свиньи — тридцать сентов, кролики и крысы—25 сентов.

— Тогда, без сомнения, гвинейские свинки — свиньи.

— Совершенно верно, — ответил Морган, — Я тоже так думаю. Предмет, который можно оценить двумя способами, нужно оценить по высшей ставке. Но дело в том свиньи они или нет? Может быть они кролики?

— А, знаете, это похоже на правду. Я думаю, что гвинейские свинки — нечто большее, чем кролики. Так сказать, промежуточное звено между кроликами и свиньями. По моему, вопрос нужно ставить так: принадлежат ли гвинейские свинки к семейству домашних свиней? Я запрошу профессора Гордона. Он специалист в этих вопросах. Оставьте-ка мне бумаги.

Он положил бумаги в отдельный ящик и написал запрос профессору Гордону.

К несчастью, профессор в это время путешествовал в Южной Америке, охотясь за зоологическими редкостями, и письмо председателя было переслано ему в Америку его женой. И когда профессор блуждал по вертепам Анд, где еще не бывал ни один белый, письмо летало взад и вперед по всей Южной Америке.

Председатель успел забыть гвинейских свинок, забыл о них и Морган.

IX.

Но не забыл о них Фланнери. Половину своего времени он уделял службе, а другую половину посвящал им. И задолго до того, как профессор получил письмо президента, м-р Морган получил письмо от Фланнери. Он писал:

> «Что касается этих гвинейских свиней, я не знаю, что и делать с ними. Бог благословляет их потомством очень щедро, ни один ящик им не годится. Их теперь тридцать две, и я думаю, они намерены продолжать и дальше в том же духе. Либо их продавать, либо позвольте занять станционное помещение для

них. Отвечайте скорее».

Морган схватил телеграфный листок и написал:

«Агенту Вестком.

Не имеете права продавать посылок», а потом написал Фланнери подробное письмо с объяснением, что свинки не принадлежат Компании и их должно задержать до разрешения вопроса. Он рекомендовал Фланнери получше ухаживать за ними, чтобы не вызвать нападков на Компанию.

X.

Фланнери прочел письмо и вздохнул… Самый большой ящик был уже мал этому многообещающему семейству. Мик отмерил тридцать футов станционного помещения, сдвинул оттуда все ящики, устроил загородку и пустил свинок. Потом возвратился к своим делам. Теперь он работал с лихорадочной быстротой, чтобы скорее справиться с делами и белить к свинкам. А они требовали немалого внимания. Еще бы: тридцать две души, которые хотят есть, грызут все что ни попало, пакостят и размножаются, размножаются…

Через некоторое время Мик пришел в отчаяние; он взял клочек бумаги, написал на нем крупно: «160» и отправил Моргану.

Морган вернул бумажку, спрашивая, что это такое.

Флаппери отвечал:

> «Теперь их сто шестьдесят штук, этих свиней, ради бога позвольте хоть часть продать. Вы хотите, чтобы они меня самого слопали, что ли?»

«Не продавать свинок» настойчиво телеграфировал. Морган.

XI.

Вскоре после этого председатель Компании получил письмо от профессора Гордона. Это было длинное ученое послание, но самое главное заключалось в двух строках; профессор писал, что гвинейские свинки принадлежат к разряду Cavia aparoea, тогда как обыкновенные свиньи — к Sus из семейства Suidae. On писал еще, что гвинейские свинки весьма

плодовиты и быстро размножаются.

— Они не свиньи, — сказал председатель Моргану. — Их тариф 25 сентов за штуку.

Морган сделал соответствующую резолюцию на деле № А 6754 и передал его в Экзекуторский отдел. Экзекуторский отдел оформил все дело и известил Фланнери, что имеющихся у него 160 гвинейских свинок он должен передать адресату, взыскав с него по 25 сентов за штуку и, особо, за их содержание.

XII.

В этот день Мик Фланнери бросил все дела и считал разбегающихся свинок, от которых рябило в глазах.

> «Уважаемый Экзекуторский отдел! (писал он) конечно, вы имели право думать, что их сто шестьдесят; но с, тех пор прошло время и я насчитал их восемьсот, и потом бросил. Сколько бы их ни было, и кто мне отдаст мои 64 доллара за капусту, что пожрала эта пятнистая орава?»

Много писем с запросами и ответами летало туда и обратно, пока Экзекуторский Отдел уразумел, почему вышла ошибка, почему вместо ста шестидесяти стало восемьсот и почему свинки едят именно капусту, а не что-нибудь другое.

Свивки оттеснили Фланнери в утолок конторы, где ему осталось три квадратных фута на все дела. Всю остальную часть прочно заняли свинки и, согласно распоряжению Компаппи, Фланнери нанял двух мальчиков, чтобы ухаживать за ними.

На следующий день Фланнери пересчитал свинок: их стало на 8 штук больше. А когда, наконец. Экзекуторский Отдел согласился на цифру 800, их было уже 1064 штуки. Фланнери обнес загородкой свою контору и отдал ее под общежитие своим врагам. А враги все прибывали…

XIII.

Экзекуторский Отдел слал письмо за письмом, но Фланнери был слишком занят, чтобы читать их.

Наконец нарочный вручил ему телеграмму:

«Ошибка в счете за гвинейских свинок. Взыщите только за пару 50 сентов. Скорее, сдайте всех адресату».

Прочтя телеграмму, Фланнери подпрыгнул на 3 фута, что при его возрасте было большой маркой. Со всей быстротой, на которую был способен его карандаш, он написал счет и пустился бегом к дому Морхауза.

У калитки он замер как в столбняке. Дом смотрел на него пустыми окнами, сквозь которые было издалека видно все внутреннее расположение комнат. А на столбе терассы висела дощечка:

«Сдается».

М-р Морхауз уехал!

IVX.

Фланнери пошел обратно. Шестьдесят девять свинок родилось в его отсутствие… Он пошел собирать справки в городе. Оказалось, что Морхауз не просто переменил квартиру, а уехал совсем из Всстkота…

Печально возвращался он на станцию и далее сообщение мальчиков., что за его отсутствие появилось на свет еще двести свинок, не вернуло ему хорошего расположения духа.

Он послал телеграмму в Экзекуторский отдел.

«Не могу получить 50 сентов за пару свиней, адресат выбыл неизвестно куда, что делать? Фланнери».

Эта телеграмма была вручена клерку Экзекуторского Отдела, который, засмеявшись. сказал товарищам:

— Надо велеть ему прислать свое стадо в главную контору, а то они в самом деле съедят беднягу.

И он телеграфировал Фланнери приказ об отправке гвинейских свинок в Франклин.

Получив приказ, Фланнери немедленно принялся за работу, наняв на помощь шесть мальчуганов. С энергией отчаянья сколачивали они клетки из всех ящиков, которые только нашлись, набивали их свинками и

немедленно отправляли в Франклин.

XV.

День за днем клетки с гвинейскими свинками непрерывным потоком лились из Весткота в Франклин, а Фланнери с помощниками не покладали рук, сколачивали, набивали, отправляли.

К концу недели они отправили 2800 клеток со свинками, а в конторе оставалось еще в четыре раза большее количество, чем в начале отправки.

«Остановите посылку свиней. Склады полны» телеграфировали из Франклина.

«Не могу остановиться» отвечал Фланнери и посылал, посылал…

Со следующим поездом из Франклина прибыл инспектор Компании. Он имел категорические инструкции приостановить поток гвинейских свинок, чего бы это ни стоило.

Выйдя на станцию, он увидел ряд вагонеток, стоявших вблизи багажной конторы Фланнери. А у самой конторы стоял открытый товарный вагон и десяток мальчиков непрерывно таскали туда кульки и корзины, полные свинок.

В самой конторе Фланнери стоял посреди комнаты без куртки, засучив рукава, сгребал угольной лопатой свинок и наполнял ими корзины, кульки, мешки.

Он гневно зарычал на инспектора:

— Оставьте меня в покос!.. Когда вагон будет полон, я расквитаюсь с этими тварями!.. Клянусь, никогда не иметь дела с иностранными свиньями!.. Да, сэр… они чуть не уморили меня… Я спал на крыше вагона последнее время… В следующий раз я буду знать, что свиньи не свиньи, а кролики… Правила — правилами, но вторично вы не оставите Мика Фланнери в дураках… Когда идет вопрос о жизни, к чорту все правила! Да! И пока Фланнери будет стоять за этим прилавком, свиньи — не свиньи, а кролики, коровы — кролики, лошади — кролики, и львы и тигры и Скалистые горы — все это кролики по 25 сентов и ни копейки больше!

Од задохнулся и остановился… Оставалось уже немного свинок, сотня не больше. Когда он заметил, что осталось груза мешка на три, обычное хорошее настроение вернулось к нему.

Груза осталось мешка на три

— Хорошо, однако, — весело сказал оп, — а ведь могло быть и хуже. Что бы я делал, если бы это были не гвинейские свинки, а слоны… а?

……..

МИР ИСПАРЯЮЩЕЙСЯ КАПЛИ

Рассказ Джемса Барра

I.

КОГДА Вильдинг Лир вошел в кабинет своего старого друга, профессора Гейлора, его внимание было привлечено каким-то странным сооружением, конструкцию и назначение которого Лир совершенно не мог определить. По форме оно напоминало гигантские песочные часы с широким основанием и плоской вершиной, суживающейся посередине. Оно достигало высоты старинных стоячих часов, а по обеим сторонам его было поставлено по высокому табурету.

— Дорогой друг, я рад. что вы пришли, — сказал профессор. Он выглядел усталым и нервным, как человек, переутомленный длительной работой, а концы пальцев его дрожали, когда он откидывал с изборожденного морщинами лба прядь седых волос, свешивавшихся ему на глаза.

Когда он снова заговорил, казалось, будто он думает вслух:

— Четыре года напряженной работы увенчались успехом. Мощный микроскоп закончен.

— Так вот в чем заключался ваш секрет. — воскликнул Лир — Микроскоп!

— Я еще не испытал его, — сказал профессор. — По правде сказать, я боялся заглянуть в микроскоп без вас, мой старый друг. С самого начала я решил разделить с вами мой триумф, а в случае неудачи надеялся на вашу дружескую поддержку.

— Я с гордостью буду свидетелем вашего первого опыта.

— Вы будете более, нежели простым зрителем. Мы оба в одно и то же время будем смотреть в микроскоп. Здесь, — и при этих словах он с любовью погладил вершину огромного инструмента, — здесь есть два зрительных стекла, две пары линз одна для вас, другая — для меня.

— Отлично! Что мы будем рассматривать?

— Крошечную каплю воды из полузамерзшего утиного садка.

— Во сколько раз увеличивает микроскоп?

Профессор Гейлор недоумевающе развел руками.

— В бесконечное число миллинов раз, — ответил он.

Без дальнейших разговоров оба друга взобрались на высокие табуреты и одновременно склонились над зрительными стеклами.

Их глазам представилось огромное водное пространство, напоминающее Тихий океан своим невозмутимым спокойствием. Однако, здесь не было ни коралловых островов, ни белых песчаных отмелей, ни лагун, сияющих яркими красками; перед ним лежало холодное чистое море с ледяными горами, озаренными солнцем. Солнечные лучи раздроблялись ледяными глыбами и отражались к небесам, как огненные лезвия пылающих мечей. Темный, синий океан занимал центральную часть панорамы. На западе профессор и его друг Вильдинг Лир заметили темную полосу земли, повидимому, начало какого-то неведомого материка. К югу лежал большой скалистый остров, а далеко на севере, там, где горы сливались в одну ледяную громаду, виднелись какие-то черные тени, странно выделяясь на ярко-белом фоне снега и льда. Эти черные пятна привлекли внимание ученого и его друга.

— Мне кажется, это — китобойные судна, затертые льдами, — воскликнул Лир, — Ого! А это что такое?

— Где, где? — спросил профессор.

— Слева от центра и вправо от той двойной ледяной горы. Если я не ошибаюсь, это— шлюпка. А в ней — человек. Он спит… Или умер?

Оба друга впились глазами в маленькую парусную лодку. Они видели

ее так ясно, как будто наблюдали с палубы корабля за плывущей борт о борт шлюпкой.

— Нет, я думаю, он не умер, — сказал с облегчением профессор — Он лежит слишком удобно. Заснул, вероятно. Похоже на то, что он потерпел крушение.

Не успел профессор выговорить последнее слово, как спящий человек внезапно сбросил с себя одеяло и вскочил на ноги. Он стоял прямо, как статуя, на скамье лодки, следя за ледяной горой, величаво плывшей к западу, на небольшом расстоянии от него.

— Можно поклясться, что это шотландский матрос, — заявил Лир.

Голова этого парня была покрыта шапкой ярко-рыжих волос; лицо с грубыми чертами, большим ртом и выдающимся подбородком дышало энергией и решимостью, а руки по длине и силе напоминали лапы гориллы. Ноги были кривые, как у всех моряков, но твердо держали все его крепко-сбитое тело. Он медленно поднял большую красную волосатую руку и, заслоняя ею глаза от ослепительного блеска солнца, зорко смотрел в сторону ледяной горы.

— Тут какой-то оптический обман, — забормотал профессор — Этот человек принадлежит, несомненно, к нашему миру.

— Здесь нет ни обмана, ни иллюзии, — возразил Лир. — Весь этот огромный океан, и он коснулся концами пальцев рамки микроскопа, — вместился в одну крохотную каплю замерзшей воды, извлеченной из утиного садка. Мир, заключенный в сердце одного атома, поистине — мир испаряющейся капли.

За это время моряк совершенно ожил. Он сел на переднюю скамью и изо всех сил налег на весла. То и дело он оборачивался через плечо, чтобы убедиться, правильное ли направление он взял. Повидимому, целью его плаванья была двойная ледяная гора, самая большая из всех, покрывающих этот усеянный горами океан. Страшное физическое и духовное напряжение ясно выражалось на его лице, и постепенно заметное беспокойство начало переходить в ужас. Мускулы на его руках, груди и спине двигались и извивались, как змеи. Он прикусил зубами нижнюю губу, и белая полоска зубов ярко выделялась на его загорелом обветренном лице. Лодка быстро неслась вперед оставляя за собой белую пену. Было ясно, что он спасается от какой-то смертельной опасности. Но от какой?

II.

Гейлор и Лир начали внимательно осматривать океан, ища объяснения непонятного им ужаса. Искать им пришлось недолго.

Немного южнее той горы, от которой удирал матрос, внезапно вынырнуло из глубин штук двадцать голов каких-то чудовищ, похожих на моржей. В их отвратительных мордах было что-то напоминающее человека; из-под верхней челюсти спускались ужасные клыки, как огромные сабли из слоновой кости; морды были обведены, как бахромой, грубой бородой. Как только чудовища вынырнули из-под воды, на их головах развернулись огромные уши. напоминающие крылья летучей мыши пли странно выкроенные паруса. Они могли поворачивать головы во все стороны, а их острые красные глаза внимательно всматривались в рябь на поверхности океана.

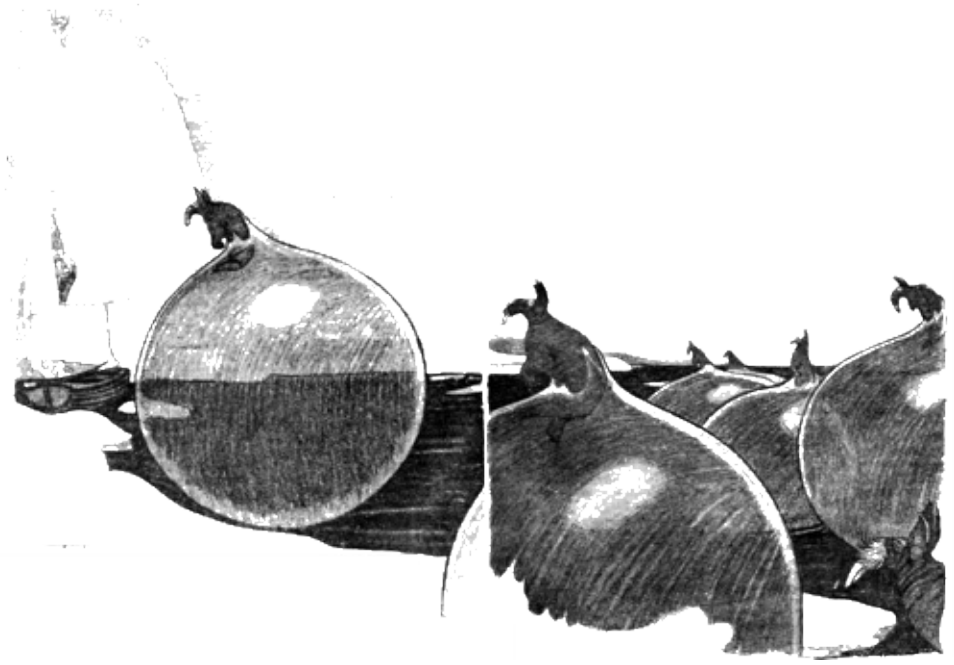
— Настоящие ищейки, выслеживающие дичь, — проворчал профессор. — Интересно знать, заметили ли они матроса?

— Я думаю, еще нет — ответил Лир, и голос его задрожал от с трудом сдерживаемого волнения — Но матрос, конечно, знает, что они близко. Смотрите! он уже пристал к горе.

Подплыв к ледяной громаде, матрос выпрыгнул из лодки на отлогий низкий берег, укрепил лодку, навалив глыбу льда на конец каната, и начал метаться по сторонам, выискивая местечко, где бы он мог скрыться от длиннобородых чудовищ. Ледяные края были отточены волнами, и единственным убежищем для беглеца могла слушать только узкая расселина, глубоко промытая ручейком, сбегавшим с вершины горы. В нее-то и забился матрос, почти скрывшись из поля зрения обоих ученых, которые обратили свое внимание на моржеобразных чудовищ у второй горы.

Двадцать голов виднелось на поверхности океана. Внезапно одно из чудовищ высоко подпрыгнуло над водой, вроде того, как прыгают дельфины, и тут произошла необычайная вещь. Пока животное находилось в воздухе, из его перепончатых ног выделился круглый шар около ста футов в диаметре и, — с легкостью мыльного пузыря, опустился на поверхность океана. Ужасный морж высился на нем, как статуя на пьедестале. Зорко оглядевшись во сторонам, чудовище опустило плечи, вытянуло вперед свою ужасную голову и уставилось немигающими глазами на двойную ледяную гору. В следующий момент его движения заставили Лира громко расхохотаться. Казалось, крошечный комар балансирует на футбольном мяче и. забавно подпрыгивая, подвигается вперед. Очевидно, субстанция шара отличалась поразительной упругостью, так как чудовище то приседая, то снова внезапно выпрямляясь,

гигантскими шагами двигалось по поверхности воды, направляясь прямо к лодке матроса. Вслед за ним и все его товарищи выпрыгнули из воды и очутились каждый на своем шаре. Еще никогда ни один смертный не видел такого поразительною похода чудовищ, действующих дружно и согласно.

Казалось, крошечный комар балансирует на футбольном шаре.

Вскоре все чудовища присоединились к своему вождю и с бессмысленной яростью накинулись на лодку. Они вырывали друг у друга доски и разбивали их в щепки. Схватив доску передними лапами, они поднимали ее высоко над головой и с силой ударяли о выступы льда. Когда последняя доска была разбита, они остановились, покачиваясь на своих плавучих шарах, и с диким наслаждением любовались результатами своей бессмысленной ярости. Их вождь-великан ловко выпрыгнул из воды на берег, но как только его шар коснулся твердого ледяного основания он лопнул, как лопаются мыльные пузыри. Чудовище неуклюже опустилось на свои задние лапы-плавники. Как раз во-время очутилось оно на твердой почве: снизу, из неведомых морских глубин, надвигалась смертельная опасность.

Ледяная гора слишком глубоко погрузилась в море; ее основание своими выступами бороздило мрачное дно океана, и огромная глыба льда в пять тысяч тонн оторвалась, зацепившись за неровности дна. Выше и выше поднималась она, с каждым футом скорость движения увеличивалась, и, наконец, она вылетела на поверхность, как разорвавшаяся граната, как раз в том месте, где собралось страшное стадо моржей. Море закрутилось в водовороте и вышвырнуло в воздух чудовищ, которые, с распростертыми лапами, барахтались в вышине. А гигантская глыба тяжело рухнула обратно в море. Океан у подножья горы вздымался и ревел, как мальштрем. Куски льда, сталкиваясь, разбивались на мелкие осколки, а чудовищные моржи превращались в бесформенные искалеченные массы в этом круговороте. Одни были поглощены непроницаемыми глубинами, других волны выбросили на откос горы, как мертвых рыб.

Великан-вождь действовал быстро и обдуманно. Как только глыба взлетела на воздух, он, вытянув шею, бросился в море, нырнул и исчез под водой. Ярдах в двухстах от водоворота он снова выплыл на поверхность, наполнил свой шар и выждал, когда волнение прекратилось. Тогда он вернулся назад к своим убитым товарищам, распростертым на льду. Отвратительная гримаса удовольствия стянула его морду сетью морщин, и быстро, как будто радуясь своей работе, он начал сбрасывать трупы обратно в море.

— Какое мерзкое создание! — воскликнул Лир, поднимая голову и мигая усталыми глазами — Он безжалостнее всякого животного.

С трудом оторвавшись от микроскопа, профессор Гейлор тяжело вздохнул.

— Я забыл, что это не реально. Я забыл, что смотрю в микроскоп, — сказал он.

— Нет никаких оснований сомневаться в реальности, — возразил Лир, — И чудовище, и матрос действительно существуют и скоро заметят друг друга.

Лир не ошибся. Когда ученые снова склонились над зрительными стеклами, чудовище уже забыло о своих погибших товарищах и стояло неподвижно, прислушиваясь к чему-то.

— Безумный! — воскликнул Лир. — Почему он не подождет, пока животное уйдет?.

Ледяная глыба, оторвав кусок льда, открыла убежище матроса. Только благодаря узкой щели волны не смыли его в океан. Когда вода сошла, рыжим человек вскочил на ноги и начал бешенно долбить гладкую ледяную стену своим складным ножом.

— Он потерял рассудок от страха перед чудовищем, — воскликнул Гейлор— Он накинулся с ножом на ни в чем неповинную гору!

— Нет, очевидно, у пего есть какой-то план, — возразил Лир. — Кажется, он хочет сделать ступени в ледяной стене, чтобы взобраться на верхнее плато. А это что такое?

III.

Восклицание Лира заставило профессора обратить внимание на плато, находящееся высоко над тем местом, где стояли матрос и чудовище. Поразительное зрелище представилось его глазам. Из расщелины горы вышла девушка с непокрытой головой. И какая это была прелестная головка! Масса волнистых волос, отливающих золотом, окружала сияющим ореолом ее лицо, поражающее необычайной красотой. Лоб ее был цвета слоновой кости, щеки нежно-розовые, глаза горели, как звезды, а зубы отливали жемчужным блеском. Ученые, с сильно бьющимся сердцем, затаив дыхание, следили в экстазе за ее движениями.

С минуту девушка стояла неподвижно; казалось, она боялась покинуть свой ледяной дворец. Глаза ее выражали удивление. Очевидно, она так же, как и отвратительное чудовище, услышала царапанье ножа шт льду и не могла понять причину этого звука. Наконец, девушка решилась двинуться вперед и на цыпочках скользнула по плато в ту сторону, где моряк пробивал себе путь. Она казалась таким эфирным созданием, что-лучи солнца, отраженные льдом, как будто пронизывали ее насквозь. Настоящая нереида девственного льда, вся сотканная на воздушной паутины. Лучезарная девушка остановилась; приложив пальчик к губам и наклонив головку, она внимательно прислушивалась. Из расщелины во льду появилась группа девушек, таких же прелестных, как первая, вокруг которой все они сгруппировались, встревоженные и удивленные.

Рыжий загорелый моряк попрежнему о озлоблением долбил лед своим ножом. Омерзительный морж все еще не мог разобрать, откуда идет звук.

Внезапно руки и плечи ледяной нереиды начали дрожать и, как у стрекозы, впервые раскрывающей свои крылья, два великолепных крыла из разноцветного газа появились за ее спиной. Они высоко поднимались над ее головой и колеблясь спускались к ногам. Легко подпрыгнув, она бросилась в воздух и, рассекая его своими лучезарными крыльями, полетела с горы к океану. Там она остановилась, паря в воздухе, как пчела, собирающаяся опуститься в чашечку цветка, и зорко огляделась по

сторонам.

Первым она заметила матроса, который привлек ее внимание царапаньем своего ножа. Любопытство пересилило робость, и она, порхая, направилась к нему, вся охваченная волнением, которое, однако, не могло пересилить очаровательную любознательность, свойственную ее полу. Ближе и ближе подлетала она, сосредоточив все внимание на незнакомце, который, не замечая ее присутствия, продолжал долбить лед.

— Девушка, оглянись! — неожиданно крикнул Лир с тревогой и ужасом.

Профессор побледнел, увидев, какая опасность угрожает робкой и нежной девушке-фее.

Страшный морж бросился в океан и теперь притаился на своем раздутом шаре. Когда девушка остановилась в воздухе, паря как раз над его головою, чудовище подняло морду к небу, выставило клыки и приготовилось прыгнуть.

В тот самый момент, когда шар отделился от воды, взгляд девушки упал на кидающееся на нее животное. В одно мгновенье она сообразила, что надо делать. Она не была настолько глупа, чтобы пытаться подняться выше — для этого у нее не было времени; она не могла лететь вперед, боясь разбиться о ледяную гору; она не смела опуститься, боясь попасть прямо в пасть чудовища. Оставался только один путь к спасению — порхать и кружиться на месте; это она и сделала, втянув крылья, чтобы они не мешали ее круговым движеньям. Она не потеряла ни одной секунды на колебания, во все же не успела во-время свернуть крылья. Клык чудовища прорезал, как саблей, нежный газ ее левого крыла. Он хотел нанести второй удар, но промахнулся на какой-нибудь дюйм. Однако рана уже была нанесена. Правое крыло пыталось рассекать воздух, а левое беспомощно повисло как сорванный ветром парус корабля. Прелестное лицо, за минуту еще такое розовое и оживленное, покрылось смертельной бледностью, и девушка начала медленно опускаться к воде. Чудовище, выпустив воздух из шара, погрузилось в море, выставив на поверхность голову и плечи, и, раскрыв пасть, поджидало свою жертву.

IV.

Профессор Гейлор, как ужаленный, отскочил от микроскопа и сумрачно зашагал по комнате.

— Я не могу вынести этого отвратительного зрелища! — воскликнул

он. — Как я смел изобрести микроскоп, обнаруживающий подобные ужасы?

Радостный крик Лира заставил его снова броситься к микроскопу. С бьющимся сердцем он склонился над зрительным стеклом, и глазам его представилось трогательная картина. Спутницы красавицы смело бросились в воздух и окружили свою раненую подругу. Они поддерживали ее руки, ноги, крылья и волосы ее золотой головки. Они рассекали воздух крыльями с невероятной быстротой и, не давая девушке опуститься ниже, постепенно влекли ее все ближе и ближе к ледяной горе.

Спутницы красавицы окружили раненую подругу.

При виде этой попытки спастись, моржеобразное чудовище пришло в настоящее бешенство. Оно снова надуло свой шар и начало яростно прыгать в воздух, пытаясь достать своими клыками рой хрупких фей. Вовремя одного из таких прыжков ему посчастливилось порезать ножку одной из девушек, летевшей ниже всех. Она, смелое, хорошенькое

существо, продолжала лететь, как будто и не была ранена, взмахивая крыльям наравне с остальными и не выражая никакого желания покинуть своих подруг.

— Почему это чудовище не взберется на берег? — спросил профессор — Оттуда оно, несомненно достало бы их.

— Его шар слишком нежен и лопается от прикосновения ко льду, — ответил нетерпеливо Лир.

Морж не прекращал своих бешенных прыжков, но счастье было не на его стороне: девушки, собрав последние силы, опустили свою раненую сестру на выступ горы, где она была в полной безопасности, и сами упали в изнеможении.

— Они спасли ее — крикнул с восторгом профессор. — все они заслуживают медаль за спасенье погибающей.

— Если и матрос доберется до этого выступа, я буду дышать спокойно, — отозвался Лир со вздохом.

Профессор и его друг сосредоточили все внимание на матросе; его рыжая голова высовывалась из расщелины, глаза расширились от ужаса — очевидно, и он был свидетелем смертельной битвы. Придя в себя, он снова кинулся в свою нору и с удвоенной энергией начал выдалбливать ступени во льду. Морж не обращал ни малейшего внимания на шум: он продолжал прыгать в воздух для того, чтобы хоть бросить алчный взгляд в сторону девушек, спасшихся от его клыков.

Мало-по-малу девушки одна за другой собирались с силами. Вскоре они поднялись на ноги и с величайшей осторожностью помогли своим раненым подругам добраться до ледяной пещеры.

Профессор и его друг решили сделать передышку. Глаза их утомились, мозг нуждался в отдыхе, нервы были напряжены. Они несколько раз прошлись по комнате, пока их мысли и чувства не пришли в нормальное состояние, и снова вернулись к микроскопу.

За это время чудовище прекратило свои прыжки. Оно опять стояло неподвижно на ледяном откосе, внимательно прислушиваясь. Моряк отбивал лезвеем ножа куски льда, которые падали к его ногам, как осколки бриллиантов. Он уже сделал три ступени и принимался за четвертую, когда чудовище медленно двинулось по откосу, осматривая ледяную стену. Наконец, оно добрело до расселины и заглянуло в нее. При виде человека губы его скривились в отвратительную гримасу. Хотя щель была очень узкая, оно несколько раз пыталось пролезть в расселину. Убедившись в бесплодности своих усилий, оно выпрямилось во весь рост и начало разбивать своими крепкими клыками ледяную стену почти на одном уровне

с головой моряка. Было очевидно, что животное намеревается перерезать матросу путь к плато. С каждым ударом его клыков ледяные осколки разлетались во все стороны. Услышав шум, моряк обернулся и увидел страшное чудовище. От ужаса он потерял равновесие, сорвался со ступенек и упал на дно расщелины. Но в следующий момент он уже вскочил на ноги, вскарабкался на ступени и неистово продолжал работу.

Хотя ученые не могли услыхать ни малейшего звука, однако, они не сомневались, что удары клыков чудовища и стук ножа но льду наполняли этот зачарованный мир испаряющейся капли оглушительным шумом. Их уверенность вскоре подтвердилась: толпа девушек-фей снова выглянула из ледяного дома. Очевидно, они хотели выяснить причину шума. Чтобы придать друг другу храбрости они взялись за руки и на цыпочках подбежали к краю плато. Наклонившись над краем пропасти, они заглянули вниз. Бешенная работа чудовища страшно взволновала их: они испуганно смотрели друг на друга, прижимая руки к груди.

Внезапно одна из них, высокая и стройная, отделилась от своих сестер и начала расправлять нежные воздушные крылья. Казалось, подруги отговаривали ее от какого-то поступка, по она ласково сняла их руки со своих плеч, улыбнулась им на прощанье и, взмахнув крыльями, поднялась на воздух. Быстро, как стрела, понеслась она по направлению к западу. Ученые следили за ее полетом, пока она не скрылась из виду.

Между тем на ледяной горе происходила уже другая сцена. Самая крошечная из всех фей распустила свои крылья с общего одобрения всех подруг, которые танцевали вокруг, чтобы придать ей бодрости. Эта девушка полетела прямо через океан туда, где должен быть север. Остальные, проводив ее немного, вернулись в свой ледяной дом, может-быть, для того, чтобы рассказать обо всем своим раненым подругам. Вскоре вторая девушка скрылась из виду, как и первая, дав возможность обоим ученым сосредоточить все свое внимание на ледяной горе.

Матрос только что окончил четвертую ступень и теперь выбивал во льду пятую. Морж работал с еще большим ожесточением, и осколки льда разлетались, как стружки из под строгальной машины. За короткий промежуток времени он успел выбить большую впадину над самой головой моряка.

V.

Время шло. Девушки-феи то и дело выбегали, держась за руки, на

плато, свешивались над пропастью и следили за человеком и чудовищем. Они были в большом волнении.

Ученые снова сделали перерыв.

— Боюсь, что моряк обречен на гибель, — вздохнул Вильдинг Лир. — Животное скоро доберется до него. Его песенка спета.

— Я не могу спокойно смотреть, как живое существо борется за свою жизнь, и знать, что оно обречено на смерть, — сказал профессор. — Мои нервы не выдержат этого зрелища. Если бедный парень проиграет, я скорее откушу себе палец, но не буду свидетелем его поражения.

За время перерыва ничего нового не произошло. Матрос попрежнему долбил ступени, а чудовище расщепляло лед. Одна из девушек только что вышли из пещеры, она поднялась на воздух и стала кружиться над горой, всматриваясь вдаль. Опустившись на плато, опа, казалось, позвала подруг. Группа девушек выбелила на ее зов. Все они поднялись на воздух и кружились, как лучезарные ангелы, на небольшом расстоянии от горы.

— Что это виднеется там, на западе? — спросил Лир.

Профессор также заметил тусклую темную точку на небе. Она быстро приближалась, принимая форму расплывчатого облачка, и очертания ее становились все яснее по мере приближения к фокусу.

— Что-то летит! — воскликнул возбужденно Гейлор.

Феи пришли в страшное смятение: самые маленькие и хрупкие бросились к ледяной горе и скрылись из виду, как школьницы, испугавшиеся волка. Более сильные рассеялись по сторонам и поднялись выше. Летящая с запада точка становилась все отчетливее. Полет ее был странно-неровный. Она то опускалась, то поднималась и, казалось, не могла лететь по прямой липни.

— Она преследует кого-то! — воскликнул Лир, зрение которого было острее, чем у Гейлора — Кажется, крылатую девушку!

Она была такая тонкая и прозрачная по сравнению с большим темным пятном, что Гейлор не сразу нашел ее. Она прыгала и ныряла в воздухе, как пискарь в реке, кружилась то поднимаясь, то опускаясь, но все время неизменно двигалась вперед, к ледяной горе. За ней гналось чудовище, черное, как ворон, с головой грифона; лапы его заканчивались огромными когтями длиною с клыки моржеобразного животного, Черный дракон следовал неотступно за девушкой, пытаясь, достать ее своими когтями, и малейшее прикосновение их было бы гибелью для измученной девушки. Но воздушная фея, дрожа от ужаса и усталости, ускользала от страшных лап и неслась вперед.

Внезапно весь рой лучезарных девушек, с быстротой стрелы, понесся

над синими волнами на перерез черному дракону, заслоняя от него их усталую подругу. Дракон метался во все стороны, сбитый с толку порхающими вокруг него фигурами; то одна, то другая привлекала к себе его внимание, ловко ускользая от удара страшных когтей. Лир расхохотался с облегчением, поняв остроумную выдумку. Измученная девушки освободившись от преследования, полетела прямо к ледяной горе и, шатаясь, вошла в ледяные двери, в то время, какое сестры продолжали свою воздушную игру, шаг за шагом увлекая вампира к горе.

— Теперь мы увидим битву. — воскликнул Лир. — Эти смелые девушки хотят устроить состязание двух чудовищ.

VI.

Лир сказал правду. Заманив вампира как раз к тому месту, где работал морж, девушки с быстротой молнии кинулись в расселину и опустились у самых ног матроса. В следующее мгновение черный вампир расправил свои страшные когти и глубоко вонзил их в плечи чудовищного моржа. Огромные крылья начали бешено ударять но воздуху, и удивленный морж почувствовал, что его подымают со льда.

Черный вампир расправил свои страшные когти и глубоко вонзил их в плечи чудовищного моржа.

Придя в себя от изумления, он начал с яростью извиваться и биться в воздухе. Вытянув свои страшные клыки, он с силой ударил прямо в грудь вампира. Пораженный ударом вампир перестал рассекать крыльями воздух, и одну секунду казалось, что оба рухнули вниз, в океан. Но в следующее мгновенно сильные взмахи огромных крыльев подняли вверх обоих чудовищ, наносящих друг другу жестокие раны зубами, когтями и клыками. В воздухе летали клочья шерсти и куски кожи моржа и вампира, тело которого было покрыто густым мехом.

На верхнее ледяное плато выбежали девушки, большие и маленькие, старые и молодые. Все они наблюдали за битвой в воздухе, а среди них стояла их прекрасная королева, раненое крыло которое было аккуратно перевязано. Из расщелины выглянула рыжая голова матроса; он повернул свое обветренное лицо к небу, следя за чудовищами, поднимавшимися все выше и выше. По силе оба противника были равны, но вампир имел то преимущество, что сражался в воздухе, своей родной стихии. Однако было ли это преимуществом! Если бы битва происходила на льду, вампир пустил бы в ход свои страшные когти и растерзал ими моржа, а здесь, в вышине он только впился копями в противника. поддерживая его в воздухе и защищаясь ужасными челюстями. Своей крепкой головой, покрытой роговой оболочкой, он, как молотком, долбил голову врага, который, в свою очередь, наносил ему глубокие раны клыками. Кровь с обоих чудовищ лилась ручьями. Это была битва не на живот, а на смерть, и долго она не могла тянуться.

Морж, предчувствуя победу, с удвоенной силой наносил удары клыками, но вампир, не желая сдаваться, не выпускал своего врага. Крутясь в воздухе, они спускались все быстрее и быстрее. Ученые, затаив дыхание, следили за последними моментами борьбы. Девушки-феи бросились к своей ледяной пещере, а моряк притаился в расселине. Сплетенные тела падали вниз с головокружительной быстротой. Ударившись об острый выступ ледяной горы, они упали на поверхность океана, искалеченные, разбитые, с широко-раскрытыми мертвыми глазами. Волны увлекли их в пучину.

VII.

Профессор Гейлор спрыгнул на пол с высокого табурета; его пергаментные щеки впервые сморщились в улыбку. Лир, сияющий, последовал за ним. Его восторг не знал пределов.

— Благородные создания! — говорил он, радостно потирая руки. — Прелестные, хрупкие. как бабочки, и храбрые, как львы. Они рисковали своей жизнью, спасая простого матроса.

Целых пять минут прошло, прежде чем друзья слова взобрались на свои табуреты и заглянули в зрительные стекла. Группа девушек готовилась к полету, когда к ним подлетела их крошечная подруга, отправившаяся на север перед самым появлением вампира. Маленькая фея показывала в ту сторону, откуда она прилетела, и ученые увидели крепкое неуклюжее китобойное судно, направляющееся прямо к ледяной горе.

— Спасательный корабль! — воскликнул Лир.

Держась за руки, одна за другой, девушки начали спускаться пестрой вереницей с верхнего плато на отлогий берег горы. Они манили к себе моряка, и он вылез из своей расщелины. На цыпочках закружились они в хороводе вокруг него; все быстрее и быстрее становились их движенья, так что нельзя было различить отдельных фигур. Рыжий моряк, радостно скаля зубы, стоял в центре круга. В это время новый свет озарил мир испаряющейся капли, свет, похожий на северное сияние. Ледяные горы высились как алмазы среди темно-синих вод океана. Льдины горели и искрились разноцветными огнями.

Ученые застыли, как очарованные. Старое китобойное судно подошло к ледяной горе; танец прекратился, моряк был поднят на борт. Девушки, посылая ему на прощанье воздушные поцелуи, одна за другой исчезали в ледяном дворце. Мир испаряющейся капли погрузился во тьму.

— Прежде, чем этот чудесный мир, в который нам было суждено заглянуть, не испарился, вольем эту каплю обратно, в утиный садок. — сказал Вильдинг Лир, с трудом переводя дыхание. Он был охвачен благоговейным чувством перед бесконечно великим в бесконечно малом.

Профессор Гейлор дрожащими пальцами передал Лиру стекла, между которыми находилась капля из утиного садка.

……..

МОЕ ПОГРЕБЕНИЕ

Ганса Гейнца Эверса

ЗА ТРИ дня до своей кончины я отправил открытку «красным самокатчикам». В открытке я писал:

«Через три дня по получении этого письма прошу отвезти ящик на кладбище, в двенадцать часов дня. При этом необходимо присутствие всех красных самокатчиков. Плату и подробные инструкции найдете на ящике. Следовали имя и адрес.

«Красные самокатчики» явились пунктуально, и с ними явился господин обер-самокатчик. Ящик был большой, длинный, из-под яиц, и я на нем намалевал с большим старанием: «Стекло». «Хрупкое!» «Осторожно!» «Не опрокидывать!» Разумеется, в этом старом ящике из-под яиц лежал мой труп, но крышка, по моему приказанию, не была приколочена: я хотел быть «приличным покойником» и решил самолично наблюсти за тем, чтобы все было, как следует. Первым делом обер-самокатчик взял деньги, положенные на крышке, и пересчитал их.

— Сорок пять красных самокатчиков, — промолвил он, на два часа— верно! — Он сунул деньги в карман и прочитал мои инструкции. — Нет, произнес он, — это не пройдет. Это не наше дело. Как можно более глухим голосом я тогда сказал из ящика: «Красные самокатчики устраивают все!»..

Герр обер-самокатчик не догадался, кто говорит, и почесал себе нос.

— Ладно, — проговорил он, — ладно уж!

Совесть зазрила его: во всех его рекламах отчетливо значилось: «Красные самокатчики устраивают все!»

Один из мальчишек хотел приколотить крышку гвоздями, но главный остановил его.

— Прочь! — вскричал он, тыкая в записку. — «Здесь определенно сказано: Крышки не прибивать!»

Он мне положительно нравился, этот малый; взяв на себя поручение,

он ни на йоту не отступал от моей инструкции, которую он снова внимательно перечитал.

— Теперь мы прочем краткую молитву, — объявил он. — Кто из вас знает краткую молитву?

Но ни один из красных самокатчиков не знал краткой молитвы.

— Может, кто-нибудь знает длинную?

Но и длинной молитвы никто из них толком не знал.

— Красные самокатчики устраивают все! — буркнул я из своего ящика.

— Обер-самокатчик оглянулся. Ну, разумеется. — поспешно проговорил он. — Недурно было бы, если бы красные самокатчики не умели молиться! — Он обратился к самому маленькому — Фриц, ты, наверное, знаешь молитву!

— Знать то я знаю, — замялся малыш, — да только нехорошо…

— Это не важно, — прервал его обер. — Хорошо ли молишься, плохо ли — не важно, главное, чтобы молиться! Ну, говори молитву, а все будут за тобой повторять!

Фриц молился, а прочие горланили за ним вслед, что было мочи:

«Господи будь нам гость, Иисусе.

И нас благослови, яко в твоем вкусе».

— Аминь! — торжественно закрепил обер-самокатчик. — Замечательная молитва, заметьте ее себе, ребята, для будущего случая!

Затем, в точности следуя моим инструкциям, он стал распоряжаться. Яичный ящик был погружен на трехколесный грузовой велосипед, на котором ехал самый сильный из мальчиков; на ящик посадили Фрица — придерживать крышку. Красные самокатчики повскакивали на свои велосипеды и во весь опор помчались по улицам. Публика восторгалась бойкой процессией красных самокатчиков; а и решил в своем ящике, что куда приятней вот этак лететь на кладбище, чем медленно тащиться в черной траурней колеснице с отвратительными могильщиками!

Через двадцать минут мы уже были у цели. Все поставили свои машины у решетчатых ворот, четверо сильнейших осторожно подняли яичный ящик. Герр обер-самокатчик заглянул в мою инструкцию и распорядился:

— Вторая поперечная аллея, восьмой боковой проход, влево от главной дороги. Могила № 48678!

Туда они и отнесли торжественной процессией старый ящик из-под яиц.

Могила была уже вырыта, два больших заступа торчали в песке.

Несколько красных самокатчиков осторожно спустились в яму и поставили туда ящик. Потом они обступили яму широким кругом.

— Каждый должен закурить папиросу! — распорядился обер-самокатчик.

У большинства мальчиков были папиросы, прочим он роздал из своего портсигара.

— Я не умею курить! — заявил маленький Фриц. — Меня от… — Но я прервал его — Красные самокатчики умеют все!..

Обер возмущенно оглядел свою красную команду.

— Кто тут говорит?.. — вскричал он. Запрещаю бесполезные прения! Разумеется, красные самокатчики устраивают все! Кури, Фриц! Красный самокатчик так же должен уметь курить, как и молиться!..

Фриц зажег свою папиросу, прочие последовали его примеру.

— Так!.. — промолвил обер-самокатчик и опять заглянул в записку, — теперь начинается торжество погребения. Мы споем… на мотив из «Финстервальдских певцов»… такие вот стихи:

«Самокатчики красные все устрояют.

Для того они живут, для того умирают».

Все пели так, что эхо стонало, и я им подпевал из ящика.

— Теперь надгробная речь, — проговорил обер и начал — Ныне нам выпала честь и великое удовольствие впервые, в силу профессии, проводить ближнего к месту вечного упокоения! Хотя о прочих добродетелях усопшего нам мало что известно, но одних его последних распоряжений достаточно, чтобы воздвигнуть ему вечный памятник в сердцах всех красных самокатчиков по две марки сорок пять пфеннигов в час. По сей причине да соединимся дружно в возгласе: нашему благодетелю, блаженно усопшему, — ура, ура, ура!.

И красные самокатчики взревели: ура, ура ура!

— Отлично! — проговорил обер, в то время, как я благодарно рукоплескал в своем ящике.

— Напоследок мы споем любимую песню в бозе почившего:

— Ра-а-а-а-а-а-дуйся, ра-а-а-а-дуйся, дщерь Сиона; лику-у-у-уй, лику-у-у-уй Иерусалиме!..

Поблизости раздалась другая песнь — на третьей поперечной аллее, восьмой боковой проход, влево от главной дорожки, шли похороны. № 18679, с левой стороны, наискосок от меня. Хоронили обер-регирунгерата фон-Эренгафга, при страшном скоплении народа: все советники, офицеры, судьи, асессоры и тому подобная важная публика. Но это были похороны в старом стиле — без красных самокатчиков.

Герр обер-самокатчик учтиво выждал, пока те кончили, и опять затянул: — Споем же любимую песню усопшего: Дщерь Сиона, радуйся, ра…

Продолжать он не мог, потому что пастор начал гнусавым голосом читать надгробную речь.

Обер-самокатчик подождал пять минут, десять минут; но пастор не умолкал, и мое стало дурно. «Такие речи сильно ускоряют процесс органического разложения», говорил я себе. Должно-быть, обер-самокатчик разделял мой взгляд, потому что он посмотрел на часы.

Пастор все говорил и говорил.

Наконец, это надоело оберу — ведь ему было заплачено только за два часа! Он скомандовал, — и во все сорок пять глоток Красные Самокатчики разом взревели — Ра-а-а-а-дуйся, ра-а-дуйся, дшерь Сиона…

Пастор не хотел сдаваться. Но что может поделать самый голосистый проповедник против сорока пяти Красных Самокатчиков? Я с удовлетворением констатировал, что победила молодежь и современные идеи, и что старый буржуазный мир должен был с позором покинуть поле сражения: пастор умолк!..

Но духовенство никогда не сознается в поражениях; нет, никогда. Пастор переговорил с некими господами в цилиндрах, а те переговорили с несколькими шуцманами. Шуцманы напялили на голову свои каски и подошли к моей могиле. Они горячо убеждали обер-самокатчика, но тот не сдавался.

— Мы здесь занимаемся нашей профессией, — гордо отвечал он.

— А разрешение у вас есть? — спросил один из шуцманов.

— Понятно! — ответил обер-самокатчик и полез в карман. — Вот оно! Казенное разрешение на мой Институт «Красных Самокатчиков».

— Гм… — пробормотал шуцман. — Но разрешение… на похороны?

— Красные Самокатчики устраивают все! — заявил обер.

— Браво! Браво! — закричал я из своего ящика.

— Здесь никто не смеет кричать «браво»! — воскликнул шуцман. Он потребовал, чтобы Красные Самокатчики удалились, но обер-самокатчик отказался. Он еще не кончил церемонии, за которую ему уплачено было по тарифу! Он честный человек, главный принцип его — строжайшее выполнение долга. Он явно провоцировал шуцманов.

— Какой хитрец! — думал я. — Теперь эта история попадет в прессу и составит ему колоссальную рекламу!..

Шуцманы орали, по обер орал еще громче. Постепенно приблизились все господа из похоронной процессии обер-регирунгерата и стали

вмешиваться в спор — все эти советники, судьи, офицеры и ассесоры. Последним подошел пастор.

Его взору предстали Красные Самокатчики в своих красных шапках и куртках и с папиросами в зубах.

— Пфуй! — вскричал он. Потом он напялил очки и прочел на моем ящике: «Ломкое». — «Не опрокидывать.» — Что тут происходит? — строго спросил он.

Страшный ответ получил он от маленького Фрица. Тот действительно не умел курить, и папироса дорого обошлась ему. Он нагнулся, потом откинулся назад, снова быстро наклонился вперед, и несчастье свершилось — прямо на дивный сюртук господина пастора! Этот окаменел, но когда все бросились вытирать его носовыми платками, он пришел в себя, и сурово заявил:

— Это поистине переходит все границы… Я возбуждаю судебное преследование!

— Я тоже возбуждаю судебное преследование! — подхватил господин с двадцатью семью орденами.

— Мы по служебной обязанности возбуждаем судебное преследование! — объявили и шуцманы.

Пастор с изумлением глядел в могилу.

— И это… христианское погребение? — пролепетал он.

— Нет, — проговорил я — это современные похороны с Красными Самокатчиками!

Я сел на ящик, втиснул в глаз монокль и уставился на этих господ. Я был в пиджаке, но так как боялся озябнуть в могиле, то захватил с собой шубу. И это импонировало им — шуба в развал лета! Наверное, у их старого тайного обер-регирунгсрата не было шубы…

— Убирайтесь-ка прочь! — продолжал я. — Эта могила мной оплачена и принадлежит мне! Я законным образом умер и могу хоронить себя, как мне угодно. Ступайте же! Здесь, в этой яме и в этом ящике, я хозяин и советую вам не нарушать неприкосновенности жилища!

— Да это скандал! — проговорил господин с орденами. — Беспримерный скандал!..

Подошел прокурор.

— Надо прекратить это паясничество! — прошипел он мне. — Я арестую вас именем закона! Прошу полицию исполнить свой долг!

Шуцманы спустились в яму и положили мне на плечи свои широкие лапы. Но я гневно посмотрел на них и сказал:

— Что-ж вы, потеряли уважение к святости смерти?..

— Да он не умер! Это мошенничество! — вскричал некий храбрый лейтенант запаса.

— Вот как! — засмеялся я. — Прошу покорно! — И я протянул шуцману мое свидетельство о смерти. — Извольте убедиться! — А кроме того, — продолжал я, — если вам мало удостоверения районного врача, то… понюхайте-же, старый осел!

Господин в орденах выставил нос.

— Фу, дьявол! — вскричал он и подался назад.

— Держитесь в границах приличия. милостивый государь! — остерег я его. — Сегодня знойный июльский день, сейчас самый полдень… я покойник… и, стало-быть, имею право смердеть!..

Но королевский прокурор не успокоился.

— Это меня не касается. — заявил он, — я вижу только, что здесь учинено грубое бесчинство. И это грубое бесчинство требует кары закона. Прошу шуцманов положить этого господина в его ящик и убрать его отсюда; прочие имеют следовать за мною!

Шуцманы взялись за дело; я оборонялся, как мог. Но они были много сильнее меня, ловко засунули меня в ящик и понесли с кладбища к повозке. Все последовали за мной; господа сели в кареты, а Красные Самокатчики вскочили на велосипеды. Даже могильщики пошли за нами. Я радовался только тому, что тайный обер-регирунгерат, так обеспокоивший меня своим старомодным погребением, теперь остался в полном одиночестве, всеми покинутый. То-то, верно, досадовал, дурак!

Мой ящик поставили на козлы, а сверху сел толстый шуцман. К счастью, я имел возможность поглядывать в щелку. В город мы ехали бодрой рысью и, наконец, остановились перед зданием суда.

— В сорок первый зал! — скомандовал прокурор. Шуцманы понесли меня с ящиком, все устремились за нами.

Судья сидел на возвышении среди своих шеффенов. Господин прокурор произнес длинную речь: он извинялся, что прервал судебное заседание, но у него спешное, срочное, совершенно неотложное дело. И он рассказал обо всем.

— Бездельник утверждает, что он мертв, — закончил он, — и имеет даже правильно составленное свидетельство о смерти!

Господин судья приказал мне вылезть из ящика.

— Нет ли среди публики врача? — спросил он.

Тотчас же вышли вперед: обыкновенный врач, штабной лекарь и доктор медицины, начальник уездного богоугодного заведения.

Они выслушали меня, причем держали платки у самого носа.

Приговор их был краток: «Без сомнения, покойник»!

Я торжествовал.

— Я возбуждаю против господина прокурора дело по осквернению трупа! — заявил я.

— Пока что, вы здесь присутствуете в качестве обвиняемого, — оборвал меня председатель.

— Уже нет, милостивый государь! — Ответил я. — Я нахожусь в стадии…

— Уважайте же достоинство суда! — прервал он меня. — Я вас оштрафую за нарушение порядка!

— Позвольте же.. — кричал я.

— Молчать! — кричал он.

— Нет! — сказал я. — Как пруссак, я имею право свободно высказывать свое мнение словесно, письменно или в наглядной форме!

Он засмеялся.

— Мы здесь не в Пруссии. Кроме того, вы уже не пруссак, а покойник.

— Я уже не пруссак?..

— Нет.

— В таком случае, я мертвый пруссак!

— А мертвый пруссак не имеет никаких, даже самомалейших прав! Это вам должен подсказать простой здравый смысл.

Я подумал — он безусловно был прав! К великой досаде, пришлось замолчать.

— Вас обвиняют, — начал он, — в совершении грубого бесчинства, в возбуждении общественного соблазна, в оскорблении должностных лиц и в сопротивлении государственной власти. — Что вы можете привести в свое оправдание?

— Я покойник! — простонал я в полном унынии.

— Это не оправдание! — заявил председатель. — Славно было бы, если бы покойники, и к тому же прусские покойники, могли безнаказанно совершать разные проступки! Напротив, именно покойники обязаны к совершенно мирному и нравственному поведению; в известной степени они должны служить для живых светлым примером всех гражданских добродетелей. Как покойному пруссаку, вам должно быть известно изречение, что покой — есть первейший долг гражданина. И это прежде всего касается так называемых покойников. Совершенно неслыханное дело, чтобы против этого восставал скончавшийся индивидуум; откровенно должен сказать, что в моей долголетней практике подобные случаи вообще не встречались! — Подвергались ли вы судебным наказаниям?

— Да, — сознался я, — семнадцать раз. За оскорбление личности, за дуэль, за распространение непристойной литературы… — А кроме того, за все проступки, в которых я сейчас обвиняюсь.

— Значит, рецидивист! — подчеркнул он. — И вы все еще, невидимому, не хотите утихомириться?

— Я всегда был невиновен! — пролепетал я.

— Всегда невиновен!.. — издевался судья. — Воображаю… — А теперь, сознаетесь вы в содеянных проступках? Или хотите, чтоб я выслушал свидетелей?

Тут меня взорвало:

— Мне решительно все равно, оставьте меня в покое! Я покойник, а вы дурак, и все ваши свидетели тоже дураки!..

Председатель чуть не задохнулся; но прежде, чем он раскрыл рот, поднялся прокурор:

— Я предлагаю, в виду несомненного расстройства душевного состояния обвиняемого, заключить его на шесть недель в уездный дом для умалишенных!

Тогда вперед поспешно вышел советник медицины, директор упомянутого учреждения, и заявил:

— Уездное богоугодное заведение при существующих обстоятельствах вынуждено отклонить заключение обвиняемого на шестинедельный срок; я вообще не могу взять на себя ручательства… что он этот срок выдержит!..

Наступила небольшая пауза; один из шеффенов спросил:

— Да — но что же нам с ним делать?

— Мы подвергнем его денежному взысканию! — сказал судья.

— Это вам не поможет, — заметил я, — я умер, и так же мало располагаю деньгами, как и при жизни. Последнюю свою наличность я израсходовал на достойное человека погребение!

Начальник Красных Самокатчиков отвесил мне поклон.

— В таком случае, в виду его несостоятельности, его нужно посадить в тюрьму! — вставил прокурор.

— Но тюремное управление так же не примет покойника, как и богоугодное заведение. — заметил судья. Он был в полном отчаянии.

Я уже готов был торжествовать, как вдруг вперед вылез велеречивый пастор.

— Позвольте мне. господа, внести скромное предложение, — проговорил он. — Я думаю, лучше всего будет, если мы возьмем труп господина обвиняемого… и предадим его христианскому погребению…

— Я не хочу быть погребенным но христиански! — дико завопил я.

Но пастор не обращал на меня внимания.

— Стало быть, по-христиански, и как доброго гражданина, — продолжал он. — Я полагаю, что таким манером мы явим всем благомыслящим людям милость и достоинство суда в правильном свете, а с другой стороны это подействует, как наказание на заблуждающийся, к сожалению, дух господина обвиняемого. Кроме того, мы получим, я думаю, гарантию, что покойник. преданный земле таким способом, впредь будет вести себя тихо и смирно, и таким образам не подаст больше повода властям предержащим к дальнейшему вмешательству…

— Очень хорошо! Очень хорошо! — кивал господни председатель. Закивал прокурор, закивали оба шеффена — все кивали.

Я кричал, бесновался. в отчаянии обращался к господину обер-самокатчику. Но он нажимал плечами.

— Мне очень жаль, — сказал он, но нам заплачено только за два часа, и они уже истекли. Красные Самокатчики устраивают все — это наш первейший деловой принцип— но только за плату!

Никто не пожалел меня.

Я сопротивлялся, сколько мог, но меня скоро одолели. Меня положили в черный гроб и понесли вон. И пастор держал надо мною — бесплатно — надгробную речь. Я не знаю, что он именно говорил, я заткнул себе уши…

Грубая сила победила… Чти толку мне от того, что я трижды переворачиваюсь в гробу, когда мимо проходит прокурор или судья?..

……..

ЧЕТВЕРО СПРАВЕДЛИВЫХ

Серия рассказов Эд. Уоллеса

ОЧЕРК 1.

Человек, который жил в Клэпгэме.

I

«СУД присяжных не может принять во внимание совершенно необоснованное предположение, выдвинутое обвиняемым только в зале суда, что мистер Ноа Стедлэнд — шантажист, получивший путем вымогательства крупную сумму денег от подсудимого. Этот способ оправдания мог быть внушен перекрестным допросом. Защита не могла

сказать нам, к какого рода угрозам прибегал Стедлэнд».

Дело казалось совершенно ясным, и присяжные, даже не удаляясь для совещания, вынесли приговор — «виновен».

На местах для публики послышалось перешептывание и движенье, в то время как судья надел пепснэ и начал писать.

Подсудимый повернулся в сторону публики и с ободряющей улыбкой взглянул на обращенное к нему бледное, осунувшееся лицо молодой женщины.

Судья продолжал усердно писать. Подсудимый терпеливо ожидал конца дела; ему хотелось уйти из залы суда, не видеть этих равнодушно-любопытных лиц, невозмутимых судей, а главное — этих двух мужчин, сидящих около скамьи защиты и все время зорко наблюдающих за ним.

Интересно знать, кто они и какое отношение имеют к делу? Может-быть, это иностранные корреспонденты, собирающие интересный материал? Они имеют вид иностранцев. Один из них очень высокого роста — подсудимый видел его, когда он вставал; другой, тонкий и стройный, кажется почти юношей, хотя волосы у него седые. Оба гладко выбриты, одеты в черное, а на коленях держат черные мягкие шляпы с широкими полями.

Судья кашлянул, и подсудимый снова обернулся к нему.

— Джефри Стор, — начал судья, — я вполне согласен с приговором суда. Ваше заявление, что Стедлэнд захватил ваши сбережении и что вы, приняв на себя функции правосудия, проникли в его дом с целью вернуть свои деньги и документ, характер которого вы не определили, — ни один суд присяжных не будет рассматривать серьезно. Похоже на то, что вы начитались об этой знаменитой или, вернее, гнусной ассоциации, известной под именем «Четверо Справедливых», которая существовала несколько лет тому назад, но теперь, к счастью, рассеялась. Эти люди поставили себе целью наказывать преступников в тех случаях, когда правосудие оказывается несостоятельным. Это предположение, допускающее несостоятельность правосудия, чудовищно! Вы совершили очень серьезное преступление, а заряженный револьвер, найденный у вас в момент ареста, усугубляет вашу вину. Суд приговаривает вас к семи годам каторжных работ.

Джефри Сюр поклонился и, бросив взгляд в сторону молодой женщины, спустился по ступенькам и вышел.

Два человека, похожие на иностранцев, первыми вышли из залы суда.

Очутившись на улице, высокий остановился.

— Я думаю мы подождем здесь эту даму— сказал он.

— Это его жена? — спросил другой.

— Они поженились за неделю до этого печального случая. — ответил высокий.

— А это было забавное совпадение, когда судья упомянул о четырех справедливых.

Его товарищ улыбнулся.

— В этой самой зале суда вы были приговорены к смерти, Манфред. — сказал он, — и человек, которого звали Манфредом, утвердительно кивнул головой.

— Удивляюсь, как старик-сторож не узнал меня, — он известен поразительной памятью на лица. Очевидно, исчезнувшая борода совершила чудо: я даже обратился к нему с каким-то вопросом… А вот и она!

Молодая женщина была одна. «Красивое лицо», подумал Гонзалес, младший из двух «справедливых». Она шла с высоко поднятой головой, и на лице ее не заметно было и следа слез. Пройдя Ньюгэт-Стрит, она повернула к Гэттон Гарден, и тут Манфред заговорил с ней.

— Простите меня, мистрис Стор, — начал он.

Она обернулась и бросила на него подозрительный взгляд.

— Если вы — репортер….. — проговорила она.

— О нет, я не репортер, — улыбнулся Манфред; — но, к сожалению, я и не друг вашего мужа, как я собирался было сказать вам, чтобы чем-нибудь извинить свою назойливость.

Его искренность заинтересовала ее.

— У меня нет никакого желания говорить о несчастья, которое стряслось над моим бедным Джефри, — сказала опа.

Манфред кивнул головой.

— Я понимаю, — сказал он сочувственно — но я хотел бы быть другом вашею мужа, и, может-быть, мне удастся помочь ему. История, которую он рассказал в зале, суда, совершенно правдива, вы думаете также, не правда ли, Леон?

Гонзалес кивнул утвердительно.

— Несомненно, правдива, — ответил он — я обратил особенное внимание на его веки. Если человек лжет, он мигает каждый раз, когда ему приходится повторять свою ложь. Вы заметили, дорогой друг, что мужчины не могут лгать, если руки их сжаты, тогда как женщины лгут всегда с крепко сжатыми руками?

Она с недоумением взглянула на Гонзалеса.

Она была отнюдь не настроена выслушивать лекцию по физиономике и психологии жеста, даже если бы ей было известно, что Леон Гонзалес — автор трех больших сочинений, которые можно смело поставить на одну доску с лучшими творениями Ломброзо и Мантегацца.

— Дело в том, мистрисс Стор, — сказал Манфред, приходя ей на выручку, — что мы считаем вполне возможным освободить вашего мужа и доказать его невиновность. Но нам нужны факты, на которые мы могли бы опереться.

Поколебавшись с минуту, она предложила им зайти к ней.

— Я живу на Грэй-Пи-Род, мы нанимаем гам меблированную квартиру, — сказала она, может-быть, вы будете настолько любезны, что зайдете ко мне. Мой адвокат не советует мне обжаловать приговора, — продолжала она, когда они зашагали по обеим сторонам ее.

Манфред покачал головой.

— Апелляционная палата оставит жалобу без последствий, — сказал он спокойно, — с. теми данными, которыми вы располагаете, нет никакой надежды освободить вашего супруга.

Она испуганно повернулась к нему, и он заметил, что она близка к слезам.

— Я думала… вы говорили… — начала она надорванным голосом.

Манфред кивнул головой.

— Мы знаем Стедлэнда, — сказал он, — и…

— Любопытно, что у шантажистов затылочный бугорок почти не заметен, — перебил Гонзалес, — я освидетельствовал шестьдесят две

головы в испанских тюрьмах и убедился, что он представляет незначительное костяное возвышение, тогда как на головах убийц затылочный бугорок достигает размеров голубиного яйца.

— Мой друг обладает большими познаниями в области строения человеческих голов, — улыбаясь, пояснил Манфред. — да, мы знаем Стедлэнда. Время от времени до нас доходили слухи об его операциях. Вы помните случай в Веллингфорде, Леон?

Гонзалес кивнул головой.

— Значит, вы — сыщики? — спросила молодая женщина.

Манфред рассмеялся.

— Нет, мы не сыщики, мы только интересуемся преступлениями. Я думаю, мы обладаем самым полным списком неуличенных преступников во всем мире

II.

Некоторое время они шли молча.

— Стедлэнд, несомненно, дурной человек, — заявил Гонзалес, как будто бы это убеждение неожиданно созрело в нем, — обратили вы внимание на его уши? Они необыкновенно длинные, с заостренными наружными краями: этот кончик называется Дарвиновским бугорком, Манфред. И вы заметили, дорогой мой друг, что его ушная раковина разделяется на две отдельные полости, а мочка кажется прилепленной? Настоящее ухо преступника. Этот человек совершил убийство. Невозможно иметь такие уши и не стать убийцей…

Квартира, куда они вошли, была маленькая и бедно обставленная. Окинув взглядом крошечную столовую, Манфред заметил все необходимые атрибуты гак называемой «меблированной» квартиры.

Мистрисс Стор села к столу и пригласила сесть обоих мужчин.

— Я знаю, что буду болтливой, — сказала она, слабо улыбнувшись, — но я чувствую, что вы, действительно, хотите помочь мне, и мне почему-то кажется, что вы можете это сделать. Я не могу сказать, что полиция отнеслась недобросовестно или несправедливо ко мне и к бедному Джефу. Напротив, они нас очень ободряли. Мне кажется, что они подозревали Стедлэнда в шантаже и надеялись получить недостающие улики. Но улик не оказалось. Теперь, скажите мне, что я должна рассказать вам?

— То, о чем не говорилось в суде, — ответил Манфред.

С минуту она сидела молча.

— Я расскажу вам, — сказала она наконец. — Только защитник моего мужа знает об этом, но мне показалось, что он скептически отнесся к моим словам. А если он не поверил мне, — воскликнула она в отчаяньи — то как я могу надеяться убедить вас?

Горячие глаза Гонзалеса впились в нее, когда он ответил:

— Мы уже убеждены, мистрисс Стор.

А Манфред утвердительно кивнул головой.

III.

Снова наступила пауза. Видимо ей было трудно начать рассказ, который, как угадывал Манфред, мог ее отчасти скомпрометировать.

— Когда я была девочкой, — начала она, — я училась в школе в Суссексе; это была большая школа, я думаю, там училось около двухсот девочек. Я не буду оправдывать своих поступков, — продолжала она быстро — я влюбилась в одного мальчика. Он служил у мясника. Это ужасно, не правда ли? Но я была еще совсем ребенком, и очень впечатлительным. Мы встречались с ним в саду; я прибегала туда после уроков, а он перелезал через забор, чтобы попасть на эти свидания, и мы болтали с ним без конца, иногда целые часы. Это был обыкновенный флирт мальчика и девочки, и я совершенно не могу объяснить, почему я делала такие глупости.

— Мантегацца очень просто объясняет это дело в своем сочинении о влечении. — пробормотал Леон Гонзалес, — Но простите, я перебил вас…

— Как я уже сказала, это была просто дружба между мальчиком и девочкой; я относилась к нему, как к герою, и боготворила его, потому что он казался мне великолепным. Вероятно, он был лучшим из всех мальчиков, служащих у мясников — улыбнулась она — он никогда не обидел меня ни одним словом. Дружба наша прекратилась месяца через два, и тем дело и кончилось бы, если бы я не написала ему несколько писем. Сознаюсь, это была величайшая глупость с моей стороны. Письма были очень обыкновенными глупыми любовными записками, и совершенно невинными, по крайней мере, тогда они казались мне такими. Теперь они снова попали ко мне и при чтении их я прямо испугалась своей опрометчивости.

— Так, значит, они у вас? — спросил Манфред.

Она покачала головой.

— Когда я говорила «их», я подразумевала, собственно, одно письмо, и

у меня есть только копия его, переданная мне мистером Стедлэндом. Это единственное письмо, которое не было уничтожено и попало в руки матери мальчика: она отнесла его начальнице школы, и вышел крупный скандал. Начальница пригрозила мне написать моим родителям, жившим в Индии, и только, когда я дала клятвенное обещание прекратить знакомство с мальчиком, это дело замяли. Каким образом письмо попало к Стедлэнду, я не имею представления; я услыхала об этом человеке за неделю до моей свадьбы. Джеф скопил около двух тысяч фунтов, и мы уже назначили день свадьбы, когда над нами разразилась беда. Я получила письмо от совершенно неизвестного мне человека, в котором он просил меня зайти к нему в контору. Так произошла моя первая встреча с этим негодяем. Я захватила с собой его письмо и отправилась к нему отчасти из любопытства, недоумевая, зачем я ему понадобилась. Но недоумение мое вскоре рассеялось. У него небольшая контора на Риджент Стрит. Взяв у меня письмо, которым он вызывал меня в контору, он объяснил точно и ясно, что ему нужно от меня.

Манфред кивнул головой.

— Он хотел продать вам то письмо, — сказал оп, — за сколько?

— За две тысячи фунтов. Это был дьявольский план, — с негодованием воскликнула она, — он знал с точностью до одного пенни, сколько денег скопил Джеф.

— Он показал вам письмо?

Она покачала головой.

— Нет, но он показал мне снимок с него, и когда я прочла его и поняла, что можно придумать на основании этой в сущности совершенно невинной записки, кровь застыла у меня в жилах. Ничего не оставалось делать, как рассказать обо всем Джефу, потому что этот негодяй грозил разослать копии всем нашим друзьям и дяде Джефа, который назначил Джефри своим единственным наследником. К счастью, я уже раньше говорила Джефри о том, что случилось со мной в школе, так что мне нечего было опасаться его подозрений. Джефри отправился к Стедлэнду, и между ними произошла бурная сцена; дело дошло до драки, и бедному Джефу пришлось худо, потому что Стедлэнд, несмотря на свой возраст, сильный мужчина. Кончилось тем, что Джефри согласился купить письмо за две тысячи фунтов с тем условием, чтобы Стедлэнд написал расписку на оборотной стороне письма. Для нас это означало потерю всех сбережений и возможную отсрочку свадьбы, но другого выхода не было. Мистер Стедлэнд живет в большом доме около Клепгэма…

— Номер 184. Парк Вью Вест, — перебил Манфред.

— Вы знаете? — удивилась она — Так вот туда-то и отправился Джефри, чтобы закончить сделку. Стедлэнд живет один со слугой. Он сам открыл Джефри дверь и провел его в свой рабочий кабинет, находящийся в первом этаже. Мой муж, убедившись в бесполезности споров, заплатил все деньги американскими банкнотами, как было предписано Стедлэндом.

— Их труднее подделать, — вставил Манфред.

— Получив деньги, Стедлэнд достал письмо, написал расписку на обратной стороне, положил его в конверт и передал моему мужу. Когда Джефри вернулся домой и распечатал конверт, он нашел там только лист чистой бумаги.

— Он подменил письмо. — сказал Мен-Фред.

— То же говорил и Джефри. Тогда-то Джеф и решил совершить это безумное дело. Вы слышали о «Четырех справедливых»?

— Я слышал о них, — ответил Манфред серьезно.

— Мой муж преклоняется перед этими людьми, — сказала она. — я думаю, он читает все, это пишут о них. Мы все же обвенчались. Я настояла на том, чтобы мы поженились, как только выяснилось наше положение. И вот на второй день Джеф приходит ко мне.

— Грэс, — говорит он, я думаю применить метод «Четырех» к этому дьяволу Стедлэнду.

И он рассказал мне свой план. Очевидно, он наблюдал за домом Стедлэнда и узнал, что этот человек остается один со слугой на всю ночь. Бедняжка Джеф, он оказался очень посредственным грабителем! Вы сами слышали сегодня, как ему удалось проникнуть в комнату Стедлэнда. Кажется, он надеялся испугать этого человека своим револьвером.

Манфред покачал головой.

— Стедлэнд научился стрельбе еще в Южной Африке, — сказал он. — это лучший стрелок, которого я знаю. Разумеется, он накрыл вашего супруга, прежде чем тот успел полезть в карман за револьвером.

— Да, — согласилась она, — Ну, вот и вся история. Если вы можете помочь Джефу, я буду молиться за вас всю свою жизнь.

Манфред медленно поднялся.

— Это была безумная попытка. — сказал он, — прежде всего, Стедлэнд не стал бы дерзать компрометирующий его документ у себя дома, где он не бывает шесть часов в день. Возможно даже, что письмо уничтожено, хотя это и кажется мне сомнительным. Он удержал его, чтобы впоследствии еще раз воспользоваться им. Шантажисты— прекрасные психологи, и Стедлэнд уверен, что этим письмом ему удастся еще раз выманить у вас деньги. Но если только это письмо существует…

— Если оно существует….. — повторила она; у нее начиналась реакция и губы ее дрожали.

— Я вручу его вам не позднее, чем через неделю, — сказал Манфред, прощаясь с ней.

IV

Мистер Ноа Стедлэнд вышел из зала суда, не получив особого удовлетворения за исключением того, что вышел оттуда через общие двери и без полицейскою конвоя. Он был не трус, но очень впечатлительный человек, и ему казалось, что тщательно подобранные слова судьи скорее в своем тоне, чем в содержании, выражали замаскированное порицание ему. Но ему нечего было беспокоиться. Он был человеком состоятельным, и состояние свое приобрел по крохам — иногда эти крохи были довольно значительными, — отнюдь не руководствуясь в своих делах такими отвлеченными понятиями, как совесть или раскаяние. Жизнь казалась этому высокому широкоплечему человеку игрою, и Джефри Стор, к которому он не питал никакой неприязни, был только проигравшим игроком.

Он вошел в свой дом, запер дверь и поднялся по лестнице, покрытой потертым ковром, в рабочий кабинет. Комната тонула в полумраке. Казалось, ее наполняли тени его жертв, но мистер Стедлэнд не верил в духов. Он дотронулся пальцем до стола из красною дерева, обнаружил на нем пыль и выругал про себя свою поденную прислугу.

Вытянувшись в кресле, с толстой сигарой в зубах, он попытался проанализировать странное ощущение, испытанное им в суде. Поведение судьи и защиты, недоброжелательное отношение к нему со стороны публики, судьба подсудимого и бледное лицо женщины не могли нарушить его душевною равновесия. И, однако, у него было такое чувство, как будто бы кто-то стоит сзади и наблюдает за ним.

Его размышления были прерваны звонком: он спустился вниз и открыл парадную дверь. За дверью стоял его помощник и слуга, выполняющий все его поручения, и смотрел на него виновато улыбаясь

— Входите, Джон, — сказал Стедлэнд, запирая за ним дверь, — спуститесь в погреб и принесите мне бутылку виски.

— Как вам понравилось мое показание, хозяин? — спросил тот заискивающе.

— Никуда не годилось, — буркнул Стедлэнд, — почему вам пришло в

голову сказать, будто вы слышали, как я звал на помощь?

— Я думал, что так будет хуже для него, хозяин, — ответил смиренно Дисон.

— Вздор, — проворчал мистер Стедлэнд, — неужели вы думаете, что я стал бы звать на помощь такого болвана, как вы? Нечего сказать, много от вас толку! Несите виски!

Когда Джон вернулся с бутылкой и сифоном, мистер Стедлэнд угрюмо смотрел в окно, выходящее в маленький запущенный садик, упиравшийся в высокую стену. За стеной виднелось незаконченное строение, предназначавшееся для небольшого завода по выделке артиллерийских снарядов. Это строение было бельмом на глазу мистера Стедлэнда с тех пор, как он купил этот участок земли. Оно портило вид из окна.

— Джон, — сказал он. неожиданно оборачиваясь. — был ли на суде кто-нибудь из наших недоброжелателей.

— Нет, мистер Стедлэнд, — отвечал тот с изумлением. — я никого не видел. А если бы даже и был, так какое нам дело? Я думаю, мы можем справиться с любым.

— Сколько времени мы работаем вместе? — спросил Стедлэнд, наливая себе виски.

Лицо Джона скривилось в заискивающую улыбку.

— Уже порядочно, мистер Стедлэнд, — ответил он.

Стедлэнд отпил глоток виски и снова выглянул в окно.

— Да. — сказал он. — мы с вами давно работаем вместе. За это время вы бы уже почти отбыли свой срок, если бы я сказал полиции семь лет тому назад все, что о вас знаю.

Джона всего передернуло… Если бы он смел, он мог бы ответить, что Стедлэнд заменил ему семь лет каторжных работ пожизненным рабством.

— Не будет никаких поручений в банк, сэр? — спросил он.

— Не валяйте дурака, — сказал Стедлэнд — банк закрывается в три часа. Послушайте, Джон, с сегодняшнего дня вы будете спать в кухне.

— В кухне, сэр? — удивился Джон.

Стедлэнд утвердительно кивнул головой.

— Я не желаю подвергать себя риску ночных посещений, — сказал он: — парень напал на меня прежде, чем я успел опомниться. и не окажись у меня оружия под рукой, мне пришлось бы скверно. Кухня — это единственный путь, которым можно проникнуть в дом снаружи, а меня мучит странное предчувствие, как будто что-то должно случиться.

— Но ведь он же в тюрьме?

— Я говорю не о нем, — проворчал Стедлэнд. — Перенесите свою

постель в кухню. Поняли?

— Но там немного сквозит, — начал было Джон.

— Я вам говорю — перенесите постель в кухню! — зарычал Стедлэнд.

— Слушаю, сэр. — ответил Джон.

Оставшись один, Стедлэнд открыл несгораемый шкап и достал оттуда книгу. Это была расчетная книга из банка, и мистер Стедлэнд перелистывал ее с видимым удовольствием. Он мечтал купить рэнч в Южной Америке и зажить тихой спокойной жизнью. Двенадцать лет напряженной работы в Лондоне сделали его сравнительно богатым человеком. Он вел свои темные дела осторожно и терпеливо, с ловкостью опытного дельца, и в частном банке сэра Вильяма Мальбэри и К-о он был самым крупным вкладчиком. Банк Мальбэри пользовался хорошей репутацией в Сити и умел окружать дела своих клиэнтов некоторой таинственностью, что особенно прельстило Стедлэнда.

V.

Вечер и ночь прошли без всяких инцидентов. Утром Джон принес своему хозяину чай и начал жаловаться на холод и сквозняк в кухне.

— Возьмите еще одно одеяло. — оборвал его Стедлэнд.

После завтрака он ушел в свою контору в Сити, оставив мистера Джона наблюдать за поденщицей и внушать ей, как хорошо оплачивается ее работа, сколько безработных имеется на рынке и какие последствия ей грозят, если она не вытрет пыль в кабинете мистера Стедлэнда.

В одиннадцать часов утра явился почтенный. уже немолодой господин в шелковой шляпе и мистер Джон принял его на пороге.

— Я пришел из конторы сейфов, — заявил посетитель.

— В чем дело? — спросил подозрительно мистер Джон.

— Мы хотели узнать, не оставили ли вы в прошлый раз своих ключей.

Джон покачал головой.

— Мы не имеем никакого дела с конторой сейфов, а мой хозяин никогда не забывает ключей.

И Джон захлопнул дверь перед самым носом посетителя.

Очутившись на улице, незнакомец подошел к ожидавшему его на углу господину.

— Они ничего не знают о конторе сейфов, Манфред, — сказал он.

— Я так и предполагал — ответил тот. — Собственно говоря, я был почти уверен, что он держит все свои бумаги в банке. Вы видели этого

Джона?

— Да, — сказал задумчиво Гонзалес, — интересное лицо. Подбородок слабо выражен, но уши вполне нормальные. Лобные кости скошены назад, череп оксицефала, насколько я мог заметить.

— Бедный Джон! — воскликнул серьезно Манфред, — а теперь, Леон, мы должны обратить все свое внимание на погоду. Из Бискайского залива идет антициклон, его действие уже чувствуется в Истбурне. Если он пойдет на север к Лондону, через три дня у нас будут хорошие новости для мистрисс Стор.

— Я полагаю, — заметил Гонзалес, когда они возвращались к себе на Джерман Стрит — что нет никакой возможности застигнуть врасплох этого пария.

Манфред покачал головой.

— Я не хочу умирать, — сказал он, — а Ноа Стедлэнд стреляет очень метко.

Предсказание Манфреда сбылось: через два дня антициклон достиг Лондона, и город окутался желтоватым туманом. Можно было рассчитывать, что туман не рассеется до ночи, и Манфред был вполне удовлетворен.

Небольшая контора мистера Стедлэнда на Риджонт Стрит была комфортабельно обставлена. На стеклянной двери висела дощечка с его фамилией. Он занимался ростовщичеством и считал это очень выгодным делом, так как Стедлэнд-шантажист эксплоатировал клиентов Стедлэнда-ростовщика, и нередко случалось, что Стедлэнд-ростовщик ссужал под залог деньгами, предназначенными для Стедлэнда-шантажиста. Таким образом он мог сорвать двойной куш с жертвы.

В этот день в половине второго его клерк доложил о приходе посетителя.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина, сэр. Я думаю, он пришел из банка Мальбэри, — ответил клерк.

— Вы его знаете? — спросил Стедлэид.

— Нет, сер, но он приходил, когда вас не было, и спрашивал, получили ли вы баланс счетов из банка.

Мистер Стедлэнд взял сигару из ящика, стоящего на столе, и зажег ее.

— Просите его, — сказал он, ожидая получить неоплаченный чек от одного из своих клиентов.

Посетитель был, видимо, в сильном возбуждении. Он запер за собой дверь и остановился, щерено вертя в руках свою шляпу.

— Садитесь, — сказал Стедлэид, — пожалуйста, возьмите сигару, мистер…

— Куртис, сэр, — подсказал тот хриплым голосом. — Благодарю вас, сэр, я не курю.

— Чем могу служить? — спросил Стедлэпд.

— Я хотел посоветываться с вами, сэр, по поводу одного дела, носящего частный характер. — Он с опаской посмотрел на стеклянную перегородку, отделяющую контору мистера Стедлэнда от небольшого помещения, где работали его клерки.

— Не беспокойтесь, — заметил Стедлэпд: — я ручалось, что за перегородкой ничего не будет слышно. В чем дело?

Он предчувствовал, что банковский чиновник попал в затруднительное положение и рассчитывал извлечь из этого дела некоторую пользу.

— Не знаю, право, с чего начать, мистер Стедлэнд, — сказал тот, присаживаясь на копчик стула. Лицо его нервно подергивалось, — Это ужасная история.

VI.

Стедлэнд на своем веку слышал не мало этих ужасных историй; иногда все дело заключалось в том, что его посетителю угрожал судебный пристав, и следовало принять меры, чтобы это не дошло до сведения его патронов; бывали дела и посерьезнее, в роде крупного проигрыша и необходимости немедленно покрыть истраченную сумму.

— Продолжайте, — сказал Стедлэпд — меня вы ничем ни удивите.

Однако это заявление оказалось несколько преждевременным.

— Собственно говоря, дело касается не меня, а моего брата, Джона Куртиса, сэр, который двадцать лет служил кассиром, — начал посетитель. — я не имел никакою представления о том, что он находится в затруднительном положении; оказывается, он играл на бирже. Только сегодня он сообщил мне ужасную новость. Я страшно беспокоюсь за него, сэр: я боюсь, что он покончит с собой, это такой нервный субъект.

— Что он сделал? — перебил с нетерпением Стедлэнд.

— Он ограбил банк, сэр, — сказал Куртис, понизив голос. — Случись это два года тому назад, я бы еще не так беспокоился, но теперь, когда дела банка пошатнулись, я с ужасом думаю о том, что из этого выйдет.

— На какую сумму он ограбил банк? — быстро спросил Стедлэнд.

— На сто пятьдесят тысяч фунтов. — последовал потрясающий ответ.

Стедлэнд вскочил со стула.

— Сто пятьдесят тысяч фунтов? — переспросил он недоверчиво.

— Да, сэр. Я надеялся, что, может-быть, вы согласились бы походатайствовать за него: вы — один из наиболее уважаемых клиэнтов банка.

— Походатайствовать за него! — повторил Стедлэнд и внезапно почувствовал, что покрывается холодным потом. Он быстро сообразил, чем угрожает ему создавшееся положение. Он взглянул на часы — было без четверти три.

— Кто-нибудь в банке знает об этом деле?

— Нет еще, сэр. Но до закрытия банка я попрошу директора принять меня и расскажу ему обо всем.

— Вы собираетесь итти в банк? — спросил Стедлэнд.

— Да, сэр.

— Выслушайте меня, друг мой.

Лицо Стедлэнда приняло напряженное, непроницаемое выражение. Он вынул из кармана чековую книжку и вырвал оттуда два листка.

— Здесь два чека на пятьдесят фунтов. — сказал он, берите их к идите домой.

— Но я должен вернуться в банк, сэр. Они будут удивляться…

— Не думайте об этом, — сказал Стедлэнд — у вас будет хорошее объяснение, когда правда обнаружится. Сделаете вы это или нет?

Куртис нерешительно взял деньги.

— Я не совсем понимаю… — начал он.

— Вам нечего понимать — не выдержал Стедлэнд — Ваше дело — молчать и убираться. Ясно?

— Да. сэр, — сказал испуганный Куртис.

Пять минут спустя Стедлэнд входил в банк Мальбэри. Знакомый Стедлэнду кассир с улыбкой подошел к нему.

— Бедняжки не предчувствуют грозящей им беды, — пробормотал про себя Стедлэид. Он протянул кассиру лист бумаги, и тот, взглянув на него, с удивлением поднял брови.

— По ведь это же почти весь ваш баланс, мистер Стедлэнд! — воскликнул он.

Стедлэнд кивнул головой.

— Да, — сказал он, — я неожиданно уезжаю за границу, вероятно, года на два. Я оставлю достаточно для того, чтобы не закрывать счет.

Банк Мальбэри никогда не вступал в пререкания в подобных случаях.

— Вам, вероятно, понадобится ваша шкатулка? — вежливо спросил

кассир.

— Да, пожалуйста, — ответил мистер Ноа Стедлэнд. У него не было никакого желания, чтобы его железная шкатулка, сданная им на хранение в банк, попала в руки любопытных в том случае, если банк лопнет.

Через десять минут мистер Стедлэнд со ста тысячами фунтов в кармане и железной шкатулкой под мышкой был уже на улице и нанимал кэб. Когда он приехал в Кленгэм, туман почти рассеялся, и выглянуло солнце.

Он прошел прямо в свой рабочий кабинет, запер дверь и открыл небольшую несгораемую кассу. Спрятав туда шкатулку и две толстые пачки банковых билетов, он запер ее на ключ и позвал верного Джона.

— Есть у пас переносная кровать? — «просил оп.

— Да, сэр — ответил Джон.

— Хорошо; принесите ее сюда. Сегодня я буду спать в своем кабинете.

— Что-нибудь неладно, сэр?

— Не задавайте глупых вопросов и делайте, что приказано.

Он решил подыскать на следующий день более безопасное хранилище для своих сокровищ. Остаток вечера он провел в своем кабинете, а на ночь положил у изголовья кровати заряженный револьвер. Стедлэнд намеревался не спать эту ночь, но незаметно задремал. Внезапно его разбудил какой-то шум, доносившийся с улицы. Вскочив на ноги, он начал прислушиваться и постепенно различил среди гула голосов и звона колокольчиков характерный шум пожарных машин. В комнате чувствовался запах гари, а по потолку пробегали отблески зарева. Подбежав к окну, он увидел охваченное пламенем здание недостроенного завода. На лице Стедлэнда появилась довольная улыбка: этот пожар был очень кстати. Наконец-то уничтожат этот завод.

Из передней послышались голоса. Стедлэнд различил голос Джона, открыл дверь и вышел на площадку. Лестница была освещена. Свесившись над перилами, он увидел дрожащего Джона, закутанного в пальто поверх пижамы, объясняющегося с пожарным в блестящей каске.

— Я ничего не могу поделать, — кричал пожарный, — мне приказано провести рукав через один из соседних домов, ваш дом ближе к заводу.

Мистеру Стедлэнду совсем не улыбалось, чтобы пожарный рукав провели через его дом, и он решил уладить дело.

— Поднимитесь ко мне на минутку, любезный, — крикнул он пожарному, — нам надо кое о чем поговорить.

Пожарный, стуча сапогами, взбежал по лестнице.

— Мне очень жаль, но приказано провести рукав… — начал он.

— Подождите минутку, дружище, — сказал, улыбаясь, мистер Стедлэид. — Я думаю, мы с вами сговоримся. Тут по соседству немало домов, а пожарный рукав у вас длинный, не так ли? Входите-ка сюда…

Стедлэид вернулся в кабинет; пожарный последовал за ним и молча следил за его движениями, пока тот открывал шкаф.

— Все обошлось проще, чем я думал. — сказал он наконец.

Стедлэнд быстро обернулся.

— Руки вверх. — скомандовал пожарный — и не вздумайте сопротивляться, а не то плохо будет, мистер Ноа.

— Руки вверх. — скомандовал пожарный — и не вздумайте сопротивляться, а не то плохо будет, мистер Ноа.

И тогда Ноа Стедлэнд заметил черную маску под блестящей каской пожарного.

— Кто… Кто вы такой? — спросил он хриплым голосом.

— Я — одни из «Четырех справедливых». Нас похоронили преждевременно. Мнимая смерть — лучшая защита от всех бедствий.

VII.

В девять часов утра мистер Ноа Стедлэнд все еще сидел у стола,

мрачно грызя ногти; перед ним стоял нетронутый остывший завтрак.

Внезапно в комнату вошел печальный вестник несчастья, мистер Джон, в сопровождении главного инспектора полиции Галлоуэя и его помощника.

— Не желаете ли прогуляться со мною, Стедлэнд? — спросил весело инспектор и Стедлэнд тяжело поднялся со стула.

— В чем меня обвиняют? — спросил он. с трудом выговаривая слова.

— В шантаже, — ответил инспектор. — У нас достаточно улик, чтобы повесить вас. И дело Стора будет пересмотрено заново. Кто выдал вас?

Стедлэнд не ответил. Последние слова Манфреда перед тем, как он скрылся в туманной улице, все еще звучали в его ушах:

— Если бы мы желали убить вас, Ноа Стедлэпд, человек, назвавший себя Куртисом, мог сделать это даже сегодня. Для нас это убийство было бы так же просто, как поджог завода. А если вы скажете полиции о «Четырех справедливых», вы будете убиты, хотя бы целый полк солдат защищал вас.

И мистер Стедлэнд узнал, что враг его не лжет. Он молчал во время ареста, молчал и на суде, и молча выслушал приговор суда, присуждающий его к каторжным работам.

……..

ОПЫТ ДОКТОРА ДЕЖЕНЭ

Рассказ доктора Бресселя

I

ДА, — СКАЗАЛ мне Верен, — этот конгресс гигиэнистов в Александрин можно считать удачным; и возвратился оттуда совсем не переутомленным, унося с собой самое приятное воспоминание о своей поездке. К тому же вы знаете мое отношение к конгрессам: я присутствовал только при открытии, выслушал все речи, а остальное время бродил по нижним кварталам Александрии, которые, я знаю прекрасно… Кстати, угадайте, кого я там встретил. Готов держать пари, что не угадаете. Я встретил Мореля.

— Как — воскликнул я, — доктора Мореля! Вашего друга Мореля, который исчез два или три года тому назад чуть ли не на следующий день после того, как он открыл свой кабинет на площади Вож. Насколько я могу припомнить, об этом много говорили, по никто не знал, почему он уехал так внезапно… Конечно, тут, как всегда в таких случаях, была замешана какая-нибудь женщина, не правда ли?

— Нет, дорогой мой, — ответил Верен — женщины тут не при чем, по крайней мере, поскольку это касается его. У вас есть время? Зайдем ко мне; я передам вам все, что слышал от него.

———

— 21 мая, — начал рассказ Верен, — исполнится ровно три года с того дня, как Морель явился в полицейский участок на бульваре Бомарше. Его

привели к комиссару.

«— Вы видите перед собой доктора Мореля. — сказал он. — Пять дней тому назад я снова открыл на углу улицы Миним и площади Вож кабинет, принадлежавший доктору Деженэ, который несколько лет тому назад прекратил практику. Я пришел сообщить о большом недоразумении, случившемся со мной, и должен признаться вам, что подлежу ответственности перед судом. Однако, вина лежит всецело на моем предшественнике, как вы сами сейчас увидите.

Уже в течение целого года я искал места; мои средства не позволяли мне купить практику, а вы знаете, как рискованно молодому врачу начинать свою карьеру в Париже, не имея ничего за душой, кроме знания и доброй воли. Кроме того, — предстоящая помолвка удерживала меня в Париже. Один из моих друзей, которому были известны мои плавы, познакомил меня с доктором Деженэ. Доктор Деженэ, как я уже имел честь вам сказать, бросил практику несколько лет тому назад; однако, у него сохранились дружеские отношения с жителями этого квартала, и он охотно согласился ввести меня в знакомые ему семьи. У него были хорошие средства, и, не желая жить в самом центре, он уступал мне свой кабинет, не требуя от меня никакой компенсации, а сам думал переехать на бульвар Брюн в более скромное помещение. Для меня это предложение было как раз кстати, и вы можете себе представить, с каким удовольствием я заключил с ним условие. Мой коллега и предшественник передал мне квартиру и, пожимая мне на прощание руку, сказал немного торжественно:

— Через несколько дней я навещу вас, мой молодой друг. Вы будете мне за это благодарны впоследствии.

В течение первых трех дней я устраивался на новом месте; я расставлял свою скромную мебель с помощью горничной, которая должна была в часы приема открывать дверь моим будущим пациентам. Вы должны знать, сколько сюрпризов доставляют старые постройки площади Вож профанам, которым не случалось жить в таких домах. Повсюду узкие коридоры, закоулки, огромные стенные шкапы. Осмотрев все комнаты, я заметил в глубине кабинета еще один стенной шкап, к которому у меня не было ключа на связке, переданной мне привратницей. Этот шкап занимал угол комнаты, и мне казалось, что ему отведено слишком много места. Однако я не обратил на него особого внимания, рассчитывая попросить у моего предшественника ключ, который он, очевидно по рассеянности, захватил с собой.

Вчера доктор Деженэ пришел ко мне в мои приемные часы, и признался мне, что, против своего обыкновения, выпил за завтраком

несколько стаканов вина, после которых чувствует себя довольно скверно…

— В шестьдесят лет, молодой мой друг, — сказал он мне, — нужно щадить свои артерии. Но дело не в том. Скажите мне, довольны ли вы?

Я отвечал ему, что меня уже приглашали двое из его старых пациентов, и это кажется мне хорошим предзнаменованием.

— Несомненно, несомненно, это очень хорошо. Вы здесь уже основались, и я очень рад, что дело обстоит таким образом. Я должен сообщить вам одну тайну, которая могла бы вас порядочно обезкуражить, если бы вы еще не жили в этом доме. Но теперь это почти не имеет значения. Да, этот секрет я хранил в течение четырнадцати лет… Вы удивлены, не правда ли? Я хотел унести его с собой в мою новую квартиру, но потом раздумал. Я вам уже сказал, что мне шестьдесят лет. Мой организм еще достаточно крепок, но все же в один прекрасный день я могу умереть внезапно, а мою тайну я должен хранить еще целый год. Буду ли я жив через год? Кто знает… И вот я решил разделить эту тайну с вами. За два месяца вашего знакомства я хорошо изучил вас и уверен, что мой секрет увлечет вас так же, как он увлек меня, и, если я не доживу до назначенного срока, вы окончите мое дело за свой страх и риск».

II.

«Вы легко можете себе представить, господин комиссар, как сильно я был заинтересован.

— Вот, — продолжал доктор Деженэ, роясь в своем кармане, — вот ключ от шкапа, который занимает угол этой комнаты. Пожалуйста, заприте дверь на задвижку.

Я запер дверь и, повернувшись, увидел моего коллегу перед шкапом, который он только что открыл; в глубине темного отверстия блестела какая-то металлическая ручка. Он наклонился, схватил ручку и с силой потянул к себе. Я услышал шум колесиков, и в отверстии показался какой-то огромный ящик, двигающийся по рельсам. Я с любопытством подошел ближе. Он поднял крышку, укрепил ее с помощью железного треугольника, и глаза мои, привыкшие к темноте, увидели в огромном ящике вытянутого во всю длину человека лет сорока, с закрытыми глазами, который, казалось, спокойно спал. Я вскрикнул и отшатнулся.

— Успокойтесь, — сказал мне доктор Деженэ, сам оставаясь совершенно спокойным, — этот человек не причинит вам зла, так как не

может шевельнуть мизинцем без вмешательства моей воли. Но, согласно его желания, я разбужу его ровно через год, в день рождения сэра Самуэля Генри Вильямса Феркет, которого я имею честь вам представить. Сейчас вы узнаете его историю.

Для того, чтобы вы могли понять меня, нам надо вернуться за тридцать лет назад, когда я, влюбленный в физиологические науки, с жаром предавался работе. Знаете ли вы муху, называющуюся «сейгомия»?

— Да, — ответил я, — смутно припоминаю, что читал о ней, когда готовил паразитологию к третьему экзамену. Кажется, папа Адриан IV, имевший печальную привычку спать под открытым небом, умер от личинки сейгомии, забравшейся в его носовую полость.

— Возможно, что это и так. — заметил мой коллега, — но, на мой взгляд, вы недостаточно знакомы с этим уважаемым двукрылым. Знайте же, мой молодой друг, что личинка сейгомии может развиваться только в том случае, если она питается живой субстанцией. Для того, чтобы обеспечить своих отпрысков необходимой им пищей, муха сейгомия пользуется гениальной стратигеммой, обнаруживая поразительное знакомство с мельчайшими подробностями анатомического строения гусениц и бабочек; опа, разыскивает коконы этих последних, разрывает их, чтобы получить туда доступ, а затем колет своим жалом куколку, — заключенную в коконе, в восьми точках, всегда одних и тех же; и обратите ваше внимание на то, что эти восемь точек строго соответствуют восьми нервным узлам, представляющим двигательные центры куколки. Через образовавшиеся таким путем восемь канальчиков она впрыскивает своим хоботком особую жидкость, вырабатываемую специальными железами, которая поражает нервные узлы; происходит, так сказать, приостановка жизни. Вслед за этим наша сейгомия кладет свои яички в отверстие кокона, через определенный срок из них вылупливаются личинки, которым остается только спокойно питаться своей жертвой, так как куколка все еще жива, но совершенно неспособна защищаться или хотя бы двигаться. Крайне заинтересованный, я собрал сейгомий и куколок и начал изучать подробности этого процесса.

III.

«Прежде всего, — продолжал Дежепэ, — я заметил, что куколки после уколов и впрыскивания не разлагаются даже по истечении года, по сохраняются в состоянии омертвения. После многих неудач мне посчастливилось отделить у моих сейгомий особые железы, о которых я

вам говорил, и путем простой дистилляции я получил несколько капель жидкости, которую подверг анализу. Я провел два месяца за этой кропотливой работой, но какова была моя радость, когда я убедился, что могу путем синтеза получить подобную же жидкость, состоящую исключительно из простейших химических элементов. В результате моей работы, в самом непродолжительном времени я мог бы снабдить этой жидкостью сегомий весь мир.

Но этим дело не кончилось; постепенно мною начала овладевать фантастическая идея; если соединение некоторых элементов, действуя на нервные центры живого существа, приводит его в состояние омертвения, то не может ли соединение, некоторым образом противоположное первому, нейтрализовать его действие и вернуть жизнь жертве? В течение целых трех лет я производил опыты, испробовал тысячи комбинаций, основываясь на работах моих предшественников, — исследовавших проблему оживления ротифер. Наконец труды мои увенчались успехом, и я мог с восторгом наблюдать, как одна из моих куколок, более года находившаяся в состоянии омертвения, ожила после впрыскивания новой сыворотки и, по истечении определенного срока, превратилась в великолепную бабочку.

Тогда я сделал доклад и выпустил брошюру, посвященную этому вопросу… но, мой друг, я не был лицом официальным, никто не знал какого-то доктора Деженэ. Меня сочли за шарлатана… Я примирился с неизбежностью и продолжал свои исследования исключительно для собственного удовлетворения. Я перешел к другим животным, пользуясь ими, как объектами для экспериментов. Сначала я пользовался пиявками и ракообразными животными с ганглионарной нервной системой, а затем животными с более сложной организацией, как птицы и рыбы. Наконец, я начал производить опыты над морскими свинками и собаками, чья организация приближается к человеческой. Всюду те же результаты и тот же успех. Мало того — я открыл новый изумительный факт: мои животные, по возвращении к жизни, не состарились ни на один день; их шерсть ни разу не менялась, привычки остались те же; можно было подумать, что они заснули накануне, тогда как в действительности их сон продолжался нередко пять-шесть лет. Мое состояние дало мне возможность совершить безумный поступок: я издал брошюру в количестве многих тысяч экземпляров в форме манифеста, желая таким путем выразить протест против тех, кто должен был быть моими судьями и сотрудниками. Мои брошюры появились на всех континентах, но я не получил ничего, ни одного осмысленного ответа. Да… не следовало предполагать, что люди

рассудительные и уравновешенные обратят внимание на такой вздор. Меня могли понять только безумцы, и, действительно, один из них и явился ко мне.

IV.

«Сэр С. Г. В. Феркетт — один из тех бедных людей, обремененных десятками миллионов. каких нередко можно встретить в Новом Свете. В один прекрасный день, четырнадцать лег тому назад, он вошел в мой кабинет, в котором мы с вами сидим сейчас. Это был человек огромного роста, атлетического сложения, одетый в невероятно пестрый клетчатый костюм. По-французски он говорил почти правильно. Он сказал мне без всяких предисловий:

— Доктор, я хочу, чтобы вы меня усыпили; я заплачу вам, сколько следует.

Я никогда в жизни не занимался гипнотизмом и не понял его просьбы. Тогда он вытащил из кармана одну из моих брошюр и объяснил, к крайнему моему изумлению, что желает быть усыпленным по моему методу на срок в пятнадцать лет. Мой категорический отказ поразил его; он никак не мог попять, что законы нашей страны не допускают подобных экспериментов и, соглашаясь на его просьбу, я рискую попасть в тюрьму.

Он рассказал мне свою историю. У него есть племянница восемнадцати лет, дочь его сестры, вышедшей замуж во Франции за мелкого чиновника без всяких средств. В свою последнюю поездку он влюбился в девушку, которая сделалась очаровательной парижанкой, и поклялся во что бы то ни стало жениться на ней. Он предложил ей все свое состояние, обеспечил будущность ее отца, матери, братьев и сестер, получил согласие всей ее семьи; но очаровательное создание отказало ему наотрез, заявив, что, несмотря на ее горячую привязанность к нему, она никогда не выйдет замуж за человека, который старше ее на двадцать два года.

— Если бы вы могли, — заявила опа, лукаво на него поглядывая, — помолодеть на пятнадцать лет или сделать меня на столько же лет старше, то я хоть завтра соглашусь стать вашей женой.

В течение шести месяцев, которые он провел в Париже, ни уговоры родителей, ни его мольбы не могли сломить упорство молодой особы, которая в ответ только повторяла ту же злую шутку. Кончилось тем, что она сама начала относиться к ней вполне серьезно. В один прекрасный день,

вернувшись домой, она с гордостью показала мою брошюру своему дяде, который сначала очень изумился, а потом решил испробовать это средство. Племянница в восторге подписала условие, на основании которого обязывалась выйти замуж за сэра Феркета через пятнадцать лет, если он подвергнет себя упомянутому эксперименту. И американец с триумфом помахал перед моими глазами подписанной бумагой, которую он извлек из кармана.

Несмотря на все это, я оставался непоколебимым и отрицательно качал головой. Тогда сэр Феркетт полез в третий из своих бесчисленных карманов и вытащил оттуда револьвер среднего калибра.

— Так как вы не соглашаетесь и, следовательно, мне нечего больше делать на земле, я застрелю вас, а затем покончу с собой. Олл райт. Даю вам пять минут на размышление.

Из карманчика жилета появился хронометр, с которым мой собеседник отошел, посвистывая, к камину.

Мои размышления были недолги; я решил вспрыснуть этому упрямцу хорошую дозу морфия и, как только он уснет, пойти предупредить полицию. Но я не принял во внимание тех редких случаев, когда морфий производит как раз обратное действие. После первого же укола мой американец почувствовал себя отвратительно, не испытывая ни малейшей сонливости; второй и третий укол дал те же результаты. Разгадав мою уловку, он пришел в ярость, схватил флакон, и, увидя на нем надпись «морфий», с силой швырнул его на паркет. Приставив мне револьвер к виску, он принудил меня показать ему бутылку с ужасной жидкостью.

Не помню, сказал ли я вам, что я назвал мою жидкость просто «усыпляющее», и название это повторяется в брошюре по крайней мере раз двадцать. Неудивительно, что он сейчас же узнал бутылку. Не опуская револьвера, он следил, как я наполнял шприц, и мужественно вынес два укола в спинной мозг, необходимых для того, чтобы вызвать усыпление. После первого впрыскивания он сел, и голова его начала раскачиваться из стороны в сторону, второй укол превратил его в инертную массу, и злополучный револьвер выскользнул из его рук.

Первые мгновения были ужасны для меня. Что я сделал?.. Впервые мне пришлось испробовать мое открытие, на человеке… Правильны ли были мои расчеты? Не вызвал ли я реальную смерть вместо предполагаемой приостановки жизненного процесса?..

Я начал выслушивать и ощупывать огромное тело, распростертое, у моих ног. Часа через четыре я почти успокоился — в теле не замечалось никаких признаков окоченения. Я запер дверь кабинета и пошел побродить

по улицам. Дело было сделано, оставалось придумать какой-нибудь выход.

Вернувшись домой поздно вечером, я нашел тело в кабинете в том же положении, как я его оставил. Я отнес его в кладовую и запер на ключ. На следующий день я заказал для этого огромного шкапа ящик, который вы здесь видите, объяснив плотнику, что я измерен туда складывать ковры, драпри и меховые вещи, чтобы предохранить их от моли. Тем дело и кончилось.

Сестра сэра Феркета, визита которой я очень боялся, пришла ко мне через несколько дней и рассказала об исчезновении своего брата. Я ответил ей, что ничего о нем не знаю. В европейских и американских газетах напечатали несколько объявлений. по так как своей семьи у него не было, то скоро все о нем забыли, и истина не обнаружилась.

Через год я сделаю сэру Феркетту, которому все еще сорок лет, впрыскивание пробуждающей сыворотки, и мы будем присутствовать при его возвращении к жизни, так как вы будете со мной, по правда ли, Морель?.. Этим совершившимся фактом мы докажем, что можно открывать неизведанные области, не будучи представителем официальной науки. Кроме того, — а это ни в коем случае не может быть неприятно, — я буду иметь у этого превосходного человека, который разыщет свою племянницу и сможет жениться на ней, неограниченный кредит, и вы можете быть уверены, мой молодой друг, что большая часть его даров я употреблю на то, чтобы помочь вам пробиться в жизни.

V.

«Тем не менее, как вы легко можете теперь понять, я чувствую некоторое угрызение совести за то, что мне одному известна формула оживления, и потому я хочу немедленно продиктовать вам ее. Вы заучите ее на память, а затем сожжете бумагу, как и я сам давно уже сделал… Будет досадно, если ее украдут и воспользуются ею, после всей неблагодарности моих глупых современников».

Я был совершенно ошеломлен, господин комиссар, — продолжал Морель. — и, согласитесь, что это неудивительно. Я машинально сел к письменному столу и взял ручку и блок-нот, в то время, как доктор Деженэ, чувствовавший себя не совсем здоровым, открыл окно и тяжело опустился в кресло против меня.

Он начал диктовать. Вот эта записка:

«Дозы для впрыскивания взрослому человеку противоусыпляющей

сыворотки.

«Возьмите: 3 грамма хлористого натрия.

«1.60 гр. воды, насыщенной кислородом.

«0.52 гр. чистого эфирного масла, которое вы растворите в трех кубических сантиметрах девяносто-градусного спирта.…

Он останавливался после каждой фразы, чтобы отдышаться, и снова начинал диктовать:

«Прибавьте пол миллиграмма.…

Я ждал продолжения, которое не последовало. Подняв глаза, я увидел, что голова доктора Деженэ свесилась на бок, лицо потемнело, и струйка слюны медленно стекала по сюртуку.

VI.

Я пустил ему кровь, испробовал искусственное дыхание, но ничто не помогло — он был мертв. Я немедленно протелефонировал в госпиталь, и его перенесли в ближайшую больницу, как обычно делается в таких случаях. Явились два агента и составили протокол. Вас, вероятно, уже поставили в известность, господин комиссар?

Комиссар быстро просмотрел бумаги на своем бюро и сказал:

— Действительно, вот протокол. Я еще не успел его просмотреть — мы так заняты.

Между собеседниками воцарилось молчание. Комиссар искоса рассматривал Мореля, и, казалось, сомневался в его рассудке. Наконец, Морель проговорил:

— Я избавился от тяжелой ответственности. Что я должен теперь делать?

— Вам следовало сделать ваше заявление еще вчера, немедленно после всего случившегося, — отвечал важно комиссар, — я передам ваше показание моему прямому начальству, и будут приняты соответствующие меры, во всяком случае мы наложим в вашем присутствии печати на шкап и на ваш кабинет, а пока мой секретарь примет от вас официальное показание.

Так и было сделано. Морель, по натуре своей очень впечатлительный, временно переехал в гостиницу. На третий день он получил приглашение явиться к судебному следователю, которому вся история показалась очень подозрительной. Там моего друга измеряли, фотографировали, взяли отпечатки его пальцев. Через шесть дней его вызвали второй раз, и

следователь объявил ему, что дело, к сожалению, пойдет обычным порядком, так как на него падает подозрение в убийстве. Он просил его явиться через четыре дня и сообщил, между прочим, что, по постановлению префекта полиции и согласно инструкций, касающихся общественной гигиэны, труп сэра Феркетта будет сожжен на этой неделе.

— Как сожжен? — вскричал Морель, — Но, может быть, это совсем не труп. Вы совершите ужасную ошибку!

— Успокойтесь, — возразил следователь с вежливой улыбкой, — никакие сомнения здесь неуместны. Согласитесь, что после обнародования пресловутого открытия доктора Деженэ медицинская академия обратила бы на него должное внимание, если бы оно того заслуживало. После детального исследования нам был представлен подробный отчет по этому вопросу светилами медицинской науки. Они считают подобный факт абсолютно невозможным и могут констатировать только поразительное отсутствие признаков разложения. Не сомневаюсь, что доктор Деженэ, увлеченный своими фантастическими бреднями, внушил вам, а возможно и самому себе эту нелепую мысль. Кроме того, тщательный обыск на квартире вашего покойного коллеги на бульваре Брюн не дал никаких результатов; мы не нашли ни одного документа, на котором можно было бы базироваться. Закон не считается с нелепыми бреднями, которые могут подорвать его авторитет. До свидания, доктор, прошу вас явиться через четыре дня.

Морель вернулся в свою квартиру на площади Вож в ужасном состоянии. Он слышал рассказ доктора Деженэ, пережил с ним все этапы чудесного открытия и теперь ни одной минуты не сомневался. То, что казалось невозможным, могло быть осуществлено.

— Он быстро принял решение: глупцы, желающие все подчинить закону, придуманному другими людьми, дали ему четыре дня свободы… тем хуже для них, тем хуже для закона… Он быстро уложил в чемодан самые необходимые вещи, смело сорвал печати со своего кабинета, положил сэра Феркетта в прочный сундук и в тот же вечор уехал с курьерским поездом в Марсель. На следующий день в полдень он садился на английский пароход, отправляющийся в Александрию. Случай сослужил ему хорошую службу, внушив избрать этот путь. Процесс, начатый против него, был отклонен судом.

В течение трех лет он живет в Александрии рядом с сэром Феркетом, заключенным в новый шкап. Сера Феркета я видел— он спокоен и молод попрежнему. Морель работает без отдыха и — увы! без успеха, разыскивая формулу доктора Деженэ; но он человек упорный и настойчивый и кто

знает…

— Скажите. — спросил я, — что сталось с племянницей сэра Феркета?

— Морель рассказал мне о пей. Одно время она служила приказчицей в магазине, собрала небольшое приданое и вот уже двенадцать лет, как вышла замуж за какого-то комиссионера, прельстившись его смазливой физиономией. У них шесть человек детей, он пьет запоем, бьет ее, они дошли до нищеты, и она принуждена ходить на поденную работу, чтобы покупать ему бифштексы и воду Виши, так как бедный малый страдает какой-то желудочной болезнью.

Прошло четыре дня с тех пор, как Верен рассказал мне приключение сэра Феркета. В одно прекрасное утро он прибежал ко мне вне себя, потрясая какими-то бумагами; он бросил их на мой письменный стол и упал в кресло, вытирая лоб платком. Из конверта, на котором стояло имя и адрес Борена, выпало два листа писчей бумаги, один из них обгорел по краям. Я прочел:

«Ваше посещение принесло мне счастье, дорогой друг. Ободренный энтузиазмом, с которым вы отнеслись к моим трудам, я с новым рвением принялся за работу, и я нашел… да, я нашел формулу доктора Деженэ, с помощью которой думаю разбудить завтра спящего. Я хочу поделиться этим с вами, единственным человеком, поверившим в меня. С другой стороны, если судьба пожелает снова отнять у меня эту драгоценную формулу, вы обнародуете ее. Вот она целиком»…

На письме можно было разглядеть еще две строчки, почерневшие от огня и совершенно неразборчивые… это было все.

Второй лист был не тронут огнем. В официальных выражениях сообщалось «уважаемому господину Берену», что во время страшной грозы молния ударила в один из домов в Александрии и уничтожила его почти до основания. Среди обломков было найдено два трупа, почти неузнаваемые и обезображенные огнем, и каким-то чудом уцелевший стол с лежащим на нем листом обгоревшей бумаги и конвертом с надписанным адресом.

……..

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ МИСТЕРА ВИЛЬФРЕДА БРАБАЗОНА

Рассказ Д. Гетчинсона

— Вы слышали, может-быть, а, может быть, вы и не слышали — начал слегка вычурно незнакомец, — о загадочном исчезновении мистера Вильфреда Брабазона, служившего в министерстве иностранных дел.

Я сидел у ворот, наслаждаясь тихой красотой девонширского летнего вечера, и здесь-то мне и пришлось выслушать рассказ о поразительном происшествии, который я передаю вам так, как слышал его сам, предоставляя вам полную свободу признать его незаслуживающим доверия. Правду сказать, временами я и сам склоняюсь к такому мнению, но в следующий момент мной овладевает нелепая уверенность, что действительно существует, (если только не погиб уже) человек, который… нет, это странно… баран, который… но это же невозможно! Вы видите, какая нелепость!

В то время, как я сидел так у ворот, на тропинке появился какой-то человек, в сильно поношенной одежде, лет около тридцати на вид, в пасторской шляпе, из под которой выглядывало изнуренное, давно небритое лицо, носившее, несмотря на это, следы хорошего происхождения. С ним шел баран, чрезвычайно грузный и лохматый. Баран встречается нередко на девонширских дорогах, но этот привлек мое внимание — казалось, он не пасется под наблюдением незнакомца, а скорее сопровождает его в прогулке.

На этот пункт я обращаю особое ваше внимание, имея в виду дальнейший рассказ незнакомца.

Странная пара поравнялась со мной и пошла дальше; баран свернул в

сторону к изгороди и начал щипать траву, господин в лохмотьях несколько мгновений наблюдал за ним, потом, к моему изумлению, повернул назад и на цыпочках побежал к воротам, озираясь на барана через плечо. Добежав до меня, он уселся рядом со мной и, без всяких предисловий, начал слегка вычурно, как я уже сказал, свой рассказ.

— Может-быть, вы слышали, а, может-быть, вы и не слышали о загадочном исчезновении мистера Вильфреда Брабазона, служившего в министерстве иностранных дел. Это случилось три года тому назад. В один ноябрьский вечер он в обычное время ушел со службы и с тех пор его уже больше не видели. Этот случай вызвал много толков и волнения, но со временем все о нем забыли. Увы, дорогой мой сэр, я один не мог забыть!

Он остановился, чтобы вытереть пальцем глаза, патетически засопел и продолжал:

— Вильфред Брабазон был моим двоюродным братом. Прежде, чем познакомить вас с фактами, дорогой сэр, я хочу сообщить вам, как истинному джентльмену, что для меня всегда было тайной, почему мой кузен Вильфред Брабазон не умер в раннем детстве. Вам, наверное, приходилось читать или слышать, что добродетельные люди умирают молодыми. Я мог бы вам поклясться, что мой кузен Вильфред Брабазон был человеком добродетельным до отвращения. Поэтому он должен был умереть молодым; но он не умер; он и теперь еще жив, если вы назовете это жизнью; я с глубочайшим интересом буту ждать вашего мнения по этому вопросу, дорогой мой сэр.

Тут он взглянул на изгородь с явным намерением убедиться, что баран попрежнему занят ощипыванием травы, а затем продолжал прерванный рассказ:

— Вильфред, дорогой сэр, появился на свет Божий образцовым мальчиком. Впервые я встретил его, когда мне было пять лет. а ему четыре. В то время у меня была страсть играть с водой и грязью, размешивая их в тесто. Я предавался этому занятию, когда мне удавалось ускользнуть из под надзора няньки и матери, и первая была совершенно права, называя меня самым грязным мальчишкой, какого ей когда-либо приходилось видеть. В тот день, когда мой кузен Вильфред впервые приехал погостить к нам, она повторяла это с особым негодованием, советуя поглядеть на моего дорогого кузена, который тоже играл в саду, но играл чистенько и теперь выглядел как картинка. Когда она закончила свою речь, я бросил целую пригоршню грязи в самую середину передничка Вильфреда, громко крича: «Вильфи теперь тоже грязный мальчик».

Они схватили меня, дорогой сэр, и, не обращая внимания на мою боль

и стыд, отшлепали по тому самому месту, которое вскоре свыклось с подобными операциями. С этого дня началась моя жгучая ненависть к кузену.

Видите ли, дорогой сэр, его всегда ставили мне в пример, а я смею думать, что ничто не может внушить большего отвращения. Когда я был ребенком, меня постоянно спрашивали, почему я так не похож на моего маленького дорогого кузена Вильфреда.

— Когда мы поступили в школу, дела пошли еще хуже. В начале и в конце каждого учебного года отец с негодованием ставил мне в пример Вильфреда, обучение которого не стоило его родным ни одного пенни. Он получал стипендии, ему давали в награду красиво переплетенные книги и ящики с чертежными инструментами. А мое учение, по словам отца, постепенно разоряло его. Если бы эти огромные суммы, которые он тратил на мое образование, пошли мне на пользу, он не жалел бы о них; по, признавая меня безнадежным лентяем, от которого никогда не будет толку, почему мой бедный отец на старости лет снова должен приняться за работу. После таких разговоров я возвращался в школу с твердым намерением не причинять огорчений отцу. Но желание так и оставалось только желанием, и я учился одинаково скверно. А Вильфред… он постоянно кончал с наградами.

Время шло. Нас определили на службу. Я поступил в банк в Сити. Но тут я приближаюсь к замечательной катастрофе, происшедшей со мной, и чувствую потребность, с вашего разрешения, прочистить себе нос. Прошу извинить меня.

Он высморкался в изодранный платок, посмотрел опасливо в сторону барана и продолжал:

— Мне приходится сознаться, дорогой сэр, что мои служебные успехи были весьма посредственны. Увы, отец мой пользовался каждым удобным случаем, чтобы напомнить мне о блестящей карьере Вильфреда в министерстве иностранных дел. Я хорошо помню, что в среду я получил письмо от моего родителя, переполненное с начала до конца Вильфредом. Я размышлял о нем целый день в банке, и те же мысли терзали меня, когда в семь часов вечера я сел в омнибус, чтобы ехать к себе домой в Голловей. В омнибусе, кроме меня, был только один господин. Теперь, сэр, я попрошу вас слушать с особым вниманием. Мой попутчик, о котором я упомянул, сидел напротив меня в самом отдаленном от кондуктора углу скамьи. Я затрудняюсь объяснить, почему он привлек мое внимание, по факт этот очень знаменателен. Несколько раз я замечал, что глаза его устремлены на меня с каким-то зловещим выражением. Он был одет в тяжелую шубу с

большим воротником, поднятым до ушей, окружавшим, как каракулевая воронка, его лицо. Его можно было принять за индуса, но потом я стал приписывать ему божественное происхождение. Может-быть, странный эффект производили фонари, мимо которых мы проезжали, или же виною тому было мое напряженное, состояние, но факт тот, что лицо его казалось мне окрашенным то черным, то желтым, то красноватым, то снова черным или желтым цветом.

Я замечал, что глаза его устремлены на меня с каким-то зловещим выражением.

Дорогой мой сэр, как раз в тот момент, когда я уловил в нем необычайное сходство с Мефистофелем, как его обычно изображают, он поймал мой взгляд и улыбнулся. Тогда я увидел, что он отнюдь не похож на Мефистофеля, а выглядит как уроженец Индии. Но глаза его смотрели насмешливо.

Он наклонился, тронул меня за колено и сказал:

— Был один человек, который надоедал мне, я превратил его в быка, и все неприятности окончились.

Согласитесь, сэр, что это довольно необычайный предмет разговора между двумя незнакомцами в Лондонском омнибусе. Я ответил ему на это:

— Извиняюсь, сэр.

— Тайная сила — сказал он — помогает читать мысли. Я прочел ваши. Я замечаю ваше изумление и умею ценить его. Боюсь, однако, что вы не сможете постичь Власть и Кольцо, даже если я попытаюсь объяснить их вам.

Дорогой сэр, эти необычайные замечания произвели на меня впечатление — и, смею думать, вполне естественное — что человек этот — сумасшедший. Я всегда был склонен думать, что к сумасшедшим следует приноравливаться. и, поступая согласно этому правилу, с полной симпатией отнесся к тому. что считал его безумными бреднями. Он сообщил мне, что он — так называемый, Семьдесят Первый. Старший сын в их роде наследует Власть и Кольцо на двадцать первый год, младший сын получает Власть и Камень. Он описал довольно неопределенно свою родину, находящуюся где-то за Тибетом и признался, заметно удрученный, что он только младший сын и что Камень значительно ниже Кольца, — «С Кольцом можно возвысить дух», сказал он: Камень же совершает только превращения. Так, я могу перевести ваш дух в кошку, но не смог бы облечь дух кошки в человеческую форму.

Я ответил, стараясь быть любезным, что это должно быть тяжело, и я вполне сочувствую ему.

Дорогой сэр, с моей стороны это была плачевная ошибка. Он догадался, что я не верю ему, и действительно тогда я не поверил, о чем не перестаю жалеть до сих пор. Он впился в меня глазами, и, как я ни старался, я не мог отвести от него взгляда. Я пытался крикнуть кондуктора, вскочить с места, но не мог сделать ни того, ни другого.

— Что касается Власти, — сказал он, — вы находитесь под ее влиянием и можете заметать, что вы совершенно беспомощны. Власть помогла мне прочесть ваши мысли, когда я обращался к вам. Вы думали с великой горечью о каком-то человеке, который чрезвычайно надоедает вам. Теперь вам остается убедиться в могуществе Камня.

Дорогой сэр, я был серьезно встревожен. Тарабарщине его я не верил, а невозможность двинуться под его взглядом приписывал своему воображению или слабому гипнотическому внушению. Мои мысли он мог угадать, правильно истолковав выражение моего лица. Пугало меня то, что он казался мне несомненно сумасшедшим и легко приходящим в раздражение. Я боялся припадка или даже нападения и, чтобы умиротворить его, начал самым серьезным образом уверять, что теперь я вполне убежден.

— Хорошо, тогда я вознагражу вас, — ответил он, — вы познаете могущество Камня. Ваш друг, существование которого причиняет вам

столько неприятностей, не будет вас больше тревожить. Камень воплотит его дух в иную оболочку. Во что желаете, вы превратить его?

— Случилось так, дорогой мой сэр, что в этот момент мы проезжали как раз мимо ярко освещенной мясной лавки, где был выставлен плакат, объявляющий, что владелец ее поставляет лучших кентерберийских ягнят. Без сомнения, вам известен этот крайне интересный феномен, именуемый ассоциацией идей. Вследствие простейшего процесса в мозговых центрах, мой ответ на странное предложение этого человека был уже готов.

— Превратите его… — сказал я… Простите меня, сэр, я дошел до трагического момента в моей истории, и потому чувствую крайнюю необходимость прочистить нос и слезные железы, с вашего разрешения.

Он снова проделал всю операцию, попрежнему искоса поглядывая с опаской в сторону барана, который мирно щипал траву в нескольких шагах от нас, и с тяжелым вздохом возобновил прерванный рассказ.

«Превратите его в барана», сказал я.

— Он вытащил из кармана камень, похожий как две капли волы на обычный детский шарик, которым играют школьники, повернул его три раза пальцами и заявил: «Готово». Затем он встал, поклонился и выпрыгнул из омнибуса. У меня было такое чувство, дорогой мой сэр, как будто я очнулся после глубокого сна. Вздрогнув, я вскочил на ноги и громко расхохотался над нелепостью всего происшедшего. Но могу вам поклясться, что я смеялся последний раз в своей жизни. С тех пор я забыл, что такое улыбка.

Омнибус остановился на углу моей улицы. Я вышел и направился к дому. Еще издали я заметил у парадной двери небольшую группу людей. На пороге стоял баран. Вообразите себе мои чувства, дорогой сэр, напрягите все внимание, чтобы представить момент, к описанию которого я сейчас, приступлю. Перед бараном стоял человек, маленького роста, в штиблетах, с палкой в руке. Я принял его за погонщика. Когда я поравнялся с ним, он круто повернулся, задел мой зонтик и выбил его из рук. Я наклонился поднять его, и голова моя пришлась в уровень с головой барана. Можете представить себе мои чувства, когда баран шепнул мне, несомненно голосом Вильфреда: «Ради всего святого, спаси меня, Артур».

Такая чудовищная ненормальность произвела на меня потрясающее впечатление. Чувство тяжелой ответственности еще усиливало мое волнение. Я прислонился к перилам, чтобы удержаться в равновесии, и, очевидно, на моем лице ясно отразилось душевное и физическое мое состояние, потому что погонщик спросил, не болен ли я. Я ответил ему, что болен и осведомился, что он намеревался сделать с бедным бараном,

расположившимся теперь на моем пороге. Нечестивец сообщил мне, что вел его на скотобойню.

«Я не могу этого позволить», — сказал я, — на что погонщик грубо ответил, что баран принадлежит ему, и в его дела я вмешиваться не смею. В то время, как несчастное животное хриплым шопотом умоляло меня спасти его, погонщик нанес ему страшный удар палкой и, приговаривая — «ступай, ступай, не ночевать же нам здесь», схватил его за хвост и потянул с моего порога.

— Погонщик, пощадите этого барана, — умолял я. — Я — вегетарианец и, по своим принципам, не разрешаю вам тащить его на бойню. За сколько вы хотите продать его?

Из его ответа, переполненного отталкивающими непристойностями, я вывел заключение, что он не продаст этого барана даже за четыре фунта. Я предложил ему пять; эту сумму я получил как раз в тот день за неделю усердной работы в банке. И погонщик, взяв пять фунтов, оставил меня наедине с бараном.

Представьте себя меня, дорогой мой сэр, у порога лондонских меблированных комнат, с Вильфредом Брабазоном из министерства иностранных дел, превращенным в барана, окруженного толпой, которая заполнила тротуар и обменивалась замечаниями по моему адресу.

— Возьми меня с собой, — умолял баран — уведи меня в дом. Что это за беда случилась со мной?

— Мой дорогой Вильфред, — возразил я, — нет никакой возможности взять тебя в дом. Что скажет моя квартирная хозяйка?

Вильфред, вместо того, чтобы помочь мне разобраться в нашем положении, объявил, что он чувствует запах собаки и это приводит его в необычайное волнение, доходящее до панического страха. Если я не помещу его немедленно в безопасное место, он свернет себе шею. Что мне оставалось делать? Я вставил ключ, открыл дверь и влетел в дом, подталкиваемый сзади головой Вильфреда. Я умолял его взять себя в руки, но он ответил, что совершенно не владеет собой, так как его беспокоит запах собаки, и кроме того ему хочется блеять. С его согласия я обмотал ему голову пальто, которое снял с вешалки, и он облегчил свои чувства, издав три странных звука, которые в передней лондонского дома показались мне очень жуткими.

Где-то внизу открылась дверь. Я начал уговаривать Вильфреда собраться с силами и подняться наверх. Он ответил, что попытается, если я буду его подталкивать, и, опираясь задней частью на мое плечо, он кое-как вскарабкался на третий этаж, где помещались мои комнаты.

Дорогой сэр, обычно я очень воздержанный человек, но теперь я налил себе полстакана виски и выпил его залпом.

— Расскажи мне, — сказал я — что с тобой случилось.

Вильфред был всецело поглощен своим несчастьем и не обращал ни малейшего внимания на мое печальное положение, хотя относительно моего участия в беде у него не могло возникнуть никаких подозрений. Он ответил, что если я только не дурак, то и сам могу видеть, что с ним случилось. По его словам, он только что вышел из министерства иностранных дел, как вдруг почувствовал, что начинает уменьшаться и в следующую минуту увидел, что в образе барана бежит по мостовой в обществе пяти таких же баранов. Он узнал угол моей улицы и повернул к моему дому.

— Мне кажется, я опять начну блеять, — заявил он, — это оттого, что мне хочется пить. Дай мне воды.

Моя спальня находилась рядом. Я бросился туда и наполнил водой ванну, Вильфред поставил в нее передние ноги и пил в течение трех минут. Я вытер ему морду полотенцем, обмотал его голову толстым одеялом, и он облегчил себя устрашающим блеянием. После этого мы возобновили разговор, окончившийся для меня очень печально.

Я понимал, что ничего хорошего не будет, если я сообщу Вильфреду о моей встрече с незнакомцем в омнибусе. Моим долгом было найти этого индуса возможно скорее, а пока, чтобы не осложнять дела, свалить бремя на плечи кузена.

— Сделай такое одолжение, Вильфред, — сказал я, — не бегай взад и вперед, как ты это делаешь. Я знаю, что ты возбужден, но ведь и мне несладко. И чем сильнее ты шумишь, тем больше я волнуюсь. Я не хочу показаться тебе жестоким и у меня нет ни малейшего желания вмешиваться в твою частную жизнь, но для меня очевидно, что ты навлек на себя это несчастье каким-нибудь тайным пороком, которому ты предавался.

— Какой порок превращает вас в барана, проклятый осел? — спросил он грубо.

Я ответил с важностью, что не знаю и знать не желаю. «Ты — мой кузен. Я никогда не любил тебя, но раз с тобой случилось такое несчастье, мой долг помочь тебе. Я заплатил за тебя мое недельное жалованье; с большим риском я укрываю тебя в своих-комнатах. Я сделаю все, что в моих силах. Я намереваюсь поместить тебя в удобном чистом стойле поблизости отсюда»…

— Я не хочу, — заявил он.

Я продолжал твердо:

— Ты будешь каждый день резвиться в поле. Тем временем я попытаюсь найти человека, который, по моему мнению, может вернуть тебе прежний вид.

Дорогой мой сэр, в этом заключалась моя ошибка. Мне не следовало упоминать о незнакомце, и в Вильфреде немедленно проснулись подозрения. Он стал выспрашивать меня с самым недоверчивым видом. Я так смутился, что начал сбиваться, противоречить себе, лгать без всякой цели. Кончилось тем, что правда обнаружилась. Вильфред накинулся на меня и два раза пребольно укусил за ляжку. Спасаясь от него, я влез на рояль, где и застала меня квартирная хозяйка, принесшая обед.

Спасаясь от него, я влез на рояль

Я не знаю, дорогой сэр, знакомы ли вы с типом женщин, сдающих молодым людям меблированные комнаты в Лондоне. Это необыкновенно болтливый и для человека с тонкими чувствами в высшей степени мучительный тип. В продолжении целых десяти минут я выслушивал ее

причитания, пересыпанные устрашающими гиперболами.

Когда она, наконец, остановилась, что бы перевести дух, я сказал:

— Я прекрасно знал, мистрисс Соммерс, что присутствие здесь этого барашка вы сочтете злой шуткой. Но я привел его сюда отнюдь не потому, что вы вдова, и я не имел намерения нарушить благопристойность вашего дома. Лично я очень люблю вашего сына и ни на минуту не допускаю мысли, что его выгонят со службы, когда узнают, что в вашем доме был баран. Дело в том, мистрисс Соммерс, что у нас в деревне был ручной ягненок. Мы все обожали его, и он привык жить в доме. Пока он был ягненком, он спал на кровати моей матери. Когда он вырос, мать позволяла ему спать у порога ее комнаты. Я не знаю, как он убежал оттуда, но сегодня я нашел его в Лондоне. Его тащили на скотобойню, и, конечно, я выкупил нашего барашка. Надеюсь, вы разрешите мне оставить его здесь на одну ночь, пока я буду в состоянии отправить его домой.

В эту ночь я не ложился. Вильфред и я обменивались взаимными оскорблениями, о которых мне до сих пор тяжело вспоминать. В четверть второго я пробрался в соседний сквер, чтобы нарвать травы. Дождь лил потоками, и домой меня привел полисмен, решив, что я пьян. Не сомневаюсь, что человек, промокший до костей, пробирающийся по улицам Лондона с двумя охапками мокрой травы, выглядит несколько подозрительно. В восемь часов утра я послал телеграмму на службу, прося отпуска на несколько дней по случаю смерти близкого родственника. В четверть десятого я и баран, окруженные любопытной толпой, садились в экипаж.

Человек, промокший до костей, пробирающийся по улицам Лондона, с двумя охапками мокрой травы…

В семь часов мы все еще были в кэбе, объехав весь Лондон в поисках пристанища. Наконец, мы нашли его на отвратительной улице на окраине Лондона. Я, вдохновленный бранью извозчика, проклинающего меня, барана и день, когда он нас увидел, сообщил квартирохозяину, что я только что приехал в Лондон с чудесным бараном, который своими представлениями на сцене зарабатывает для меня более ста фунтов в неделю. Моя первая недельная получка пойдет в его пользу, если он примет нас. Предложение показалось ему соблазнительным, но он все еще не вполне доверял мне. Он пожелал увидеть, что может представлять баран. Я вернулся к кэбу и нашел переднюю часть Вильфреда стоящей на мостовой, в то время, как извозчик возился с задними ногами и клялся, что выкинет их из экипажа, хотя бы ему пришлось перерезать барану горло. Я изложил моему кузену положите дел и умолял его проделать несколько фокусов, чтобы снасти нас. С большими трудностями, получив пять страшных укусов, я убелил его согласиться. Вокруг нас образовалось кольцо любопытных, и здесь произошло первое мучительное выступление Вильфреда Брабазона из министерства иностранных дел, проделывавшего в образе барана такие штуки, как прогулка на задних ногах, пересчитывание носом зрителей, и прочие ненормальные трюки, о которых мучительно вспоминать.

В результате мы получили отвратительную комнату в нижнем этаже. С самого утра хозяин начал гнать нас на поиски ангажемента, причем на долю Вильфреда пришлось немало пинков. В полдень мы вышли пешком из Лондона, и до сих пор бродим по селам Англии. Ничто не может принудить Вильфреда выступать на сцене. Когда голод угрожает нам, он соглашается проделать несколько фокусов в какой-нибудь деревне, а я собираю у зрителей медяки. В промежутках мы занимаемся руганью и драками. Вы видите во мне, дорогой мой сэр, несчастного раба, жестоко терроризуемого бараном. Вильфред поклялся искусать меня до смерти, если я когда-нибудь выдам его секрет. Вильфред…

В этот момент история ободранного джентльмена получила неожиданное подтверждение, повергнувшее меня в полное недоумение. Он резко оборвал свой рассказ и с ужасом вскрикнул. Баран незаметно приблизился к воротам и пристально смотрел на нас. Он опустил голову и

ударил лбом в подворотню. Я упал навзничь, джентльмен в лохмотьях с жалобным воплем пустился наутек. Поднявшись на ноги, я увидел, как он несся во всю прыть по дороге, за ним по пятам гнался баран. Каждый раз, когда морда барана приближалась к задней части его тела, до меня долетал отчаянный вопль:

«Вильфред, Вильфред, не надо!» Наконец оба скрылись из виду.

До меня долетал отчаянный крик:

«Вильфред, Вильфред! не надо!..»

РЕДКАЯ КНИГА

А. Розенбаха

СНОВА разочарование!

Он сидел в кабинете своей конторы и с горечью вспоминал вчерашний аукцион. Экземпляр редчайшего первого издания «Убийства в улице Морг» величайшего фантаста Америки, бессмертного Эдгара Аллана По — навсегда пропал для него и его потомков!..

Роберт Хукер отправился на этот аукцион с намерением купить эту редкую книгу; но когда дошла очередь до потертой грязноватой книжки в коричневой бумажной обложке, отпечатанной в Филадельфии в 1843 году, — цены вдруг запрыгали; явилась, оказывается, масса любителей редких книг. В конце-концов, она досталась одному известному коллекционеру за солидную сумму в 3.800 долларов. Хукер изо всех сил старался набавлять цену, но мог-ли он перебить книжку у одного из богатейших королей промышленности? Лучшие вещи всегда достаются не тем, кто их больше и лучше умеет ценить, а тем, кто богаче… Это непреложный закон.

Но у Хукера был когда-то экземпляр этой редчайшей книги. И это обстоятельство еще больше огорчало его. И его экземпляр был еще ценнее того, что вчера был продан с молотка. Его экземпляр был авторский, даренный, с простой надписью; четким красивым почерком поэта на титульном листе книжки было написано:

«Виргинии от У. А. П.»

Это был тот самый экземпляр, который великий поэт подарил своей жене.

И вот несколько лет тому назад эта книга таинственно исчезла из конторы м-ра Хукер. Чувствуя, что такую редкость, унику лучше не держать на полке своей библиотеки, м-р Хукер хранил свою драгоценность в несгораемом шкафу.

И все-таки книга исчезла. Он искал ее повсюду, предлагал крупные награды, по маленькая старая книжка в рваной коричневой обложке была неуловима.

В это утро Хукер с горечью вспоминал о вчерашней неудаче и одновременно вспомнил о своем пропавшем экземпляре! Где он теперь? Какова его история? Ведь у каждой книги есть своя история. А особенно у такой… Вор не мог бы найти покупателей на нее, потому что посвящение на титуле сейчас же выдало бы его… М-р Хукер в свое время предупредил всех об этом через печать. Но… не стер-ли вор надпись? Может быть он…

— Джентльмен желает вас видеть, сэр, по поводу одной старинной книги.

Хукер вздрогнул и вышел из состояния задумчивости. Эти слова произнес его секретарь.

— Скажите ему, что у меня нет денег на покупку! — сердито ответил м-р Хукер.

Джон Лауренс, секретарь, стоял против него и губы его кривила легкая усмешка. Он знал слабости своего патрона, не даром он прослужил у него много лет. А всякий хороший служащий всегда знает уязвимые места своего хозяина.

— …Э-э… Подождите-ка минуту, Джон… Может-быть, я смогу уделить ему пару минут, — ворчливо продолжал м-р Хукер — Позовите уж его сюда.

— Алло, полковник! Это вы? Какое вас сегодня дело ко мне? — все так-же ворчливо обратился Хукер к вошедшему посетителю.

Посетитель был человек пожилой, но держался прямо и бодро. Он был из той категории людей, что весь смысл жизни видят в собирании старых книг, старого оружия, старых газет, старых монет, старых картин, — словом, всего, от чего пахнет стариной и пылью. Одно время он собирал старые вина, но это не пошло ему на пользу… это уносило много денег и здоровья…

Все коллекционеры знали его под кличкой «полковник»; он действительно служил в армии и вышел в отставку, после войны Севера и Юга, с чином полковника. Он был храбрый солдат, служивший в известном

своими подвигами полку народной гвардии.

— Добрый день, м-р Хукер! Я имею к вам небольшое дело, о котором хотел бы поговорить с вами, но совершенно конфиденциально. Я напал на след *действительно* редкой книги.

Услышав это, Хукер улыбнулся. Сколько раз за время его библиофильской практики этот самый полковник таинственно сообщал ему о «невероятно интересных» вещах, случайно попавших к нему, и всякий раз его редкости и диковинки оказывались самыми обыкновенными рыночными безделушками, лишь сильно потертыми и испорченными… М-р Хукер часто давал увлекающемуся полковнику авансы на покупку этих «диковинок», как их любил называть полковник, но всегда эти редкости оказывались дрянью, не имеющей ни малейшей ценности.

— Ну, что у вас там еще? — нетерпеливо буркнул Хукер, чувствуя, что готовится покушение на его кошелек.

— Вы читали утренние газеты? «Убийство в улице Морга» Эдгара По, первое издание, было вчера продано с аукциона за три тысячи восемьсот дол…

— Довольно! — разозлился м-р Хукер, стукнув кулаком по столу — И чтобы я никогда больше не слышал об этой проклятой книге!

— Но я знаю, где находится другой экземпляр! — заметил полковник.

— Я тоже знаю. В Британском музее.

— Нет, м-р Хукер. Здесь, в Нью-Йорке.

— Где? — насторожился Хукер.

— Но вы же сказали, что не интересуетесь… — съязвил полковник.

— Интересуюсь, чорт возьми, страшно интересуюсь!

— Книга находится в одном старом доме около Вашингтон-Сквера. Но ее трудно достать. Ее владелец сидит в тюрьме.

— В тюрьме?!

— Ну, да. Он совершил преступление и осужден на двадцать лет.

— Какое преступление?

— Убийство.

— Ну, полковник, я думаю вы не для того пришли, чтобы рассказывать мне сказки. Я очень занят сегодня.

— Да ничего подобного. Это сущая правда. Он в тюрьме и просидит двадцать лет за убийство своей возлюбленной. Суд приговорил его к повешению, но потом смягчил приговор.

— Так какое же отношение он имеет к этой книге?

— Терпение, м-р Хукер, терпение. Вы слыхали о деле Томлинсона?

— Никогда в жизни.

— Не может быть! Все газеты в свое время трубили о нем. Семь лет тому назад только и было разговору, что о нем, и вы наверно помните, что…

— Нет, полковник. Семь лет тому назад я был в Европе. Расскажите мне об этом деле.

Полковник уселся и начал подробно рассказывать.

В июне 1914 г. некая семья Кларк поселилась в двух комнатах большого старомодного особняка на Восьмой Восточной улице близ Пятой Авеню. Прожив там меньше месяца, они известили домовладельца, что не могут оставаться в этой квартире из-за привидений. Теперь все верят в привидения, кроме домовладельцев, — это подорвало бы их доход.

Кларки уверяли, что каждую ночь в большой комнате с камином бывает слышен какой-то таинственный шум; они посылали за привратником, но он ничего не знал; странные звуки повторялись каждую ночь, необъяснимые, загадочные. В результате Кларки уехали, и квартира была занята другими не менее нервными жильцами. Домовладелец в отчаянии понизил квартирную плату, но и эти жильцы поспешили выехать.

Тогда домовладелец, скептически настроенный человек, не веривший в привидения, духов, вампиров и тому подобную потустороннюю чепуху, решил исследовать это дело сам. Целый месяц он буквально высиживал все ночи в подозрительной квартире и не слышал ничего. В конце-концов, он пришел к убеждению, что его жильцы были просто сумасшедшие и нет смысла тратить драгоценное время отдыха на проверку глупостей. Однажды вечером — он решил, что этот вечер будет последним — он лениво переставлял шарики солитера; коротая медленное время, он услышал какое-то царапанье в стене. Он побледнел и обернулся. За его спиной послышался звенящий шелест. в ту же минуту раздался звук, точно от падающей монеты и из камина к нему выкатился какой-то блестящий предмет. Прошло не мало времени, прежде чем он решился поднять его. Это было маленькое золотое колечко и на внутренней стороне его были выгравированы инициалы: «М. И. от Д. Л.», Он положил колечко в карман, отодвинул в сторону каминный экран, щипцы, угольную лопатку и заглянул в трубу! Ничего не было видно. Была ясная ночь, но он через трубу не мог усмотреть ни одной звезды. Что-то было в трубе.

Обнаружение полуразложившегося тела бедной Марии Перрин в трубе камина дома № 8 наделало много шума.

Страшное преступление было выполнено совершенно точно по рассказу Эдгара По, и новое издание его «Рассказов» бралось на расхват. «Убийство в улице Морга» в точности повторилось в № 8 в Восьмой

Восточной улице.

На это совпадение нельзя было не обратить внимания, и газеты потребовали от полиции тщательного наблюдения за гориллами и другими крупными обезьянами, которые одни только и могли так совершить преступление. Вся жизнь бедной Марии Перрин была обстоятельно исследована. Ее портреты помещены во всех газетах. Репортеры, фантазии которых ничто не могло удержать, создавали самые невероятные теории преступления, а публика читала, верила и волновалась.

Мария Перрин исчезла из № 8 год тому назад. Когда хозяин пришел за платой, он увидел, что жилица его уехала, забравши все свое имущество. Когда в дело вмешались сыщики, то, предложив десять тысяч вопросов тысяче одному лицу, они установили. что у Марии был жених некто Ричард Томлинсон. Его арестовали. Сперва он упорно отнекивался, но затем под давлением железных лап закона он сознался. Он убил ее в припадке ревности ударами тяжелых каминных щипцов по голове. Это не было преднамеренное убийство и он совершил его под влиянием порыва ревности, узнав, что Мария дарит своим вниманием другого. Он говорил, что был ненормален во время убийства и очнулся, когда тело его возлюбленной уже похолодело. После процесса, длившегося две недели, Томлинсон был приговорен к 20 годам тюрьмы.

———

— Интересная история. — сказал Роберт Хукер, — но какое это имеет отношение к первому изданию По?

— Видите ли, Томлинсон был мой друг. Он рассказывал мне, что, совершив убийство, он пришел в ужас и не знал, что ему делать с телом.

Сперва он хотел итти в полицию и признаться во всем, но не нашел в себе мужества. Долгое время он находился в немом оцепенении, думая о своем преступлении и его ужасных последствиях. Внезапно взгляд его упал на маленькую книжку, лежавшую на столе. Это и был знаменитый экземпляр «Убийства в улице Морга». Он говорил мне, что никогда в жизни не читал ни одну книгу так: впиваясь в каждое слово, в каждый слог, ища выхода из ужасного положения. Остальное вы знаете.

— Ио позвольте, полковник, — сказал Хукер — почему вы думаете, что это было именно первое издание, ведь было выпущено больше сотни разных изданий.

— Оно действительно было первым, мистер Хукер. Томлинсон

говорил мне, что Мария только взяла ее для прочтения, а книга принадлежала одному библиофилу, который всегда держал ее под замком.

— Вы знаете, где она теперь?

— Да.

— И достанете ее?

— Может-быть.

— Я заплачу вам дороже всех. Сколько вы хотите?

— Все, что смогу взять; потому, что я должен буду украсть ее.

— Что?

— Ну да, украсть. Иначе ее нельзя подучить.

— И вы решитесь на кражу?

— Да. Видите ли. Томлинсон, уходя из дома № 8, захватил с собою все вещи своей жертвы и перенес их к брату, который живет около Вашингтон-Сквера. Книга находится в запечатанном сундуке на третьем этаже дома. Томлинсон взял с брата слово, что тот не тронет ни под каким видом этого сундука, пока он не выйдет из тюрьмы. Я уже пробовал подкупить его брата, но он непоколебим. Он боится этого старого сундука… Но чего бы это ни стоило, я достану книгу. Ну, идете вы на это?

Хукер был честным человеком; но раньше всего он был ярым библиофилом.

— Ладно, полковник! — сказал он — Действуйте. Я — ваш союзник.

Полковник взял шляпу и без дальнейших разговоров вышел из кабинета м-ра Хукера.

Три недели полковник не показывался, и вся история с первым изданием показалась Хукеру фантазией, достойной самого По.

Может-быть, книга, как это часто бывало с полковником, оказалась вторым изданием и не представляла большой ценности? Библиофилы имеют странную привычку ценить только первые, наиболее ранние издания, выпущенные в том виде, как впервые были написаны авторами, полные ошибок авторских и корректурных. Они презирают новые и более элегантные издания. И вот полковник не появлялся, видимо найдя не то издание, и Хукер успокоился.

Однажды, когда он просматривал корреспонденцию, доложили о каком-то джентельмене. Потом вошел улыбающийся галантный полковник с рукой на перевязи и черной повязкой на глазу.

— Что с вами, полковник? — воскликнул Хукер.

— Сущие пустяки, сэр.

— Но ваша рука и ваш…

— Это мои частные дела, м-р Хукер. Я пришел за наградой. Я достал книгу. Ту самую книгу.

— Где она?

— Вот здесь, в кармане. Смотрите. Дивный экземпляр!

И полковник положил перед удивленным Хукером бесценное первое издание повести Эдгара По.

Книга была в оригинальной коричневой обложке, как и была выпущена в 1843 году.

Дрожащими руками Ричард Хукер взял книгу, перевернул первую страницу и вздрогнул. Он вскрикнул от неожиданности. Полковник заметил его бледность. Он не предполагал, что такая маленькая, засаленная книжка может произвести такое сильное впечатление даже на самого заядлого коллекционера и никогда за все сорок лет он не наблюдал такого эффекта.

Дрожащими руками Ричард Хукер взял книгу.

На титульной странице Хукер прочел нежное посвящение, написав которое, величайший из американских поэтов подарил свою лучшую повесть любимой жене. Эго был его собственный экземпляр, таинственно исчезнувший и чудом возвратившийся опять.

Он взял чековую книжку, написал чек на три тысячи долларов и вручил его полковнику. Тот удалился, бормоча слова благодарности.

Книга лежала на письменном столе перед мистером Хукером. И тут была новая загадка, достойная самого Дюпена. Вопрос за вопросом приходили ему в голову и оставались без ответа. Кто украл книгу? Как? Зачем ее украли, если она не была продана? Как она попала к Томлинсону? И, наконец, какое отношение имела к ней несчастная Мария Перрин?

Долго сидел так Хукер, смотря на книгу, изнемогая от вопросов и загадок ее таинственной судьбы. Давно прошел час, обеда, а он все сидел неподвижно… Разгадает ли он загадку этой странной книги?

Он всецело был занят этими мыслями, когда вошел секретарь.

— Пора закрывать контору, сэр. Не будет ли каких-нибудь приказаний? Я собираюсь итти, сэр.

— Нет, ничего, Джон, благодарю вас.

Секретарь поклонился, повернулся к двери и вдруг быстро обернулся.

— Книга… Эта книга… Откуда вы ее достали, мистер Хукер?

Роберт Хукер посмотрел на своего верного помощника. Лицо секретаря было бледнее полотна. Он задыхался от волнения, и крупные капли холодного пота выступили у него на лбу от сильного волнения.

— Я сегодня купил ее. — спокойно ответил Хукер, — Она когда-то привадлежала мне… и Марии Перрин…

— Это была моя…

Джон Лауренс не окончил фразы… Его лицо искривилось гримасой боли; он весь дрожал от сильного нервного напряжения.

— Ну, говорите, Джон, — сказал Хукер, — вы знаете больше, чем хотите сказать..

— Хорошо, сэр. Но вы меня простите? Я не хотел сделать дурное дело.

— Что это значит?

— Несколько лет назад вы, вернувшись из Европы, спросили меня об этой книге. Она лежала в несгораемом шкафу и только я имел к нему

доступ и знал комбинацию, открывающую его. Я ответил, что не знаю ничего, что, может-быть, она исчезла еще до вашего отъезда в Лондон. Я лгал, потому что я взял ее. Но у меня не было намерения украсть ее; я никогда не знал ее ценности. Однажды, когда мне нечего было делать, я прочел ее. Это была лучшая вещь изо всего, что я читал. Я был прямо в восторге. Я бредил ею.

— Ну, да, да… А Мария…

— Нас познакомили. Я, оказывается, знал ее давно… Она родилась в Моннелье, где родился и я. Однажды я рассказал ей о замечательной книжке, и она захотела прочесть ее. Совершенно не думая об опасности, я дал ей вашу книгу. Она зашла за нею сюда, направляясь домой. И с тех пор я никогда не видел ее. Я сделал все, чтобы найти ее, но тщетно. Она исчезла из своей квартиры на Восьмой улице и я только из газет узнал об ее ужасной участи. Ко мне приходили сыщики. Они мучили меня расспросами и мое имя фигурировало в бульварной прессе. Я доказал свое алиби и они ухватились за Томлинсона. Вот все, что я могу сказать. Разрешите мне уйти… и навсегда. Вам не нужны такие служащие, как я.

— Постойте, Джон. Оставьте это. Вы достаточно страдали. Идите домой, а завтра приходите как всегда.

———

Книга лежала на столе. На этот раз он возьмет ее домой и поставит на почетную полку в библиотеке. Потому что это по праву был самый интересный из существующих экземпляров «Убийства в улице Морга».

Он начал любовно, как это делают только библиофилы, переворачивать страницы, чтобы убедиться, все ли они целы. Да, все страницы были целы; вся книга была в том же виде, как и перед исчезновением 7 лет назад. Но что это за коричневые, красноватые отпечатки пальцев на задней стороне обложки?

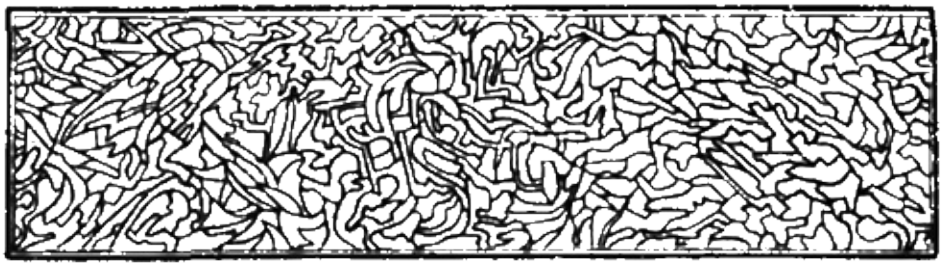
Хукеру не нужно было объяснять: это была кровь бедной Марии Перрин и отпечатки пальцев ее убийцы…

Он вздохнул. Конечно, все это тяжело, по это еще увеличивает редкость его книги, равной которой нет даже в Британском музее!..

……..

КОНКУРС № 2

МОЗАИКА

В этой мозаике нужно отыскать и обвести пером рисунки, вкрапленные в мозаику:

ОХОТНИК, РЕВОЛЬВЕР, ПАРОХОД, КОЛОНИАЛЬНЫЙ ШЛЕМ,

и ответить, сколько, по вашему мнению, будет доставлено правильных ответов на задачу.

ТРОЕ, ИЗ РЕШИВШИХ ЗАДАЧУ, кто укажет число наиболее близкое к фактической цифре получениях нами ответов, ПОЛУЧАТ ПРЕМИИ:

ПО ПУДУ МУКИ
(в облигациях хлебного займа).

Писать обязательно на купоне, помещенном ниже.
Последний срок присылки ответов — 1 декабря 1922 г.
Письма, помеченные «на конкурс № 2 мозаики», адресовать:
Москва. Тверская, 38, «МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ».
Письма, не оплаченные марками, приниматься не будут.

„МОСПОЛИГРАФ“

объединяет все отрасли полиграфического производства.

Типо-литографии и переплетные,

исполняющие всякого рода типо-литографские и переплетные работы.

ОБОЙНЫЕ ФАБРИКИ,

ВЫРАБАТЫВАЮЩИЕ ВЫСОКИЕ СОРТА ОБОЕВ И БОРДЮР.

Оптово-розничная продажа обоев производится в собств. магазинах:

1) Кузнецкий Мост, д. 20, 2) Калужская площадь.
3) Верхне-Красносельская, д. 2.

Колоссальный выбор всевозможных сортов и рисунков.

Отдел формуляров,

Писчебумажный отдел и маг.:

1) Кузнецкий Мост, д. 12, 2) Столешников пер., д. 8,
3) Арбат, д. 19, 4) Ильинка, д. 4.

Продажа оптом и в розницу с доставкой учреждениям и оптовым покупателям товара на место собственным транспортом.

Облаточная фабрика

исполняет аптекарские, парфюмерные облатки и всевозможные этикетки.

Штемпельно-граверная фабрика:

исполняет гравюры по металлу, всевозможные штемпеля и принимает в ремонт пломбирные железнодорожные щипцы.

С требованиями, запросами, заказами и справками обращаться в Управление „МОСПОЛИГРАФ“, Рождественский бульв., д. 12. Тел. 4-57-09, 5-83-01, 22-21.

ДЛЯ ПРИЕМА ЗАКАЗОВ ВЫЗЫВАТЬ АГЕНТОВ НА МЕСТА
по тел. 5-83-01.

Государственным учрежд., издательствам, профессиональным, кооперативным и общественным организациям при массовых заказах и оптовых покупках с основных цен делается скидка.

Директор Объединения ***Поляков, Ник. Тим.***

Телефон служебный 4-57-09, домашн. 8-65.